

РИММА ХАНИНОВА

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

РИММА ХАНИНОВА

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

*Посвящается
Году Семьи в России*

Элиста
КалмНЦ РАН
2024

УДК 821.512.37-1
ББК 84 (2Рос=Калм)-5
Х-191

Х 191   **Ханинова Р. М.**
Одинокое дерево: Избранная проза / Предисловие автора. —
Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-907659-32-2

Избранную прозу Риммы Ханиновой в книге представляют произведения разных лет, созданные в жанрах эссе, притчи, предания, были, короткого рассказа, рассказа. Большинство из них входят в авторские незавершенные циклы «Сибирская быль», «Военная быль», «Короткие рассказы», «Сказки степного ветра» и др. Прозаик, драматург, переводчик, член Союзов писателей России и Беларуси Р. Ханинова широкому читателю более известна как поэт. В трех разделах новой книги проза калмыцкого русскоязычного писателя публикуется на русском языке и в переводах на языки народов России и мира, некоторые из них даны в параллельных текстах. Часть произведений публикуется впервые.

ISBN 978-5-907659-32-2

УДК 821.512.37-1
ББК 84 (2Рос=Калм)-5

© КалмНЦ РАН, 2024
© Ханинова Р. М., 2024
© Авторы, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, предисловие предваряет знакомство читателя с автором и книгой. Предисловие читают, перечитывают или не читают. Многое зависит от знакомства или незнакомства с творчеством данного писателя или с литературной критикой.

Авторское предисловие иногда кажется кому-то избыточным. Открой книгу — и узнаешь. Сама книга, как правило, открывает автора. Или, наоборот, закрывает. В зависимости от авторских задач.

Эта книга — первая моя книга прозы, несмотря на то что пишу прозу со школьных лет. Правда, стихи начала писать еще раньше, с семи лет. А на прозу переключилась в старших классах. В 10 классе даже написала роман в духе Александра Дюма на трестах машинописных страницах под литературным псевдонимом, он даже ходил по рукам избранных читателей, теперь дремлет в моем архиве.

Летом 1972 года для поступления на факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова я опубликовала в газетах «Советская Калмыкия» и «Комсомолец Калмыкии» два рассказа под руководством своего отца, писателя Михаила Ванькаевича Хонинова. Понятно, что они написаны по мотивам его воспоминаний о студенческих годах в Калмыцком техникуме искусств Астрахани. Тогда это обращение казалось очевидным, сегодня — тем более. Спустя много десятилетий я написала несколько рассказов из цикла «Сибирская быль» о том, как отца, лейтенанта, демобилизовали из армии по национальному признаку летом 1944 года, как он отправился в сибирскую ссылку вслед за своей первой семьей («Второй исход», «Прощай, родная степь!», «Три звездочки»). Рассказала и о военной биографии отца — командира партизанской роты, известного под легендарным боевым именем Миша Черный в белорусских лесах («Это было в Сенино», «Меч для героя»).

Помимо моих многих монографий и учебных пособий о жизни и творчестве отца, думаю, это постоянное обращение и в художественных произведениях к главному человеку в моей судьбе — необходимый для меня диалог как дочери, литературоведа, писателя. Мне повезло. Это и счастье, и ответственность, и дочерний долг.

Со временем я все больше проникаюсь его судьбой: на долю его поколения пришелся трагический XX век, отцовский литературный путь был таким же трудным, жестким, несправедливым. Как могу, пытаюсь преодолеть этот дисбаланс в его писательской судьбе. Кроме меня, выходит, некому.

В основу моего цикла «Военная быль» легли реальные истории из времен Великой Отечественной войны. Историю о материнском хлебе услышала в один из дней Победы, когда в передаче Центрального телевидения ветеран войны делился своим воспоминанием. Во второй вариант я добавила локацию — ленинградскую блокаду, чтобы актуализировать семантику и символику хлеба. О подвиге мальчика-разведчика узнала из давней телепередачи писателя-фронтовика Сергея Смирнова. Первый вариант рассказа создан в жанре письма, второй вариант расширен: это история о найденном после войны Сан Саныче. Рассказ «Пуля» основан на газетном знакомстве с местным ветераном войны, получившим во время боя тяжелое ранение и потерявшим один глаз, но оставшимся на фронте после лечения. Образ печника из моего одноименного рассказа связан с заметкой из центральной прессы, обнаруженной в газетных вырезках отцовского архива. Отец сохранял, таким образом, печатные материалы, заинтересовавшие его в свое время. Прочитав и эту удивительную заметку, я добавила школьное прочтение хрестоматийного стихотворения Александра Твардовского «Ленин и печник», соединив прошлое и современность, в том числе через диалог дедушки и внука. История о белорусском художнике Иване Стасевиче, партизанившем в малом возрасте в годы войны, имеет два варианта рассказа: «Партизанская мадонна» и «Картина». Первый вариант обусловлен чтением заметки в «Комсомольской правде» о Белорусском музее истории Великой Отечественной войны, второй вариант дополнен тогда, когда я посетила в Минске этот музей, увидела на стенде фотографию мальчика-партизана, а также картину «В белорусских болотах». Оказалось, что картину «Партизанская мадонна» написал другой белорусский художник Михаил Савицкий, поэтому переключка ее названия в рассказе стала ошибочной. Белорусская тема в рассказе «Знамя» также навеяна

знакомством в этом музее с историей спасения боевого знамени, которое я увидела на одном из стендов и о котором мне подробно рассказала экскурсовод, а затем по моей просьбе прислала выдержки из воспоминаний ветерана, хранящиеся в музее. Другие военные истории из белорусского музея отложились в моих стихах, например, «Фляжка», «Колодец», «Ночная ведьма» и др. Рассказ о собаке — мои впечатления о судьбе известного киноартиста с драматической судьбой, о роли случая в жизни человека. Вообще во всех историях меня заинтересовал феномен случая на войне и в мирной жизни, в экстремальных условиях, проверяющих человека как личность. И мне как писателю захотелось запечатлеть эти образы людей, воздав им должное в нашей памяти. Это люди разных национальностей, возраста, образования, профессии, но всех их, на мой взгляд, объединяют общечеловеческие ценности во все времена.

Ушло поколение писателей, участников Великой Отечественной войны, оставивших нам бесценные произведения о ней. Вероятно, вряд ли кто лучше них скажет о том времени.

Новые поколения писателей пишут о новых войнах. Немногие о той, Великой Отечественной войне. Недаром Великой, недаром Отечественной.

Мои произведения на эту тему основаны на чужих историях, в том числе семейных. Это прочтение моего поколения. Для наших детей и внуков. Эта связь поколений порой кажется хрупкой, невидимой, неслышимой...

Некоторые рассказы из циклов «Военная быль», «Сибирская быль» в разное время переведены на калмыцкий язык нашими писателями — народным поэтом Калмыкии Эрдни Эльдышевым, народным поэтом Калмыкии Верой Шуграевой, а также Эрдни Канкаевым. Это наше творческое единение в перекличке поколений.

Цикл «Короткие рассказы» определяет объем произведения. Эпизод, ставший поводом для размышлений. В основе цикла — также реальные истории. Мальчик из Беслана, рассказавший свою историю теракта в школе, захотевший спасти людей; знаменитый кардиохирург, историю которого поведал другой знаменитый

кардиохирург в одной из телепередач; собственный вещий сон, студенческая пора. В рассказе «Не оглядывайся» — попытка понять зигзаги судьбы: надо ли оглянуться? Или идти по жизни, не оглядываясь на тех, кого или что оставил позади? Вспоминаешь миф об Орфее и Эвридике. Надо ли было Орфею сдержаться и не оглянуться, зная, что его возлюбленная поднимается из царства Аида, как ему обещали, но не слыша ее поступи? Сила любви?.. Или опрометчивость?..

В «Притчах» феномен стены показан на нескольких примерах. Давно мною был написан цикл по мотивам буддийских басен. Среди них басня «Голова и хвост змеи» на тему спора, чреватого, бывает, и смертью, когда хвост и голова змеи решили разойтись: «И хвост расстался с головой / и в путешествие собрался. / Но лишь отполз от головы, так сразу в трещину попался». Басня вошла в мою вторую книжку «Взлететь над мира суетой» (1994). Феномен пресловутого стакана воды заставляет перебрать все варианты — пить или не пить, хочется и не хочется. Вспоминаешь «Стену» Леонида Андреева и «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого.

Чеченское предание «Запах полыни» воплотилось еще в моем одноименном стихотворении, посвященном в свое время шестнадцатилетию моего сына. Оно переведено друзьями уже на два десятка языков.

Эссе, вернее, фрагменты эссе, написаны были в молодости, опубликованы во второй книжке стихов, некоторые из них изъяты из основного текста, поскольку представляют собой прозопоэзию — соединение эссе со стихами.

Из пяти моих поэм («Все движет Женщина-Любовь» (1999), «Солнечный Лев» (2001), «Формула судьбы» (2002), «Справедливый И» (2010)) одна — «Час речи» (2000) — трансформировалась позднее в стихотворную пьесу «Небожитель и младенец». Поэма написана по мотивам калмыцкой сказки «Капли счастья». Когда ее записывали на радио в исполнении заслуженной артистки Калмыкии Тамары Параевой, музыку к радиочтению по моей просьбе написал композитор Аркадий Манджиев, создав музыкальную имитацию летящей с неба капли волшебного эликсира.

Я написала и опубликовала несколько пьес: «Легенда о джангарчи» («Путь речи», 2008), «Небожитель и младенец» (2009), «День рождения» (2013), первая и третья из них переведены на белорусский язык Александром Одинцом, третья — на черногорский язык Душаном Дюришичем.

Во время всемирной пандемии коронавируса в 2020 году, пребывая в самоизоляции, но продолжая работать в дистанционном режиме, решила вернуться и к жанру литературной сказки — своего рода психотерапия. У меня был уже опыт написания сказки и в прозе, и в стихах. Одни из них — оригинальные, например, «Одуванчик», другие — по мотивам сказок народов мира, в том числе и калмыцких.

В этот раз тоже собирала сказки в новый цикл «Сказки степного ветра». Сразу намеревалась писать сказки для детей младшего возраста, поэтому они заведомо короткие. Стремилась к занимательности сюжета, учитывая возрастные особенности такой читательской аудитории. Все эти литературные сказки имеют оригинальный сюжет, за исключением сказки «Травка зеленеет...». Читатели, наверное, вспомнят мальчика, ставшего известным на всю страну тем, что никак не мог выучить стихотворение Алексея Плещеева «Сельская песня» из школьной программы. Как писал по другому поводу Михаил Лермонтов, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Многие сюжеты моих сказок связаны и с местной флорой и фауной, отсылают к калмыцкому фольклору, к городскому ландшафту. Так, сказка «Мальчик и Дракон» повествует о скульптурной композиции фонтана в центре Элисты, за это время демонтированной, на этом месте теперь детская площадка. А мальчик улетел на драконе, наверное.

Многие эти сказки в калмыцком переводе Эрдни Эльдышева, Эрдни Канкаева, Веры Шуграевой, народного поэта Калмыкии Владимира Нурова, Николая Хатуева были напечатаны в журнале «Теегин герл» в помощь школьному образованию как параллельные тексты.

Преподаватели, студенты Элистинского колледжа искусств и сотрудники Национальной библиотеки им. А. М. Амур-Санана со-

здали чудесные и забавные видеоклипы с чтением некоторых этих сказок.

Моему творчеству адресованы диссертации, коллективная монография, коллективное учебное пособие, многочисленные статьи, написанные отечественными и зарубежными исследователями.

Мои произведения в книжном формате вышли в разные годы: «Зимний дождь» (1993), «Взлететь над мира суетой» (1994), коллективный сборник «День влюбленных» (1997) совместно с Бовой Муняновой и Валентиной Лиджиевой, книга стихов, поэм и эссе «На перекрестках Софии и Веры...» (2005) совместно с Ильей Ничипоровым, а также совместные книги с отцом: «Час речи» (2002), «Стану красным тюльпаном» (2010), «Ландшафт истории» (2015) и «Материнский хлеб» (2015). За исключением первой маленькой книжки и коллективного сборника все издания осуществлены на авторские средства, как и эта новая книга.

«Одинокое дерево» состоит из трех разделов. В первый раздел «Меч для героя» включена моя разножанровая проза на русском языке, во второй раздел «Запах полыни» — и в калмыцком переводе, в третий раздел «Герюш» — в переводах на языки народов России и мира.

Название книге дали моя одноименная сказка и моя фотография, сделанная во время дождя на крыльце Национального архива РК. Как известно, в калмыцких верованиях одинокое дерево — сакральный объект, на нем сидит хозяин местности, а в общем — это древо жизни, которое нужно любить и беречь.

Среди моих визуальных стихотворений есть также «Одинокое дерево». Это всем известный сакральный Одинокий тополь в Хар-Булуке. К сожалению, во время недавнего урагана отломилась одна его ветка, но столетнее дерево уцелело. В будущем, может, оно возродится в новом потомстве.

А это значит, что одиночество не будет долгим...

*Римма Ханинова,
член Союза писателей России,
член Союза писателей Беларуси*

I

Меч для героя

ЭССЕ

Взлететь над мира суетой

Степь.

Ее не сразу разгадаешь.

Она не откроется с первого взгляда.

Она дарует знания не случайным.

Ее необъяснимая природа обаяния в ваших генах. Сопrotивляясь, недоумевая, вы с удивлением обнаруживаете со временем свою зависимость от терпкого запаха полыни, бескрайнего горизонта, обнажившего вас в степном пространстве: в своей первоизданности.

И тогда скромные, пастельные пейзажи будут беречь душу, зывая к давно забытым воспоминаниям.

Ее простор, раздвигающий границы неба и земли, будит космическую память человека, ощущающего себя наедине с природой.

Степь таит в себе секреты времени и пространства.

Она величественна в вековом покое, даже потревоженном вторжением человека.

Апрель 1991 г.

***

Время поистине быстротечно.

Оно уносит из нашей памяти и мимолетное, и постоянное...

Всему свое начало и свой конец.

И в этом, может, суетность бытия.

Но память наша избирательна, и самое заповедное, самое сокровенное в ее тайниках сохраняет свое значение, спасая человека от забвения.

И в этом, может, мудрость бытия.
Попытка остановить время — разговор поэта с вечностью.

Июль 1991 г.

Наедине с собою

Судьба...

Таинственная бездонность многозначия, имеющего отношение ко всему сущему. Синоним жизни, а следовательно — и счастья и несчастья.

Как бы то ни было, емкая формула спасительной цели: «Отсутствие несчастья уже счастье».

Или достопамятная ловушка для юных, распахнутых навстречу жизни душ: «Человек рожден для счастья, как птица — для полета».

Всякая ли птица летает — вот в чем вопрос: может быть, для одной полет — лишь забвение земли, а для другой — долгожданная встреча?

Почему человек суверен в своем отношении к судьбе?..

Счастливый человек, не скрывающий своего везения в этом, как привидение: все слышали, но никто не видел, никто не верит — но все надеются...

И чего в этом больше — благоговения перед судьбой или боязнь сглаза (не судьбы, хотя она и своенравна) ближнего, которому (ирония судьбы) не навреди.

Всю жизнь мы боролись. За все, что нужно и можно. Теперь за то, что нельзя. Иногда борьба становилась настолько прочно усвоенной формой существования, что утрачивала свое первоначальное значение и превращалась в борение. Прежде всего с самим собой. В этом борении побежденного не судили — его жалели.

Единство и борьба противоположностей. Закон диалектики — приживалка в царстве любви, суровая необходимость, клятая и мятая ежеминутно в бегстве от вечных вопросов бытия: «быть или не быть?» как уже «бить или не бить?..»

Свобода от судьбы — свобода от борьбы.

Так что же нужнее — свобода выбора или свобода независимости от выбора?

Вера в судьбу — вера в магию заклинаний (на полюсах «Не дай, бог!» и «Дай, бог!»); бог, разумеется, уже не форма обращения, а форма цитирования), в свою звезду пленительного счастья.

Звезда высоко, но она есть.

Недоступна в своей заманчивой близости глазу, но не руке (руками не трогать?), а значит, спокойствие зрения (светит!) дарует умиротворение душе (греет!).

Что спасает надежду?.. Сознание своего избранничества как отличительной меты за оставленные крепости духа (соперник был несижаем, а нам победа не к спеху?). Сожженные мосты в средневековом замке сердца (мой дом — моя крепость)?

И все же цепи эти так обременительны, а стук у ворот так отчетлив, что «нет пророков в своем отечестве»?

Формула свободы — формула любви.

Формула любви в доверии к судьбе: она с повязкой на глазах, но ведь это высшее ясновидение.

Июль 1991 г.

Прости меня за все, что не случилось

В юности — нестерпимая потребность любви (любите меня за то, что я есть, буду и за то, что смертна; любите меня — и я отвечу, благодарная за талант внимания и нежности).

В молодости — неприятие времени в выражении чувств (скорее любите меня, пока не опали, как листья цветка, страсти души).

В зрелости — нетерпимость, духовный максимализм — все суэта сует...

Оглянуться — значит невольно вернуться в прошлое.

Но что делать, если зрачки повернуты в душу?..

Казалось, весь мир — сцена, и все мы на ней актеры — бездар-

ные и гениальные — играем, не в силах отказаться от своей роли (или чужой?). А может, ролей? Всегда одновременно и зритель, и актер, и режиссер. А плата за игру — впереди.

Бесхитрость устройства и монотонность действия песочных часов завораживают: песчинка за песчинкой, снова и снова...

А сколько ассоциаций рождает процесс наблюдения.

Песок — прах — крах...

«Уж лучше прахом быть, чем нелюбимой?»

Всему свое время и свой срок.

Первая любовь — вечная дилемма: с тобой и навсегда или не с тобой и никогда.

Вторая — все может быть...

Третья и прочие — все проходит, как написано на перстне царя Соломона.

Умножая знания, умножаем скорбь. С возрастом таблица вычитания доминирует над всеми другими таблицами арифметических действий.

Немного солнца в холодной воде...

Отраженный солнечный свет примиряет грустную душу с холодной водой.

Но этот худой мир лучше ль доброй ссоры?..

Вода с палубы корабля кажется всюду одинаковой, а сам корабль — непотопляемым.

Одиночество вдвоем... Минус плюс, плюс минус... Один равен чему? И нужно ль кому?

Едина во всех лицах — себя, любимую, я больше не люблю.

Нет веры — нет надежды.

Инстинкт самосохранения души гонит на поиски, в истоках которых иск?..

Понять — значит простить.

Простить — пожалеть.

Жалость к ближнему, как бумеранг: чем больше жалеешь ближнего, тем больше жалеешь себя.

Жалость к прошлому — ностальгия души. Пережито — значит пройдено. Возврата к прошлому нет.

Настоящее неопределенно, будущее своевольно, прошлое — в собственности.

Собственность жаль.

Июнь 1992 г.

***

Вначале был Звук, потом — Слог, затем — Слово.
Из Небытия, из Хаоса, Извне — в Бытие, в Гармонию, в Душу.
Созревало внутри, как зерно в земле, чтобы стать колосом —
вне себя — для других.

Словно песчинка в раковине, чтобы стать жемчужиной, об-
расталась плотью слов Мысль, рождая Речь, — из себя, вне себя — в
море, в мир.

Из Мгновения — во Время, из Времени — в Вечность.

Путь Речи.

Час Речи...

Декабрь 1998 г.

***

Что движет Солнце и светила? — задумался Поэт, подобно
астроному, и сам себе ответил: — Любовь.

— О женщине нужно писать, обмакивая перо в радугу и пыль-
цу крыльев бабочки, — благоговейно заметил Философ.

Женщину понять невозможно, как Жизнь.

Остается принять, как есть.

Единственную.

Неповторимую.

Ускользающую.

И всегда — притягательную.

Как Бездна...

Август 2002 г.

РАССКАЗЫ

ИЗ РАССКАЗОВ МОЕГО ОТЦА

*Памяти моего отца, писателя-воина
Михаила Ванькаевича Хонинова —
Миши Черного (1919–1981)*

СУРГАЛЬ

Когда утренние туманы осядут по балкам и низинным лиманам, тогда все травы просыпаются и открывают глаза, весело блестя глазами-росинками. Но так блестя травы, когда степь спокойна и ветер не носится по земле, подобно необъезженному скакуну, тогда, когда солнце не спеша поднимается над древними курганами калмыцкой степи.

Но осень 1934 года была холодная, ветреная и дождливая. Ребята из хотона Цаган-Нур так же, как и те журавли, понеслись на юг, в теплые края, потянулись они к русским городам за сургали — за знаниями.

Даже из такого захолустного хотона, как Танхá, отправились многие ребята то в Астрахань, то в Сталинград, то в Саратов.

И Лиджи чуть было не ушел еще в сентябре в Астрахань со своим одноклассником Ара Балтыковым, но вынужден был остаться по той причине, что из-за бедности семьи у него на плечах, кроме рваной шубы, ничего не было.

Слово сургаль так глубоко врезалось в его мысли, как лемеха плуга в почву. С мечтой об учебе он погонял быков на пахоте целыми днями, с этой мечтой он спал и вставал с холодной постели кибитки.

...Быки были непослушны и упрямы. Они часто останавливались на борозде, откидывая ярмо на затылок, упираясь передними ногами. И тогда их не сдвинешь с места ни уговорами, ни угрозами. Они запугивали погонщика шилоподобными рогами, страшно косили красными глазами.

И Лиджи заметил тогда на шее быков растертые ярмом места. Из них сочилась кровь, и ему стало жалко-жалко животных. Он сбросил с них ярмо и сказал:

— Идите паситесь, я больше вам не погонщик!

Парень перекинул за плечо дальниги со скудными продуктами и подался в сторону Черного Яра, в русский город Астрахань за сургаль. Погонял его холодный весенний ветер, бежали за ним белые ковыли, провожая шестнадцатилетнего погонщика из родной степи.

Двухсоткилометровый путь до Черного Яра он, как говорится, преодолел одним махом. Он был рад, что ему помог в этом и попутный степной ветер, который все время дул в спину.

На небольшой речной пристани Черного Яра ждала другая удача — его знакомый Кичик Лиджиев, парень из соседнего хотона. С ним-то он и приехал в Астрахань. У того был в кармане адрес: город Астрахань, улица Суханова, дом номер 29, Калмыцкий техникум искусств им. Г. Бройдо.

Поступить в техникум искусств Лиджи уговорил на пароходе Кичик. Но и Кичик не знал, где учиться в Астрахани. Ему растолковал его старший брат, директор Цаган-нурской образцовой неполной средней школы, что в Астрахани готовят первых артистов и музыкантов для открытия в Элисте национального театра. И он-то снабдил его адресом театральной сургали.

Чтобы поступить на театральное отделение, ребята сдавали этюды по актерскому мастерству.

Лиджи, как и другие, делал это неуклюже.

Но пожилого преподавателя нисколько не смущала неловкость только что прибывших из калмыцких степей ребят. Он поставил рядом с собой табуретку и широким радушным жестом пригласил Лиджи сесть:

— Садись, друг степей, садись.

Лиджи несмело присел на край табуретки.

— Скажите мне, дорогой степняк, сколько вы окончили классов? — добродушно, с улыбкой, спросил преподаватель.

Услышав первый вопрос преподавателя, тот побагровел, как

будто сидел у жаркого чабанского костра. Было видно, что он сильно смущался. Лиджи не знал, что ответить, и смотрел то в окно, то на пол, как будто там можно было найти ответ.

— Три года... — наконец, он сказал, запинаясь.

— Ну, ну... Что три года?

— Быков... гонял... пахал... — сказал, вспотев, и выжидающе посмотрел на преподавателя.

Тот неожиданно для Лиджи ласково улыбнулся:

— О, молодец, молодец! Это тоже университет! Значит, вы были погонщиком быков?

Лиджи кивнул.

— Ну, дорогой степняк, сделайте нам тогда такой этюд... Представьте, что вы пашете или погоняете быков... Вы покажите, а мы посмотрим...

Погонщику сразу же вспомнились дни, когда он пахал землю и мечтал о сургали. И он, сосредоточившись, приступил к этюду.

Левую руку держал перед собой, сжав кулак, а правой размахивал в воздухе, медленно переставляя ноги. Вдруг он крикнул, как в степи:

— Цоб! Цо-о-об! Цо-об, шулмусы!

И класс загрохотал от смеха.

Преподаватель подошел к сильно смущенному погонщику, который подумал, что провалил и этот этюд, и сказал:

— Молодец!

Так Лиджи начал сургали, показав этюд из своей трудовой жизни.

Юный погонщик быков был зачислен в техникум искусств на актерское отделение. Был зачислен и его попутчик Кичик.

Здесь не нужно уже было вставать до рассвета, как это было в хотоне, не нужно было ходить и запрягать упрямых, непослушных быков. То, что он был с быками, казалось ему теперь странной сказкой, из которой он сам пришел. И будущее тоже ему казалось сказкой — необыкновенной, светлой, манящей...

Июнь 1972 г.

БРАТЯ СЕЛИ В ЧУДЕСНОЕ СЕДЛО СУРГАЛИ

— Пришло золотое время, сынок, взяться за сургал, — сказал отец Мутулу. — Знай: неученый — что человек без глаз. Поезжай в Астрахань, будешь разговаривать и писать по-русски. В мое время — время царей и ханов — нам и думать об учебе было нельзя. А теперь другие времена. Можно бедняку и надо учиться, как сказал товарищ Ленин...

Для Мутула слово сургал — учение — прозвучало, как имя Аранзала — легендарного, не устающего коня, на котором можно объехать весь белый свет.

Приезд Мутула был неожиданностью для брата.

«Зачем он здесь? Зачем двум человекам из одной семьи быть артистами?» — думал он.

Лиджи вывел брата на малолюдное место и строго сказал ему:

— Уезжай как можно быстрее домой. Так будет лучше. Нехорошо, да и неудобно нам двоим быть на этой сургали... Здесь, понимаешь, такое дело... Артисты играют роли на сцене, и они должны общаться друг с другом... А вот нас люди сразу узнают, что мы с тобой братья... Нехорошо получится...

— Как? — поразился младший. — Почему же? Нам там, в Малых Дербетах, рассказывали, что артисты гримируются, да еще какие-то волосы мы должны на свои головы напяливать вместо шапки... Не узнают, Лиджи...

— Чепуха, чепуха, — нетерпеливо перебил брат. — Ты ростом ни к черту не годишься. А для сцены нужен такой рост, как у меня. Вот... А нас все равно узнают. Даже не мечтай.

— А я подрасту еще.

— Ну и что? Я ведь тоже подрасту.

Мутул замолчал, поскреб затылок. Как же быть? Растерянно посмотрел на брата, вытирая нос рукавом шубы.

— А я... а я на турнике буду заниматься... и бегать еще.

— Бегать! Здесь нет телят, — отрезал брат. — А когда же учиться? Поезжай — и все!

— А как же я поеду? Как? У меня денег нет... А потом колхоз-

ная школа меня обратно не примет. Что тогда делать?

— Примет. Поедешь парходом до Черного Яра, а там как-нибудь доберешься до своей кибитки...

Чтобы не думать об ужине, Лиджи, вернувшись в спальную, лег на койку и отвернулся к стене.

Мутул тоже хотел было пойти за ним, но вдруг вспомнил, что, когда уезжал он учиться в колхозную школу, родственники дали ему кто пять, кто десять, кто пятнадцать копеек. Эти монеты — один рубль и пять копеек — Мутул хранил в кармане шубы, туго завязав их тряпкой. Вспомнив об этом, он побежал купить что-нибудь к вечернему чаю.

Когда Мутул пришел в спальную со своими покупками, брат уже спал. Некоторые ребята чаевничали у своих тумбочек: пили кипяток.

Оставшиеся деньги, 55 копеек, Мутул положил в деревянный сундучок брата, а потом быстро приготовил чай. В сундучке, в маленьком матерчатом мешочке, похожем на табачный кисет, было менее ста граммов хлеба. Подстелив газету на тумбочку, он разрезал хлеб, причем большую часть отделил брату, отложил ему и себе по четыре леденца на утренний и вечерний чай. А две штуки оставил на всякий случай. Для «гостей», кто подсядет.

«Как же мне разбудить его? — думал Мутул, глядя на брата. — Не будет ли он меня опять ругать?»

Подошел Кичик, который второй день сидел на одном кипятке. Ростом он был не велик, а аппетит у него — хоть отбавляй. Все ему сочувствовали.

...Втроем пили кипяток из большого чайника, сильно вспотели. Лиджи разделил свой кусок хлеба и отдал половину Кичику, остальное положил перед братом. Мутул съел тот кусок, что дал брат, а свой незаметно пододвинул к Лиджи. И этот последний кусок черного хлеба тихо кочевал из одного угла тумбочки на другой. Наконец, он был припрятан старшим братом до утра...

Утром братья поднялись раньше всех.

Собирались без слов.

У калитки они лицом к лицу столкнулись с Вячеславом Фе-

доровичем Белоярцевым, с тем самым багшой, который принимал этюд при поступлении у Лиджи.

— Так-так-так... Вы куда? — спросил он.

— Мы до пристани, — начал было Мутул, но почувствовал, как брат наступил ему тихонько на ногу, давая знак этим, чтобы он молчал.

— Провожать брата, — кивнул Лиджи на Мутула.

— Кто отпустил?

— Никто, — ответил за брата Мутул.

— Так-так-так, — протянул багша, — все понятно... Ну-ка, на занятия, на занятия сейчас же!

А когда братья пришли в класс, Вячеслав Федорович сказал:

— Вы, кажется, приехали в последней партии? Сделайте нам такой этюд. Вас кто-то сильно обидел за какие-то проступки. Вот вы изобразите чувства, которые охватили вас. Вам понятно?

Мутул, взглянув на брата, пригнувшегося к парте, а потом, рассматривая свои новые ботинки, вспомнил, как Лиджи вывел его в коридор, что говорил ему, и перестал топтаться на месте:

— Нашел!

— Молодец, если нашел.

Мутулу стало совсем жарко. Найти-то он нашел, а вот как делать этюд, если он этим никогда не занимался?

— Ну, что же вы нашли?

«Нет, не смогу я сделать. Все пропало», — подумал с горечью Мутул и, отчаянно взглянув на багшу, надул губы, зашмыгал носом... и заплакал.

— Хорошо, хорошо, — засмеялся багша, — молодец, степняк... Домой ехать не надо. Будем учиться... Садитесь.

Август 1972 г.

ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННЫЕ БЫЛИ»

ЭТО БЫЛО В СЕНИНО...

На почтовом конверте было написано:

«Калмыцкая АССР, г. Элиста, писателю Хониеву».

Необычное письмо пришло из Смоленской области по указанному адресу. Несмотря на неполноту сведений, оно нашло адресата. На центральном почтамте города знали адрес известного писателя, куда приходили подобные послания.

Хониев сел за письменный стол, ножницами вскрыл большой конверт, вынул оттуда тетрадь. На зеленой обложке школьной тетради, заполненной крупным, четким почерком (18 листов в клетку), вверху был указан тот же лаконичный адрес. С интересом и удивлением он стал читать полученное, весьма пространное письмо.

Здравствуйте, Михаил Ванькович!

Во-первых, разрешите представиться: я, Стрельцов Федор Петрович, двоюродный брат Стрельцова Дмитрия Ивановича...

Я видел Вас тридцать семь лет тому назад во дворе Мариш Васильевны при обстоятельствах... Впрочем, попытаюсь рассказать об этом по порядку.

Ряд статей в областной газете «Рабочий путь» побудил меня во что бы то ни стало найти и прочитать Ваш роман.

И вот он у меня в руках. С большим волнением прочитал дважды. Помнит ли земля смоленская лето 1941 года? Помнит, товарищ писатель, и никогда не забудет!

Мне стало также известно, что Вы пишете продолжение романа, который условно назван «Сражение продолжается».

Считаю, что название новой книги более чем удачное.

Думаю, что условное название книги надо сделать безусловным.

А еще я подумал, дорогой наш друг, что, может быть, Вам

пригодятся в писательской работе сведения о том, как и «откуда есть пошла родословная Стрельцовых» и что стало с ней в период 1941 – 1950 годов.

Время многое стерло из памяти моей.

Попытаюсь вспомнить хотя бы фрагменты былого памятью тринадцатилетнего мальчика военных лет. (Я родился 29 ноября 1928 года).

И начну я, пожалуй, так, как писал наш земляк Александр Трифонович Твардовский:

Но — вперед. Перо запело.

Что к чему — покажет дело.

1. Стрельцовы

Накануне Великой Отечественной войны в деревне Сенино было тридцать восемь дворов. В начале тридцатых годов тридцать семь крестьянских хозяйств объединились в сельхозартель, которая сперва называлась колхоз «Рассвет», а потом — колхоз имени Чкалова. (Впрочем, с 1936 по 1938 год колхоз назывался именем того самого Ежова).

В состав нашего колхоза входила и деревня Каменка, что стояла на полдороге между Дедовым и Сенином. Правда, половина жителей этой деревушки оставались единоличниками.

В колхоз не вступил и тридцать восьмой хозяин двора деревни Сенино — Демьян Шумилин, хуторок которого стоял вблизи речки Колотовки. Говорят, Демьян был баптистом.

В Сенино у жителей были одиннадцать фамилий: Абрамовы, Борисенковы, Копыловы, Павлюченковы, Платоновы, Самсоновы, Сотниковы, Стрельцовы, Слесаревы, Шабрыкины, Шумилины.

Стрельцовых было пять дворов, причем три из них — хозяйства трех родных братьев: Ивана Федоровича (отца Дмитрия), Петра Федоровича (моего отца) и Михаила Федоровича.

«Стрельцы» — так иногда называли нас в округе. Это была редкая в наших местах фамилия. Согласно семейным преданиям, родоначальником нашим был настоящий стрелец, который посе-

лился в здешних местах то ли при Иване Грозном, то ли при Алексее Михайловиче в 1650 году. (После освобождения Смоленщины от польских панов Поречье (нынче Демидов) стало дворцовым селом царя Алексея). Конечно, проверить это предание не представляется возможным. Однако мне и Дмитрию хорошо было известно, что в конце XIX — начале XX веков в Сенино (в центре) жили наши дедушка и бабушка — Федор Владимирович Стрельцов и Евдокия Кирилловна Стрельцова.

Занимались они хлебопашеством, а бабушка, говорят, кроме того, еще держала в сенях избы «монопольку», то есть продавала взятые по договору с поречским купцом наиболее ходовые в крестьянском быту товары: нитки, иголки, вино, водку.

Подрабатывала, стало быть, бабушка для прокормления своей многодетной семьи. Детей было семеро: Прасковья (1885 – 1946 гг.); Иван (1887 – 1931 гг.); Петр (1889 – 1936 гг.); Алексей (1892 – 1915 гг.); Михаил (1898 – 1941 гг.); Михалка, т.е. Михаил II (прихоть попа при крещении) — 1902 года. Сейчас живет в Москве. Ирина (1906 г.) сейчас живет в Омской области. Бывшая партизанка отряда «Бати» в 1942 – 1943 годах.

А теперь мысленно перенесемся в деревню Мордашки, которая стояла на реке Колотовка, в двух километрах от Сенино. Там родились и росли две троюродные сестры Фаломеенковы — Мария Васильевна и Вера Ивановна.

Но самое интересное заключается в том, что обе они, в свою очередь, были троюродными сестрами Ивана и Петра Стрельцовых... В 1910 – 1913 годах братьям пришла пора выбирать себе жен. Иван присмотрел себе Марию, а Петр — Веру.

«А не грешно ли жениться на троюродных?» — спросили их.

И тогда по просьбе братьев волостной писарь сделал письменный запрос архиерею города Смоленска. Архиерей отписал: «В третьем колене супружество богом не запрещается...».

В 1911 году Иван Федорович женился на Марии Васильевне (1889 года рождения), а Петр — на Вере Ивановне в 1913 году...

В 1911 году внезапно от каких-то инфекционных болезней умерли дед Федор и бабушка Евдокия.

Вскоре старшие братья Иван и Петр разделили хозяйство родителей. Старшая сестра Прасковья была выдана замуж в деревню Новоселки (напротив Марченок). Михаил и Ирина перешли под опеку Ивана, а Михалка и Алексей — Петра.

Так начиналась раздельная жизнь старших братьев Стрельцовых.

Мне рассказывали, что у Ивана Федоровича и Марии Васильевны в первые годы супружества были дети, но все они умирали, будучи младенцами.

...Первая мировая война. Иван, Петр, Алексей призваны в действующую армию. Алексей пропал в 1915 году без вести. Иван был ранен и отравлен немецкими газами. (Кстати, говорят, дядя Иван очень похож на Степана Астахова, мужа Аксиньи, из кинофильма «Тихий Дон»). Петр остался невредимым.

Мария Васильевна сумела поправить здоровье мужа, и вскоре (в 1920 году) они переехали из деревни на хутор, что в 500 метрах от речки Колотовка. Какое совпадение!

Именно здесь, летом 1941 года, справа от дороги росла рожь, о которой Вы, Михаил Ванькович, на странице 167-ой своего романа пишете: «Здесь, за Сенином, рожь стояла густая, высокая, она доставала Хониеву чуть не до подбородка».

Да, земля здесь песчаная. Через узкое поле проходит гужевая дорога из деревни Сенино в город Демидов. Кругом подлесок лиственно-хвойный, называемый «Старина», а далее, в сторону Дедова, другой такой же подлесок — «Пожара». И вот здесь, на хуторе, в 1920 году Мария Васильевна родила сына Андрея, а в 1923 году (осенью) — Дмитрия.

Первое мое знакомство с Марией Васильевной и братьями состоялось, когда мне было четыре-пять лет. Мои родители, помню, взяли меня на поминки дяди Ивана. Мне почему-то до сих пор помнится, как Мария Васильевна посадила меня к себе на колени и стала угощать крольчатинной, приговаривая: «Ешь! У вас, я знаю, кроликов нет».

А после трапезы Андрей и Митя показали мне в сарае клетки с кроликами, которых было множество...

Когда мне было уже восемь-десять лет, я мог довольно точно описать портреты моих братьев. Андрей — темно-русый, чернобровый, сероглазый, высокий и худощавый паренек (в мать). Митя больше похож на отца — русоволосый, синеглазый, крепко сбитый паренек, очень неусидчивый (подвижный), общительный и строго-добрый.

2. Дяденка

В детстве я очень любил слушать сказки и песни. Родные мои, зная эту страсть, как могли, удовлетворяли эти запросы. Но, очевидно, запас семейных знаний фольклора вскоре иссяк, а я требовал еще и еще. И вот мать мне и говорит: «Ходи к дяденке. Вот кто тебе рассказывать сказку за сказкой и петь песню за песней будет хоть сутки».

Я знал, что в нашем роду всех вдов умерших старших дядей почему-то называли «дяденками». В данном случае «дяденка» — это Мария Васильевна.

И я шел к ней. Обычно это было зимой, когда женщины деревень занимались прядением и ткачеством. К этому времени, в 1934 – 1935 годах, Мария Васильевна перевезла, с помощью колхоза, всю свою постройку с хутора в деревню. (В июле 1941 года сюда Дмитрий приведет Вас, Михаил Ванькович).

Мария Васильевна — женщина среднего роста; темно-русый, гладкий волос; сероглазая; ходила быстро, широкими, по-мужски, шагами, немного сутулясь. По характеру очень настойчивая — за словом в карман не лезла.

На мой взгляд, Мария Васильевна была образцом тех женщин, о которых Николай Алексеевич Некрасов писал: «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Она могла делать, наверное, все: ткать, прядь, косить, пахать и даже плотничать.

Кроме того, она знала множество полезных трав, которые собирала и сушила для лечебных целей.

Но меня в то время дяденка привлекала как неиссякаемый источник сказок, загадок, песен.

Не знаю, почему мне до сих пор помнится песня «7 зятей», ко-

торую мне дяденка спела в один из зимних дней 1935 года...

Андрей и Митя в тот раз были в школе, а дяденка пряла. Я сидел на маленькой скамейке с открытым ртом и ждал...

Вдруг под мерное гудение самопрялки дяденка запела еще не слышанную мною шуточную, задорную песню:

Было в тещи семь зятей...

И Гришка — зятек,

И Никишка — зятек,

И Миколка — зятек,

И Егорка — зятек,

И Макарка — зятек,

И Захарка — зятек,

А Ва-ню-ша... лучший зять!

А Ва-ню-ша... лучший зять!

Песня была очень длинная, и кончалась она тем, что теща, угостив как следует «зятей» (Ваня, в отличие от старших «зятей», пил исключительно пиво-мед), начинала укладывать их спать — «кого на лавку, кого под лавку...а Ванюшу на пуховую постель».

Как я теперь понимаю, Мария Васильевна была для меня сенинской Ариной Родионовной. Но такие «посиделки» с началом весны кончались — Мария Васильевна очень много сил отдавала общим колхозным работам, где она славилась как ударница труда. Как правило, она зарабатывала больше трудодней, чем, скажем, моя мать. «Твоя дяденка очень “тягучая”», — так, по-своему, отмечала эту ее черту моя мать.

3. Дмитрий

В 1938 году Андрей уехал учиться в Смоленск, а через год — в Одессу, в летнюю школу.

Сразу отмечу, что с самого начала войны никаких вестей от него мы не получили...

Митя был старше меня на пять лет. Несмотря на это, мы с ним неплохо дружили. Всего, конечно, рассказать нельзя. Но мне особенно ярко запомнились вот какие моменты...

Митя очень любил рыбачить. Каспля — река чистая и многогорыбная, в ширину 300–400 метров. В древности в этих местах проходил один из путей «из варяг в греки», соединяя Балтийское и Черное моря. Название реки понимают по-разному: одни — от западно-балтийского слова, означающего «вода», другие — от варяжского слова, означающего «красивое место». Места, сами знаете, действительно красивые...

Как-то раз (летом 1937 года) рано утром Митя прибежал к нам и разбудил меня, приговаривая: «Пойдем-ка, браток, к нам на рыбу!»

Оказывается, он еще на зорьке поймал в... горохе выползшую из реки по обильной августовской росе рыбу, похожую на змею, — угря. Понятно, что подробности о рыбе-змее Митя мне рассказал только часа через два после угощения... Ничего более вкусного из рыбных блюд я и впоследствии не едал... А местные дилетанты-рыболовы боялись ловить угря...

1940–1941 учебный год. Я учусь в пятом классе Семеновской НСШ (неполной средней школы), а Митя — в десятом классе Демидовской средней школы.

К этому времени Митя заметно превращался, как у нас говорили, в «жениха». Как-то незаметно он научился танцевать вальсы, «страдания», краковяк и тому подобное на деревенских вечеринках. В это самое время у Мити появилась и подружка — учительница немецкого языка, классный руководитель пятого класса, в котором я учился, — Мария Ивановна Иванова, из Демидова.

Мне в этой дружбе отводилась роль связного... Помню, например, как Мария Ивановна (дело было зимой 1941 года) после уроков вручила мне записку и книгу «Борьба» для Мити. Кажется, в этой книге шла речь о партизанском движении в годы гражданской войны в Сибири. (Автора я запомнил).

Июнь 1941 года. Митя успешно окончил десять классов и осенью собирался поступить в какое-то военное училище... Я хорошо

знал, что он собирался стать командиром Красной Армии.

А пока мы все косили, сушили прекрасные в ту пору травы.

В воскресенье 22 июня мы пошли в Демидов на базар, который был прерван... голосом Левитана...

Помню, что Митя не раз ходил в местный военкомат с просьбой взять его в армию, но получил отказ из-за своих неполных семнадцати лет.

В начале июля в нашу деревню прибыли два командира-сапера для руководства строительством противотанкового рва на правом берегу Каспли. В этой работе участвовали, наверное, все жители окрестных деревень. Вскоре в лесах наших появились части регулярной Красной Армии.

10 июля, в полдень, над Сенином вдруг появилась немецкая «рама».

«Это разведчик их, — сказали сельчанам саперы, которые, как все наши военные люди, невзлюбили этот фокке-вульф, самолет-корректировщик. — Жди теперь авиации или артобстрел...». Наши красноармейцы называли этот самолет «рамой», как Вы сами знаете, за его внешний вид.

А утром 11 июля начался бой за Демидов, это от нас в двух километрах к юго-востоку. Мы все в это время прятались в заранее подготовленных «щелях».

К вечеру бой утих. Наши войска отступили в сторону Духовщины и Смоленска.

Мы, мальчишки, как по команде, собрались на берегу Каспли. К нам подошел Митя.

В это время из Демидова по Смоленскому большаку двинулась большая колонна фашистов, а в небе, с запада, внезапно показалась никогда не виданная нами армада фашистских самолетов. Мы притихли.

Хорошо помню, как Митя очень твердым голосом сказал: «Да, сила! А все равно наши их разобьют!» С этими словами Митя куда-то ушел, а мы, поборов страх, побежали в деревню Семеновку «смотреть фашистов». 800 метров бега — и мы в Семеновке.

По дворам шныряли фашисты.

Вдруг к нам направились два немецких солдата. Один из них, молодой, вытащил из ранца какую-то книжку, оказалось, словарик, открыл и что-то заговорил, тыча пальцем в страницу. Я прочел перевод: «яйца», «масло»... Ребята разом отрицательно замотали головенками, показывая, что мы, мол, не из этой «dorf», то есть деревни. Поняли или не поняли нас тогда те немцы, но ушли...

А между тем на востоке от нас всю неделю гудела война. И всю неделю жители Сенино, подложив под головы «сидоры», такие вещмешки, и, не раздеваясь, спали тревожным сном.

И вот однажды ночью, под утро (это было, наверное, 19 или 20 июля), мать тревожным шепотом разбудила меня: «Скорей в окоп! Слышишь! Наши войска идут по деревне на Демидов. Сейчас будет бой...».

Я выскочил на улицу, когда хвост колонны войск уже покидал деревню. Через пять минут мы были в «пчельнике» — полуземлянке, куда на зиму ставили ульи с пчелами. Там уже было много беженцев.

Не успели мы перевести дух, как небо над деревней загрохотало, будто помчались там вскачь по булыжной мостовой тысячи колесниц Ильи Громовержца...

Так для нас начинался бой, который Вы, Михаил Ванькович, описываете в своем романе, начиная с главы «Засада»...

После боя я тоже был в числе тех школьников, которых возглавил Митя в походе за трофеями на речку Колотовку.

Но там мы как-то разделились на ряд групп... Я видел поле боя: убитых лошадей в долине речки, пушку «сорокапятку», два пулемета «максим», винтовки, противогазы, убитых бойцов... Кругом стоял тошнотворный трупный запах... Весь день наши мужчины хоронили бойцов, лошадей.

И вот под вечер этого дня я вернулся в деревню, но не пошел сразу домой, а побежал к дому Марии Васильевны.

Едва я открыл калитку во двор, как увидел вот что: во дворе, собираясь, видимо, умыться, в нательной рубашке и военных брюках, стоял очень черноволосый человек, с нерусскими чертами лица. Рядом с ним — Мария Васильевна и Митя...

На стук калитки все трое резко обернулись в мою сторону — и дяденка, с тревогой в голосе, махая руками, крикнула мне: «Федя, уходи сейчас же! И не приходи пока к нам!».

Я, кажется, в ту минуту быстро сообразил, что к чему, и, суетливо пятясь, хлопнул калиткой с обратной стороны...

Так, Михаил Ванькович, тридцать семь лет тому назад мне пришлось «познакомиться» с Вами...

4. Гибель Мити

...Митя был расстрелян фашистами на окраине Демидова вечером 11 сентября 1941 года, на Иванов день, или еще называли Дмитриев день. Есть у нас такой старинный праздник — проводы осени.

...В августе 1941 года в нашей округе установилась относительная тишина. Немцы в деревне появлялись редко. Мы продолжали убирать сено, хлеб. Митя очень часто читал нам всем листовки, сброшенные с наших самолетов...

8 сентября фашисты внезапно окружили нашу деревню и держали в блокаде два дня, не входя в нее. Все мужчины в эти дни собирались в нашем доме (мы сдавали часть дома под контору колхоза) и играли в карты...

Был полдень 10 сентября. Я лежал на печке и читал журнал «Новый мир», подобранный на поле боя. Мужчины играли в карты. Мити не было.

И вдруг резко отворилась дверь, и в контору ворвались немцы — офицер и два солдата. Я быстро юркнул за боровок печи, такой горизонтальный участок печной трубы, спрятался... Офицер крикнул: «Eins, zwei, drei ... komm raus!..», то есть: «Один, два, три... выходи!». Мужчин вывели на улицу, под окна конторы, и стали строить в колонну.

Другие немцы выгоняли мужчин со всех дворов.

Привели и Митю. Он был простоволос, в пиджачке.

Минут через двадцать всех мужчин погнали в Демидов.

Мы, понятно, высыпали на улицу и зарыдали...

Через два дня мужчины вернулись, кроме троих: Мити, Александра Абрамова (бывшего следователя города Демидова) и Петра Копылова (агронома и крестника моего отца).

А вечером 12 сентября в деревню прибежала сестра дяденки — Аксинья, которая жила в Демидове, и рассказала, что Митя расстрелян двумя немцами почти под окнами ее дома. Она видела, как фашисты заставили Митю копать себе могилу...

Говорили разное: кто-то донес, что Митя собирал оружие с поля боя, кто-то проговорился, что брат собирался к партизанам.

Ночью трое наших мужчин (не знаю кто) на телеге поехали в Демидов и откопали тело Мити.

Я был в доме Марии Васильевны в тот момент (уже было утро 13 сентября 1941 года), когда развернули рогожу... Митя лежал, как живой... Пуля попала ему в левый висок...

Не буду описывать похороны Мити (похоронен он рядом со своим отцом), слезы, рыдания Марии Васильевны и другой родни. Для этого потребуется еще одна такая тетрадка, а я, Михаил Ванькович, решил послать Вам эту, не зная Вашего точного адреса. Думаю, дойдет!..

14 августа 1978 г.

Писатель, прочитав письмо, надолго задумался.

Потом он поднялся, взял с книжной полки в кабинете тот самый роман, вышедший в прошлом году в московском военном издательстве, раскрыл последнюю, четвертую часть, где описал бои за город Демидов, встречу с Митей Стрельцовым и расставание с ним, когда уходил к партизанам. Тогда он еще не знал всех подробностей ареста и гибели своего спасителя. В романе на калмыцком языке, изданном в 1974 году, автор рассказал, как принародно был расстрелян юноша за пособничество партизанам, как отказался копать себе могилу, как гауптман перебил пулями его руки, но в русском переводе писатель снял этот эпизод, оставив открытым финал первой книги.

Вероятно, поэтому спустя много лет двоюродный брат Мити

Стрельцова, прочитав роман, сообщил в письме, как было на самом деле.

Свою же версию писатель повторил в документальной повести 1976 года «Миша Черный — это я!». Он открыл эту книгу и перечитал знакомые строки:

«...Где-то за Верхней Марчинкой меня предупредили, что немцы собираются прочесать лес и уничтожить партизан. Пришлось отступить в глубь вековых дубрав и немного выждать. Я шел к своим, я должен был найти отряд!

А в Демидов сгоняли людей из деревень, чтобы найти среди них партизан. И, не найдя ни большевиков, ни партизан, предъявили обвинение крестьянам из деревень, находящихся вблизи той поляны, где сгорела машина. Мол, это дело рук местных жителей, значит, надо будет кое-кого наказать.

В защиту односельчан выступил Митя. Он ходил в комендатуру в Демидов, доказывал, что деревенские люди ни при чем, если подбита где-то немецкая машина. В лесу полно неизвестных бродяг. При чем же здесь мирные, трудовые люди?

— Освободите наших демидовцев, — потребовал юный патриот. — Если вы их расстреляете, другие возьмутся за оружие — в лесу его много валяется.

Митю арестовали и бросили в одиночную камеру. Предатель раскопал оружие и написал донос немецкому коменданту о том, что комсомолец Дмитрий Стрельцов намеревался организовать партизанский отряд.

Юного героя допрашивали и пытали двое суток.

На все вопросы он отвечал: “Не знаю!..”

Садисты били его безжалостно, со знанием дела.

Бесстрашного патриота Дмитрия Стрельцова из села Сенино казнили всенародно. Его вывели за околицу и поставили возле ямы. Офицер прочитал приговор.

Митя слушал, глядя горячими глазами в толпу. Пока палачи готовились к расстрелу, прокричал:

— Знайте, изверги, что ни одного из вас не останется на смо-

ленской земле! Потомки Дениса Давыдова не потерпят врагов у себя в доме! Вас всех ждет бесславная смерть!

Залп оборвал пламенные слова семнадцатилетнего паренька.

Обо всем этом я узнал от жителя Верхней Марчинки. Слушать было тяжело до слез...».

Сейчас же писатель смотрел на довоенную фотографию Мити, которую прислал Федор Петрович в письме.

Юноша стоит рядом с девушкой, видимо, в фотостудии, взгляд его прям и открыт миру, вскоре оборванному войной. Митя в белой рубашке, темном, несколько мешковатом костюме, а спутница его — в темном сарафане, белой блузке с короткими рукавами-фонариками, белым беретом на голове и белых носках по довоенной моде. Как сложилась ее судьба?..

На заднике, заслоненном фигурами, виден какой-то пейзаж, деревья. Дощатый щелистый пол, на котором крепко стоят молодые люди, глядя в объектив фотокамеры. Наверное, снимок сделан в Демидове.

Писатель всматривался в знакомое юношеское лицо, и память снова перенесла его в прошлое, в июль сорок первого года. Потом — в послевоенное лето, когда через двадцать лет он вернулся сюда, на поле боя, на берега речек Колотовки и Каспли. Со смоленским журналистом помянули погибших защитников. Водкой из бутылки писатель окропил густую траву, пройдя по поляне, и услышал разговор шофера с журналистом, зачем так ветеран делает: журналист высказал предположение, что это, может быть, калмыцкий обряд.

Из семьи Стрельцовых в деревне никого не осталось.

Мария Васильевна уже умерла, старший ее сын Андрей не вернулся с войны.

На местное кладбище приехавшие тогда не пошли. То ли не надеялись найти захоронения семьи Стрельцовых, то ли торопились на места былых боев: нужно было разыскать до темноты...

Спустя много лет свое стихотворение «Хусмин туск дун» («Песня о березе») поэт посвятил памяти Марии Васильевны

Стрельцовой. Теперь он больше узнал об этой замечательной русской женщине.

Хониев взял чистый лист бумаги, чтобы написать ответное письмо в Рославль, откуда пришло послание.

Надо было вернуться в жаркий июль сорок первого года...

8 июня 2016 г. – 9 апреля 2019 г.

Элиста.

МЕЧ ДЛЯ ГЕРОЯ

*Памяти
Дмитрия Григорьевича Мельникова*

Дмитрий Григорьевич по дороге домой заглянул в соседний книжный магазин. Людей было немного. Он подошел к прилавку.

— Добрый день, Дмитрий Григорьевич, — приветствовала его продавец. — За новинками?

— За ними, Светлана Игоревна. Есть что-нибудь интересное для меня?

— Конечно. Посмотрите. Может, что-то и приобретете. Вот на этих полках.

Дмитрий Григорьевич перебирал новинки, читая аннотации и содержание книг. У него была большая домашняя библиотека, собрания сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, серийные издания. Когда еще читать, как не на пенсии. Сейчас он отложил для себя исторический роман Ивана Лажечникова, а для жены — детектив Агаты Кристи.

— А новое из стихов, Светлана Игоревна, что посоветуете?

Продавец протянула ему небольшую книжку.

— Калмыцкий поэт. Воевал в Белоруссии, как и вы, Дмитрий Григорьевич. Почитайте.

— Так я на калмыцком не читаю.

— Это в русском переводе.

Дмитрий Григорьевич уже с интересом взял предложенную книжку, взгляделся в обложку — «Все начинается с дороги», прочитав имя и фамилию поэта. Лицо его выразило удивление. Он взгляделся в фотографию — по степи шел мужчина, ведя за собой коня, — и радостно воскликнул:

— Не может быть!

— А что случилось?

Дмитрий Григорьевич показал продавцу обложку книги.

— Да это же мой командир партизанской роты!

— Поэтом стал? — поинтересовалась Светлана Игоревна.

— Он до войны еще печатал свои стихи. А теперь, значит, поэт. Мы с ним расстались в конце войны. Его летом 1944 года демобилизовали из армии. С тех пор ничего о нем не знал. Вот так встреча! Это надо же! Через двадцать восемь лет...

— Рада за вас, — отозвалась Светлана Игоревна. — Теперь спишитесь.

— Да как? Я адреса домашнего не знаю. Где эта Калмыкия, где я — в Тольятти! — сокрушался Дмитрий Григорьевич.

Продавец, взяв у него книжку, открыла последнюю страницу:

— Посмотрите, здесь обращение московского издательства к читателям. Просят отзывы об этой книге и пожелания посылать на адрес издательства «Современник». И адрес указан. Так что вы можете туда написать и спросить адрес своего командира.

— Вот подсказка так подсказка! — обрадовался покупатель. — Порадовали вы меня, Светлана Игоревна! Что бы я без вас делал! Непременно напишу. Поспешу домой. Петровне сообщу.

Дмитрий Григорьевич заплатил за книжки, взял объемистый пакет, отправился спешно домой.

Жил он с женой Александрой Петровной в небольшом особняке, при котором посадил сад, устроил цветник, завел огород. Цветовод-любитель, он экспериментировал с сортами, выводил новые виды цветов. Получалось по-разному. Но он не унывал. Цветоводство успокаивало, как и писание родословной. Писать ее начал после одного разговора с женой о родословной собак. Тогда Дмитрий Григорьевич задумался над тем, что родословные есть у знатных людей, у породистых животных, но нет у таких простых людей, как он. Писалась своя родословная со скрипом, приходилось списываться с родней, уточнять сведения, запрашивать справки в архивах. Канителью, долго, но бросать это занятие не хотелось.

Сейчас, как в молодости, он взбежал на крыльцо дома, с порога позвал жену:

— Шура! Иди сюда скорей! Что я тебе покажу!

Из кухни вышла Александра Петровна, вытирая полотенцем руки.

— Случилось что?

— Командир мой нашелся! Вот книжка его! Смотри, смотри!

Пожилая женщина, поправив седую прядь волос под косынку, стала листать книжку:

— Мить, тот самый командир, о котором ты рассказывал?

— Он самый.

— Бывают же в жизни чудеса!

За обедом Дмитрий Григорьевич не умолкал. Наспех ел, вспоминая прошлое. Жена понимала, что мужу надо выговориться, иначе его не остановить. Она только успевала подносить ему грибной суп, рыбные котлеты, сливовый компот.

— Не верится до сих пор! — удивлялся Дмитрий Григорьевич. — Ведь я обязан ему жизнью. Помнишь, после окружения вышел я к нашим партизанам? Как командир отряда он мог отдать приказ расстрелять меня — документов с собой у меня не было, закопал на всякий случай, вдруг немцы схватят или полицаи. Тогда таких, как я, много по лесам-полям скиталось. По закону военного времени расстреливали на месте, если были подозрения.

Командир сам меня допросил. Я как на духу отвечал. Родился, мол, в 1908 году 23 сентября по новому стилю в деревне Ржавка Пропойской волости Могилевской губернии. Из крестьян. Полного курса начальной школы не прошел по причине бедности и всяких войн — первой мировой и нашей гражданской. Сам себя образовывал мало-помалу. В колхозе был бригадиром. Из-за этого и попал в беду. Захромала колхозная лошадь, а меня арестовали за вредительство. Тогда это на раз-два было, долго не разбирались. Оказался на строительстве Беломор-Балтийского канала. Намаялся с киркой и лопатой. Выжил и там. Когда война началась в сорок первом, из таких эсков, как я, формировали штрафные батальоны. Научили из винтовки стрелять — и в бой. Да я и так пошел бы на войну — врагов настоящих бить. Одно время везло мне, пуля не цепляла. А потом из окружения в окружение, воевал, в лесах и болотах укрывался, в деревнях прятался, где можно было, так и скитался. Вот так и рассказал все командиру, ничего не утаил.

Жена сидела за столом, пригорюнившись, в который раз переживая за мужа.

— Тридцать три годочка тебе было. А сколько пережито! И гражданская, и коллективизация, и голод, и канал этот треклятый, и штрафбат, и окружение...

— И не говори, Шура. Не на один роман хватило бы, если б мог написать... А теперь вот командиру напишу письмецо. Может, свидимся, бог даст.

...Дмитрий Григорьевич читал военные стихи своего командира, не торопясь, перечитывал некоторые из них, делая закладки, он покачивал головой, вздыхая, словно возвращался памятью в те пороховые годы. Подолгу задумывался, глядя в окно, за которым мирно пестрели цветы...

Он вспомнил, как из очередного окружения набрел на партизанский отряд. Задержали его, да он и не сопротивлялся, провели к командиру роты. Младший лейтенант, какой-то азиатской внешности, был смуглый, волосы черные, глаза черные. И потому прозвали его Мишей Черным, как узнал Дмитрий. Миша Черный спросил его, выслушал, не перебивая, всматривался пристально, как бы изучая, наконец, распорядился отправить к кашеварам.

Рисковал? Однозначно. Сколько лазутчиков в то время к партизанам засылалось, сколько людей погублено было! Конечно, окружение было под присмотром, да и оружия ему не выдали. Считай нож да поварешка — весь боекомплект. Кашеварить ему не привыкать: семья своя многодетная была до войны. Что стало с женой и детьми неведомо. В окружении и в деревнях перебивались бойцы с хлеба на воду, притерпелись. Вот и взялся Дмитрий помогать партизанам у котлов. Дело нехитрое, но хлопотное. Приготовить пищу, убрать за собой, заготовить провизию. Так и трудился, не загадывая наперед.

А потом случилась история. Да еще какая! А вышло так, что к роте прибились еще двое, муж с женой, молодые, беженцы, по их словам. Таких тоже хватало тогда. Но и за ними пригляд был. Ан — не доглядели. Он-то, Дмитрий, и вывел их на чистую воду, что называется. Заметил, что часто они возле котлов появляются под разным предлогом — то котелок попросят, то хворост поднесут, то ягодой угостят. Однажды, когда кашевары отлучились от котлов, Дмитрия оставили за старшего. Он задремал у кустов орешника,

не видимый со стороны, а в котлах похлебка готовилась. Услышав вскоре чьи-то шаги, Дмитрий выглянул из орешника. Недавние беженцы осторожно подошли к котлам, начали туда что-то сыпать из мешочков, оглядываясь и торопясь. Тут-то Дмитрий и вышел им навстречу. Ростом он был высокий, силой не обделен, молча схватил мужчину за шкуру одной рукой, другой прихватил женщину и потащил их в штабную землянку. По пути два кашевара присоединились. Так и явились в штаб гурьбой. А там, известно, с такими «поварами» разговор недолгий: допросил их Миша Черный вместе с комиссаром, доказали их вину, выявили отраву, вынесли им приговор, расстреляли. Поблагодарил Миша Черный Дмитрия перед строем за бдительность и спасение партизан от гибели. С того дня выдали бывшему кашевару боевое оружие, стали посылать на задания, в разведку, словом, потом воевал он, как все.

Расставшись с боевым командиром после освобождения Беларуси и демобилизации Миши Черного-лейтенанта, не раз вспоминал его добрым словом, думая, как сложилась у него судьба, почему такая срочная демобилизация калмыка.

Потом война закончилась, уехал Дмитрий на Волгу вслед за товарищем, женился снова. Трудился, пока не вышел на пенсию. А теперь и времени больше, и заняться есть чем...

Дмитрий Григорьевич отложил книжку, вышел во двор, прошелся по цветнику. «Надо бы подарок для командира приготовить», — подумал он, глядя на цветы. «Да вот хотя бы довести до ума бардовый гладиолус, который начал разводить недавно. Славный подарок получился бы», — сказал вслух цветовод.

— С кем это ты разговариваешь? — вышла на крыльцо Александра Петровна.

— Да с собой, Шура. Думаю, вот меч командиру своему подарить.

— Какой меч? — всполошилась жена. — Откуда меч у тебя?

— Гладиолус. С латыни цветок так и переводится — меч. А народное название — шпажник. Командиру вручу меч или шпагу. Боевой подарок, одним словом. Кому как не кочевнику меч в руки вложить!

— А какой гладиолус? — поинтересовалась Александра Петровна. — Вон у тебя их сколько!

— Вывел я недавно один гладиолус. Безымянный был. Теперь назову Миша Черный. Бардового цвета гладиолус. Вот, Шура, видишь его у окна?

— Ах, этот? Хорош-хорош! И придумка твоя хороша, Митя.

— Ты тоже так думаешь?

— И сомневаться нечего. Посылай свой меч командиру.

— Пока письмо напишу ему, Шура.

Дмитрий Григорьевич сел писать письмо, рассказал о внезапной встрече с книжкой командира, про свое житье-бытье, пригласил Мишу Черного к себе в гости, попросил издателей передать письмо по назначению. И полетело письмо самолетом в Москву, а потом и в Элисту.

Через две недели пришло письмо от командира.

...В конце апреля в Элисте открыли посылку, в которой были клубни гладиолусов, посадили во дворе, поливали, окучивали, рыхлили. Всей семьей наблюдали, как растут растения, писали в подробностях Дмитрию Григорьевичу и Александре Петровне. И вот в конце августа увидели, как расцвел бардовый гладиолус «Миша Черный», а рядом забелел другой гладиолус по имени «Нина», в честь жены командира...

25 марта 2024 г.

ИЗ ЦИКЛА «СИБИРСКАЯ БЫЛЬ»

ВТОРОЙ ИСХОД

Его призвали в Красную Армию в октябре 1939-го с театральной сцены Элисты. За четыре года он сыграл в театре немало ролей в спектаклях русских, калмыцких и зарубежных драматургов, но не стал ведущим актером по разным причинам: в труппе двадцать пять мужчин, и все хотят играть главные роли, а он был моложе многих из них. В свое время с помощью начальника паспортного стола в Малых Дербетах прибавил себе два года, чтобы получить паспорт и уехать учиться в Астрахань после седьмого класса школы колхозной молодежи. Потом вспоминал, как уговорил начальника, сказав, что по калмыцкому обычаю ему уже пятнадцать лет, считай, один год провел ведь в материнской утробе. А поехать ему надо обязательно, вот и рекомендация от школы: постоянно участвовал в художественной самодеятельности, умел декламировать, петь, танцевать, писать стихи. Наверное, убедил, иначе не имел бы паспорта.

Потом, правда, пришлось выдержать сопротивление старшего брата, когда появился в техникуме искусств на улице Суханова, 29. Лиджи сразу заявил братишке, что тому надо вернуться домой, потому что не бывает двух артистов в одной семье, да и ростом не вышел, подрасти надо, со сцены не увидать его. Когда же Миша робко возразил, что подрастет, брат заметил, что и он тоже вырастет.

— А если парик надеть? — с надеждой спросил младший.

— Все равно узнают, — отрезал старший.

— Но я же не знал, что ты на артиста уехал учиться. Мы думали, что тебя волки съели, когда ты пропал, — попытался оправдаться Миша. — Родня с отцом долго тебя искала в степи, волы на пахоте остались, а тебя рядом нет. Мама все время плачет, болеет.

Лиджи, испытывая неловкость, негромко сказал:

— О маме я не подумал тогда. А отец не пустил бы учиться, ты же понимаешь. Что это за профессия такая — артист, когда и

театра-то у калмыков нет. Он всю жизнь чабанил, иной жизни не знал. Даже в Элисте не бывал. Спорить с ним бесполезно, да и как отцу перечить — не принято у нас. Потом хотел письмо домой написать.

— Не получали мы ничего.

— Да я и не написал, — пояснил тот. — Все думал, как лучше объяснить свой выбор. Тебя-то как отец отпустил в русский город? Ты же маленький. У тебя и паспорта нет.

— Есть уже, — гордо ответил Миша и стал поспешно рассказывать, как удалось ему получить паспорт в Малых Дербетах.

Брат слушал его нехотя, думая о своем. Потом нетерпеливо прервал:

— Ладно, переночуешь в общежитии, а утром возвращайся домой.

Миша хотел было спросить, а что ему дома сказать, почему он вернулся? По правде, как есть, или что-нибудь придумать в оправдание? Но, заметив озабоченное выражение лица Лиджи, подумал, что пока не стоит ничего уточнять. Да и нельзя не слушаться: брат старше его на четыре года, родился в семнадцатом году, незадолго до Октябрьской революции. Есть же калмыцкая поговорка: «Хорошо, когда старший ведет себя, как подобает старшему, а младший — как младшему». Как младший в семье, Миша привык подчиняться родителям, трем братьям, сестре, хотя доставалось и ему отцовского ремня, когда дети баловались. Отец был строгий, а ремень жесткий. Все заживало, как на собаке. Особенно после того, как братья, расшалившись в кибитке, случайно толкнули его на горячую сковороду, и он получил ожоги на своем тощем заду. Был еще мал, боялись, что не выживет, но выздоровел. Отец тогда сказал, что это значит: будет жить долго...

Миша удалось остаться в Астрахани. Судьба это или чудо, но утром он с братом столкнулся перед калиткой с одним из преподавателей техникума, Белопольцевым, который поинтересовался, куда они идут. Тот, выслушав невнятное объяснение братьев, возвратил их в класс.

Лиджи пришлось смириться с тем, что в их семье будут два ар-

тиста. Он стал опекать младшего, поучая его во всем, в том числе и в учебе. Миша был рад стараться, из трех братьев Лиджи был ему ближе. Он показывал ему свои стихи и заметки, отправляя их в Элисту в редакции газет «Внучата Ленина», «Красная молодежь» и «Красный калмык». И они вместе радовались, получая номер той или иной газеты с первыми публикациями.

Лиджи предупредил начинающего поэта, что надо писать о главном, а не о пустяках, тогда могут напечатать стихи.

— А что, по-твоему, пустяки? — осторожно поинтересовался младший брат.

— То, что всех не касается.

— Например?

— Любовь, например. Это касается двух людей. И всем об этом знать необязательно. Вот ты правильно написал стихотворение о земляке-табунщике, который получил орден «Знак Почета» в Москве за свой труд, или о своем билете ударника, или о стахановце Кичике Бовгадаеве. Надо быть для людей примером. Взять нашу будущую с тобой профессию. Мы, артисты, должны своих зрителей увлекать героями на сцене, чтобы каждый думал, что так и будет, если не жалеть своих сил для лучшей жизни, как в стране Бумбе. Помнишь, клятву богатырей Джангара?

— Наизусть знаю, как каждый калмык.

— Вот и соблюдай эту клятву.

...А 14 ноября 1939 года, через месяц после призыва, Михаил принял воинскую присягу, дал клятву Родине. Он помнил каждое слово, произнесенное у полкового знамени в Забайкальском военном округе:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное имущество и до последнего дыхания быть предан-

ным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

После прохождения курса молодого бойца в день присяги Михаил впервые получил оружие, он вышел из строя, подошел к командиру своего подразделения и зачитал эту торжественную клятву. Слова ее заучил наизусть, ни разу не запнулся, несмотря на волнение.

На театральной сцене он играл в спектакле по пьесе Билль-Белоцерковского «Пограничники», но никогда не думал, что придется самому служить на границе. Здесь тоже писал стихи, когда удавалось, посылал на родину в редакции газет. Одно из напечатанных стихотворений так и называлось по-русски — «Пограничник», а не «Харулч».

Михаил вспомнил, как прочитал в республиканской газете «Ленинский путь» письмо среднего брата-призывника «Буду честно служить трудовому народу». Это было в августе, когда Лиджи получил повестку. Два старших брата, Эрдни и Санджи, уже служили в армии. Для Михаила это письмо стало неожиданностью, но он готов был подписаться под каждым словом Лиджи, запомнил весь текст.

«Отец мой — бывший батрак. В изнурительном, каторжном труде прошла большая часть его трудовой жизни. Темным, неграмотным, обездоленным влачил он жалкую, полуголодную жизнь, — писал брат. — Я — ровесник Октября. Мне не пришлось испытать безжалостную эксплуатацию калмыцкого народа зайсангами, нойонами, капиталистами. Я живу в счастливое время, радуюсь

вместе со всеми трудящимися расцвету социалистической Калмыкии, везде и всюду вижу радостную, культурную, зажиточную жизнь.

Партия и правительство призывают меня нынче в ряды доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С безграничной радостью приму я звание воина страны социализма, с великой гордостью возьму в руки боевое оружие. Для меня нет ничего почетнее, чем охранять границы моей цветущей родины, охранять труд великого свободного народа от посягательства презренных врагов.

К поступлению в армию я основательно подготовился, сдал нормы на значки: “Ворошиловский стрелок”, ГСО, ПВХО и ГТО, хорошо прошел допризывную подготовку.

Моего отца постигла нынче большая радость: три его сына призваны в ряды РККА. Мы, три брата, будем честно и преданно служить трудовому народу».

Да, Михаил тоже готовился к будущей армейской службе, как и братья, сдал нормы на те же значки, прошел допризывную подготовку. Не хотелось отставать от родни.

Поэтому в армии с удовольствием прочитал письмо из дома, с вырезкой из газеты «Красная молодежь» за 25 декабря 1940 года. Это «Письмо из части» опубликовал Андрей Тишкин.

«На днях наша комсомольская организация получила интересное письмо из части, где служит бывший артист нашего театра комсомолец М. Хониев.

Политрук и командир подразделения, в котором состоит т. Хониев, сообщают о том, что он за время пребывания в части ведет себя дисциплинированно, по боевой и политической подготовке имеет только отличные и хорошие оценки, является активным общественником и хорошим товарищем.

“Тов. Хониев, — говорится в письме, — имеет от командования 7 благодарностей. Мы гордимся работником вашего театра и горячо благодарим ваш коллектив за его большевистское воспитание”.

Это письмо прочитали на комсомольском собрании, и здесь же, на собрании, мы написали в часть ответное письмо».

Эта газетная вырезка ходила по рукам в подразделении, где

служил Михаил, пока ее не зачитали до дыр, как и его стихи. Несмотря на то, что сослуживцы не знали калмыцкого языка, они слушали авторский перевод, гордясь тем, что у них есть свой артист и поэт. Часто просили Михаила декламировать свои стихи, им нравилось, как он читал по-калмыцки: для них непонятно, но с большим чувством. Михаил рассказывал им об учебе в Астрахани, открытии родного театра 8 ноября 1936 года, о том, как он с братом играл в одних и тех же спектаклях, ходил на демонстрации.

Солдаты удивились, что у калмыков не принято было раньше хлопать в ладони: так можно было призвать нечистую силу, оказывается. И смеялись, когда Михаил вспомнил, как отец смотрел спектакль, где играли его сыновья, и с удивлением спросил: «Почему все хлопали так громко в ладоши после того, как занавес закрылся? Все шулмусы, наверное, сбежались сюда. Один я не хлопал». Когда сыновья объяснили, в чем дело, еще не старый Ноган покрутил недоверчиво свои черные усы, но успокоился. «В следующий раз буду хлопать, дети мои, — пообещал он. — Расскажу колхозникам, что такое наш театр, не все видели». Следующего раза не получилось: отец в «Коминтерне» работал чабаном, не всегда мог отлучаться, а потом рано ушел из жизни, надорвался на тяжелой работе еще в батраках.

Самому Мише с братьями тоже пришлось в детстве трудиться на богачей, пасти чужой скот, гнать животных на водопой, чаще играть с телятами, чем с ровесниками. Да и назвали его в отличие от братьев русским именем в честь богача, на которого работали.

И, когда в их колхозе впервые появились сталинградские трактора, все ученики на переменах выбегали на улицу смотреть на эти грохочущие машины, мечтали сесть за руль, стать трактористами. Не отставал от них и Михаил, представляя, как он будет работать с такой техникой, как сядет на этого железного коня, на другом коне он с малых лет научился ездить. Не получилось из него тракториста.

В армии стал командиром снайперского взвода после того, как окончил шестимесячные краткосрочные курсы младших лейтенантов при Сретенском военном пехотном училище в Читинской

области. Догнал среднего брата: Лиджи после окончания Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова раньше него стал младшим лейтенантом, командовал взводом. Даже воевал на Халгин-Голе, помогая братьям-монголам отогнать японского захватчика. Прислал две фотокарточки: на одной он еще курсант, на другой — уже в офицерской форме, в фуражке. Михаил время от времени доставал из планшета эти фотокарточки, мысленно беседуя с братом. Письмами они обменивались, но почта шла долго.

Лиджи не успел жениться до армии, да и за девушками особенно не ухаживал: то ли никто не нравился, то ли некогда было, он хотел стать режиссером, помогал в постановке спектаклей. В программах некоторых спектаклей значился лаборантом режиссера. Михаил тоже один раз попробовал себя в таком новом качестве: интересно было наблюдать со стороны, как строится спектакль.

Он вспомнил, как к открытию театра репетировали спектакль «Борец-сирота» по пьесе калмыцкого драматурга Хасыра Сян-Белгина, трудно было заучивать стихи, непривычно — в техникуме играли пьесы, написанные в прозе. Даже написал рецензию, которую опубликовали потом в газете, накануне премьеры.

Актерское умение пригодилось на войне. После Смоленского окружения, выйдя к партизанам, попал с напарником в передрагу, оказался в немецкой комендатуре. Допрашивали их поодиночке. Михаила провели в кабинет коменданта. Он и сам не мог понять, как в поединке с врагом одержал над ним верх, заинтересовав калмыцкими небылицами: рассказал их по памяти. Немецкому коменданту то ли скучно было, то ли решил поиграть в кошки-мышки с пленным азиатом, но только удалось тогда избежать расстрела, а по дороге в концлагерь спастись, бежать вместе с другими пленными-красноармейцами.

Наверное, судьба его хранила. Михаил не верил в бурханов, но в судьбу почему-то верил. Был тяжело контужен в начале войны, а потом судьба миловала его. Сколько раз бывал в рукопашной, вставал первым в атаку, ходил в разведку, на подрыв мостов и железных дорог, сколько раз выходил с товарищами из окружения! Долго рассказывать.

Думал дойти до Берлина после освобождения Минска 3 июля.

В сентябре 1944 года Михаила, уже лейтенанта, неожиданно вызвали к военному начальству, сообщили о его демобилизации. Его партизанская рота была расформирована и вошла в состав действующей армии. Он не успел обрадоваться новым погонам, новому званию, да и не сразу понял, в чем дело: война-то еще идет. Лейтенанту объяснили в спецотделе, что его народ репрессирован за измену родине, сослан с конца декабря 1943 года в Сибирь, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Поэтому всех офицеров-калмыков снимают с передовой и отправляют по месту проживания их семей.

— Ничего, лейтенант, крепись, — сказал майор Никитин. — Ваших рядовых вообще отправили в Молотовскую область на большую стройку. Так что считай — тебе повезло.

— Товарищ майор, можно обратиться с вопросом? — не выдержал Михаил, выслушав то, что никак не мог осознать.

— Слушаю, лейтенант.

— Как это народ может быть предателем? Понятно, бывают разные люди-предатели, но народ-предатель? Сколько калмыков воевали на фронтах и в тылу врага партизанили! У меня все три брата на войне с самого ее начала! Эрдни, Санджи, Лиджи! И я даже не знаю теперь, погибли они или живы, война ведь не кончилась! В роте моей земляк-калмык воевал, коноводом у меня был...

— Лейтенант, по-человечески я тебя понимаю, — прервал его майор Никитин. — Трудно понять сразу, да. Такая беда. Не только у калмыков. Соседей ваших тоже сослали: карачаевцев, чеченцев, балкарцев. Не мне тебе объяснять: приказы не обсуждают. Я и так тебе много сказал, да. Не положено. Но я посмотрел твои боевые характеристики, представления к наградам, ты воевал, как надо. Да и партизанское начальство хорошо о тебе отзывалось, пыталось за тебя ходатайствовать, чтобы оставить в частях. Знаешь, некоторые командиры выдают своих калмыков за бурят или киргизов, надеются, что так спасут от позора и ссылки. Сами себя подставляют, не боятся, что ли, черти... В общем, желаю тебе найти своих родных. Ты женат вроде?

— До войны женился, товарищ майор. Жена тоже артистка, вместе в театре служили. Дочке скоро шесть лет.

— Ну вот и разыщи их. По предписанию должен сначала явиться в военкомат по месту прежнего жительства, там тебе сообщат, куда семью отправили. Родители-то живы?

— Умерли до войны, товарищ майор.

— Тоже, считай, повезло, лейтенант. Как со стариками в ссылке тяжело. Так что твой первый пункт назначения — город Степной.

— Я из Элисты, товарищ майор, из Калмыкии. Там жил и работал до призыва на армейскую службу в 1939 году.

— Нет такого города, лейтенант. Переименовали, когда калмыков выселили, республику вашу упразднили после операции НКВД. Нет вас теперь на географической карте.

— Товарищ майор, можно еще обратиться с вопросом?

— Лейтенант, я все уже сказал, что можно и что нельзя. Ну, так и быть, слушаю напоследок, — майор встал из-за стола, показывая тем самым, что разговор закончен.

— А на чем же можно было целые народы вывозить так далеко?

— На поездах, думаю, лейтенант. Да вас, калмыков, и не так много, насколько представляю?

— Немного, товарищ майор, — подтвердил Михаил, а сам с горечью подумал: «А будет еще меньше».

— Держись, лейтенант. Раз войну пережил, значит, и в ссылке не пропадешь, да.

— Есть держаться, товарищ майор. Разрешите идти?

— Идите, лейтенант.

Михаил, козырнув, четко развернулся и вышел из комнаты спецотдела. Но за дверью сразу присел в коридоре на один из стульев: ноги не держали, а ум отказывался принимать новости. Он снял фуражку, смахнул ладонью со лба выступивший пот...

Он видел на дорогах войны тысячи беженцев: стариков, женщин, детей. Они бежали от войны, от смерти, от беды. Даже звери бежали. Встретил его полк в июле сорок первого года цирк Дурова, наверное, был на гастролях.

Михаил подумал: какой это по счету исход для его многострадального народа? В конце восемнадцатого века хан Убаши увел своих подданных на родину, в Джунгарию, и горемычных ойратов на всем пути преследовали царские войска, казахские жузы. Сколько тогда людей погибло – от голода, жажды, болезней, боев! Оставшиеся в низовьях Волги терпели притеснения вдвойне. И все же Михаил считал, что правильно его предки во главе с ханом Хо-Урлюком в 1609 году добровольно перешли в подданство Российской империи, спасаясь от китайских набегов и своих междоусобиц: сохранили народ. Надо будет пьесу об этом написать.

И вот новый исход «друга степей»!..

Михаил надеялся, что эта трагическая ошибка будет исправлена. Не сейчас — идет война. Но после войны, когда победим фашистов, обязательно. Иначе не может быть. Надо только не молчать. Надо бороться за правду, писать письма в Москву, самому Сталину. Не сдаваться!..

14 ноября 2018 г.

«ПРОЩАЙ, РОДНАЯ СТЕПЬ!»

Поезд пришел на станцию Дивное ранним утром. Среди пассажиров, вышедших на мокрый после сентябрьского дождя перрон, был невысокий худощавый офицер с погонами лейтенанта. Он казался невыспавшимся, а может, чем-то озабоченным, между широкими бровями залегла глубокая морщина. Лейтенант поправил небольшой вещмешок за левым плечом, мельком взглянул на свои часы, торопливо стал ловить на дороге попутную машину.

Одна полуторка с потрепанным выцветшим брезентом остановилась. Из окна высунулся пожилой шофер:

— Тебе куда, служивый?

— В Элисту, — по привычке отозвался смуглый офицер.

— В Элисту? — переспросил без удивления шофер, сделав ударение на первом слоге. — Дак нет, милок, такого города. Степной теперь прозывается.

— Тогда в Степной, — согласился лейтенант.

— Я как раз через Степной еду. Садись, подвезу.

В кабине было душно, назойливо, по-осеннему жужжала залетевшая муха. На переднем стекле был закреплен небольшой портрет Сталина из газеты. Офицер покосился на изображение генералиссимуса, не зная, чего ожидать от своего нового попутчика.

— Списали, что ли, из армии? — любопытствовал шофер, тронувшись в путь.

— Демобилизовали в запас, — коротко сказал лейтенант.

— Калмык, значит. Зовут-то как?

— Михаил.

— По-нашему. А чего едешь в город?.. Ваших-то всех в товарняки погрузили на станции Абганерово — и к черту на кулички. Слышал, слышал. А меня зови Демьянычем для общения. Путь хоть и не дальний, но около ста километров.

— А по имени? — вежливо поинтересовался калмык. — Как-то у нас не принято к старшим обращаться запросто.

— Я не начальник, чего по имени-отчеству величать. Зови просто — Демьяныч.

Помолчали. Мотор нагружено ревел на подъемах, словно требуя передышки. Встречные машины с грузом проезжали мимо, поднимая клубы серой пыли, которая забиралась сквозь щели в кабину. Еще зеленые деревья убегали прочь по обочинам дороги. Квадраты полей, желтея, набегали друг на друга.

Короткие пальцы Демьяныча уверенно держали руль, казалось, он и родился шофером. Михаил еще с детства уважал тех, кто имел дело с техникой, сам мечтал стать трактористом. На войне не удалось освоить водительское ремесло, может, со временем получится.

— Давно за баранкой?

— Со школы, сынок. А ты дома давно не был, поди?

— С октября тридцать девятого, как в армию призвали.

— Давненько, — согласился Демьяныч. — Служил где, если не секрет?

— Теперь какой секрет? В Забайкальском военном округе, близ станции Бырка Читинской области.

— Эка куда тебя из степей занесло! — крикнул шофер. — Не терялся в тайге-то?

— Это заблуждение многих: если из степей, то в лесу пропадет. А на самом деле всё наоборот. У кочевника взгляд цепкий, ориентируется на любой местности, память зрительная особенная: за каждую травинку цепляется.

— А на войне где был?

— Все по лесам пришлось, — уклончиво ответил Михаил, решив воздержаться от подробностей.

— Понятно, партизанил. Партизан уважаю, смелые люди. В тылу врага только на себя и надейся: обуй, одень, накорми, оружие добудь. Все время начеку, когда кругом фашисты, тыла нет. А меня на фронт не взяли: порок сердца нашли. Но и тут работы хватает, день и ночь в пути. Сам-то я местный.

Лейтенант, думая о своем, молча кивнул.

— А кого ж ты дома найдешь, Миша, если всех забрали подчистую? — сочувственно спросил Демьяныч.

— Мне адрес надо узнать, куда их...отправили...

— Ага, понятно. Ты не думай чего плохого обо мне, раз спрашиваю. Жалко всех все равно. Детишки-то, бабы, старики в чем провинились?.. Мужики ваши воевали на фронте, как полагается... Ну а изменничали тут... так в любом стаде есть худая скотина... Правда, не все так думают. Ругаются, мол, правильно наказали, нечего цацкаться — дружба народов и все такое, разбаловали до войны.

— Наши предки Россию защищали с семнадцатого века, южные границы держали на замке, в наполеоновский Париж вошли на конях и верблюдах, — не выдержал Михаил.

— Так-то оно так, — согласился Демьяныч. — Хорошее быстро забывается, а плохое торчит занозой. Ты что же, сынок, поедешь за своими в ссылку?

— Поеду.

— Найдешь?

— Найду.

— Много родни у тебя осталось?

— У калмыков всегда много родни, как полагается. Калмыки говорят: у человека есть старшие родственники, у шубы — воротник. Семь колен в роду каждый должен знать.

— А у нас уже по-другому. Слышал, небось, про седьмую воду на киселе?.. — усмехнулся шофер. — Своя семья у тебя есть, Миша?

— Есть, жена с дочкой.

— Дождутся, стало быть... Ты сосни чуток. Небось, в поезде не выпался. В дороге не один день провел.

— Если не помешаю, попробую поспать.

— Не помешаешь. Я к дороге привычный. Спи, сил тебе надо набраться...

Михаил тут же провалился в сон, как в глубокий степной колодец...

Приснилось ему, как весной во время кочевки сонная мама выпустила его из своих рук на рассвете, и он соскользнул в траву. И, поскольку был хорошо закутан в овчину, не разбился. Звон верблюжьих колокольчиков удалялся, потом стих. Когда взрослые

хватились пропажи, повернули караван обратно. Радости родительской не было предела: из десяти детей выжили только пятеро, и Михаил был самым младшим. Отец, вспоминая об этом, сказал сыну: «Мог бы ты тогда разбиться, но уцелел. Родная земля — как материнская шуба, запомни. Так еще наши предки говорили».

На войне ему изредка снилась покойная мама. Она спрашивала его о братьях, тревожась за их жизнь. Он отвечал ей, что давно не получал писем от них. И вот опять она явилась к нему в сновидении.

— Сынок, ты выглядишь усталым, — обняла его мама. — Присядь, отдохни немного, выпей чигян. Я для тебя свежий напиток приготовила. Вот налила тебе в отцовскую пиалу. Пей, милый.

— Спасибо, мама. Я и вправду устал, жажда замучила — жарко.

— Да, жарко, — почему-то мужским голосом подтвердила мама...

И Михаил проснулся. Видимо, он вслух пожаловался на жару, а Демьяныч решил, что попутчик с ним разговаривает.

— Скоро подъедем, — сказал шофер.

Михаил был еще под впечатлением сновидений, поэтому только кивнул.

Когда въехали в город, Михаил спрыгнул с машины.

— Удачи тебе, лейтенант, — пожелал Демьяныч, пожав крепко руку. — Прощай.

— Спасибо.

Михаил дошел до своего дома на улице Кирова, дверь была заперта, заколочена досками крест-накрест. Это не было неожиданностью, но подтвердило то, что уже знал. Сердце как будто сжалось. Он толкнул соседнюю калитку.

— Тетя Маша, добрый день.

Соседка радостно всплеснула руками:

— Миша! Здравствуй, здравствуй! Возмужал! Сколько лет тебя не видела, и вот дождалась, батюшки! Уж как Нюдля с дочкой обрадовались бы, увидев тебя живым-здоровым!

Она промокнула серые глаза уголком фартука.

— Проходи в дом, отдохни с дороги, поешь. Я пирогов напекла, обед готовлю, горячее все.

— Не беспокойтесь, тетя Маша. Нюдля оставила что-нибудь для меня? Какую-нибудь записку или письмо?

Соседка торопливо закивала, настойчиво провела в кухню, усадила за стол, застеленный клеенкой. Из другой комнаты выглянули ее дети, она замахала на них руками, они поспешно и послушно закрыли за собой дверь.

— Какое беспокойство, Миша! Не чужие же. О чем говоришь? Сколько лет рядом жили. Ешь, не стесняйся. Вот суп. Сейчас письмо принесу.

Она вышла в спальню, вскоре вернулась.

— Это письмо и ключи от твоего дома... Еще чаю выпьешь?

— Спасибо, сыт уже. Все вкусно, как всегда. Не обижайтесь, тетя Маша, пойду домой, — он поднялся с табуретки.

— Какие обиды, Миша! Это вы, наверное, обижаетесь на нас. Не заступились за калмыков. Но что мы могли сделать?.. Солдаты с винтовками, сборы короткие, едва успели помочь Нюдле собраться в дорогу. Да ведь много груза и не разрешили с собой брать. Приказ им зачитали. Я от волнения ничего толком не поняла, не запомнила, уж прости. Честно говоря, испугалась. А уж твои-то, каково им было тогда! Конец декабря, холода стояли, ветер сильный. Вот тебе и Новый год! Не так думали встретить его... Что-то я не то говорю... Растерялась, Миша... Солдаты забили досками дверь после ухода семьи... Ты с собою пирогов возьми, с чаем поешь...

Она протянула ему кулек с пирогами.

— Тетя Маша...

— Ничего, ничего, — женщина обняла его по-матерински. — Все утрясется, перемелется — мука будет. Бог все видит, не оставит в беде...

Вернувшись домой, положив вещмешок, Михаил прошелся по двум комнатам, потрогал некоторые оставленные вещи: дочкины игрушки, книги. Только потом он развернул листок бумаги, прочел письмо от жены. Она, конечно, не знала, куда их везут, но просила, если вернется с войны, найти семью. Он и не надеялся, что увидит

в письме конечный адрес, но испытал какое-то чувство разочарования, словно его обманули. Куда их отправили?.. Вспомнил слова майора Никитина. Сибирь... Средняя Азия... Дальний Восток...

После обеда Михаил отправился в военкомат, представился, предъявил документы. Потом спросил о судьбе семьи, где ее искать. Попросили подождать, потом подали листок с адресом. Он прочел первую строчку — Красноярский край.

— Значит, Сибирь, — не выдержал Михаил, убирая листок в карман гимнастерки.

— Все лучше, не Дальний Восток, — заметил строго хмурый капитан с забинтованной рукой. — Вам нужно будет встать на воинский учет, когда явитесь по месту нового проживания, лейтенант. Распишитесь еще здесь. Возьмите ваши документы.

— Да, да, не Дальний Восток, — Михаил взял себя в руки, расписался. — Понял, товарищ капитан. Разрешите идти?

— Идите.

Михаил прошел по улицам города, теперь чужого для него. Подошел к Дому Советов, как его называли в народе, там размещался и его драматический театр. Это трехэтажное здание в стиле конструктивизма по проекту профессора Ильи Голосова было построено в центре города в 1932 году. Полуразрушенное после отступления фашистов в конце декабря 1942 года, оно ничем не напоминало о прежней бурной жизни его обитателей. Михаил невольно взглянул туда, где был длинный балкон, на котором во время демонстраций, осенью и весной, стояли члены правительства, произносили приветственные речи под кумачовыми транспарантами с лозунгами в честь партии, ее вождей и народа. Где теперь они? Тоже в ссылке?..

Он прошел к кинотеатру «Родина», построенному в 1938 году по проекту архитектора с любопытной фамилией Калмыков. Наверняка какие-то калмыцкие корни были у него в роду. На боковых башенках здания стояли гипсовые скульптуры: слева спортсменка, справа рабочий. Жена писала, что в год пятисотлетнего юбилея героического эпоса «Джангар» художник из Москвы Владимир Фаворский оформил стены кинотеатра фресками. Это было в 1940

году. А когда город заняли фашисты, то, говорят, разместили тут конюшню, а потом, уходя, заминировали здание. Наши саперы спасли его от разрушения.

До армии сколько раз Михаил ходил сюда на киносеансы, смотрел художественные фильмы, того же «Чапаева» братьев Васильевых. Тут же была и танцплощадка, где вечерами звучала музыка.

Но теперь он знал: здесь был пункт сбора для ссыльных калмыков города, сюда пришли и его жена с дочкой...

Михаил не сразу заметил любопытные взгляды прохожих. Лиц азиатских он не увидел. Они были в ссылке. Это было так необычно, что Михаил не сразу осознал, почему его — кто украдкой, кто открыто — разглядывали встречные люди. Потом стало понятно: выделялся своей инаковостью — калмык! Он нахмурился, надвинул на глаза фуражку и, не глядя уже по сторонам, вернулся в свой пустой дом.

Надо было написать письмо.

Михаил поискал в доме письменные принадлежности, нашел школьную тетрадку в клеточку, вырвал двойной лист, взял ручку, обмакнул в чернила и вывел на первой странице «Прощай, родная степь!». Да, именно так — «прощай». Сегодня он это понял окончательно.

Будет ли это прощание на время или навсегда, он не мог знать, но все же продолжил письмо.

«Степь калмыцкая, славные твои сыны за тебя сражались в гражданскую войну. Они шашкой рубили, штыком кололи, пулей били твоих врагов. Героями тех времен были отважные командиры Харти Кануков, Василий Хомутников, Ока Городовиков, а также Нарма Шапиукова и другие. Замечательные люди тогда отвоевали свою любимую степь и установили Советскую власть.

При Советской власти ты, моя степь, зацвела сказочной жизнью: построили замечательные дома вместо кочевых кибиток, создавались большие колхозы и совхозы, МТС, культурные учреждения. В широкой степи была столица калмыцкой республики — город Элиста, а в этой столице появилось много учебных заведений, кино, клубы и драматический театр, была своя литература,

газеты, журналы. В течение двадцати лет твои сыны строили такую замечательную жизнь...

И вдруг война началась 22 июня 1941 года.

И снова твои богатыри шли за тебя, родная степь, сражаться с твоими врагами — немецкими фашистами. Они били немцев у стен Сталинграда, в степях Дона и Украины, беспощадно били в глубоком тылу врага — в лесах Белоруссии и, наконец, на своей земле.

А все-таки, родная матушка-степь, ты вырастила наряду с замечательными людьми и предателей. Вот эти предатели продали твое богатство немцам и пошли против тебя, и поэтому славная республика калмыцкого народа не существует».

Михаил надолго задумался, отложил ручку, потом перечитал свое письмо. Коряво по-русски получилось, вот и слово «замечательные» несколько раз повторил, синонимы надо было использовать. Да не до стилиа, эмоции захлестывали, слов не подбирал. Поправить, что ли...

Наверное, надо было письмо на калмыцком языке написать... А кто его прочтет, если калмыков теперь в степи нет?..

«И вот приехал один из твоих сыновей, — продолжил писать Михаил. — Родная степь, я тебя не узнал. Разве ты такая была? Где же твои сыны, где же твое богатство и где же твоя столица — родная Элиста?»

Родная моя мать-степь, тебе позорно и стыдно перед всеми, как и мне позорно и стыдно перед тобой!».

Он снова прервал письмо. Вспомнил свои чувства, когда услышал скорбную весть о депортации своего народа в дальние края, как прощался с боевыми товарищами, ехал домой на поезде, на попутном грузовике, был в военкомате, шел по улицам города, у которого даже название теперь чужое — Степной. Никакой фантазии у сочинителей. Раз в степи, значит — степной город.

А раньше кочевавшие по Манычу калмыки устраивали стоянки здесь, в балке, левый северный склон которой был с рыхлыми песками, отсюда и балка называлась «Элстэ», по-калмыцки «песчаный». А село, которое началось с первой землянки русского поселенца Степана Прокопьевича Кийкова в 1862 году, стало тоже Элистой.

Михаил взглянул в окно. Потомки Кийкова были его соседями. Вот так «вчера» и «сегодня» становятся сестрами в истории.

Он снова окунул перо ручки в чернильницу.

«Зачем ты меня тянула к себе, родная моя? Чтобы я плакал перед тобой за твои преступления?.. Да, ты меня заставила плакать много дней. Люди на меня смотрят, как на волка, хотя я три года сражался за тебя с врагами.

А вот скоро я пойду на врага — добить его, отомстить за тебя, моя родная».

Михаил готов был вернуться в воинский строй, чтобы доказать несправедливость обвинений и непомерность наказания целого народа. Он подумал, может, его снова отзовут из воинского запаса, как и других офицеров-калмыков. Он был уверен, что так думают и его земляки.

«Я с тобою не могу расстаться, как с матерью любимый ее сын, — продолжил письмо Михаил. — Кончится война, победа будет за Советами, и тогда, быть может, возвратятся славные твои сыны на свою родную землю.

Буду желать тебе, матушка-степь, чтобы ты восстановила свои прежние виды после такой печали.

Буду за тебя и в дальнейшем стоять, даже если родной брат пойдет против советской Родины!».

Тут Михаил остановился, задержал ручку над тетрадной страницей. Что он тут написал?.. Такого быть не может. Все три брата на разных фронтах воевали, кто под Сталинградом, кто под Ленинградом. Не могут они быть предателями! Напрасно он, младший брат, так написал о старших братьях. Нехорошо так думать о своей родне. Как будто он не верит братьям. Нет, он верит, конечно. Зачем же тогда написал эту фразу?.. Ради красного словца? Да нет же... Михаил вздохнул. Вот до чего доходишь, когда не контролируешь себя.

Братьев, должно быть, тоже отозвали с передовой, если живы. Если живы... Но и похоронки не приходили же домой. Калмыки говорят: «Человек, ушедший на ногах, возвращается, человек, зарытый лопатой, — нет».

«Да здоровствует Красная Армия! — написал Михаил. — Пускай здоровствуют твои честные сыны!

Смерть немецко-фашистским захватчикам!».

И подписался.

Потом подумал, что надо приписку сделать на всякий случай, вдруг письмо затеряется. Мало ли что случится теперь.

«Р. С. Дорогие товарищи! Если кто найдет это письмо, прошу сохранить при себе до моего приезда в Элисту.

За бережное сохранение этого письма на долгие годы обещаю дать большое вознаграждение!»

Какое вознаграждение, он не подумал. Какая разница, там видно будет.

Он перечитал последние строки письма. Все-таки чувства опережают мысли. Еще не уехал, уже думает о приезде. А ведь это ссылка. На долгие годы? Навечно? Слово «вечность» тоже как-то не укладывалось в сознании.

Надо еще раз подписать письмо после постскриптума. Обязательно указать также дату.

«Командир-партизан Отечественной войны лейтенант Хониев Михаил Ноганович.

21 сентября 1944 г.».

А как уточнить место написания письма?..

Михаил вновь задумался.

Город Степной? Нет, не будет так писать. Значит, согласиться с тем, что случилось...

Город Элиста? Но такого города уже нет. Он вспомнил слова майора Никитина о том, что нет теперь калмыков на географической карте.

И представил себе такую карту. Ее масштаб тоже как-то не уместился в его уме.

Поэтому он никак не обозначил этот город в своем письме.

Прощай, родная степь!..

16 ноября 2018 г.

ТРИ ЗВЕЗДОЧКИ

В конце сентября заметно похолодало, несмотря на первый месяц осени. Сибирь есть Сибирь. Пожелтевшие и покрасневшие листья падали с деревьев, как маленькие парашютисты, приземляясь, куда ветер отнесет. Несколько листиков зацепились за раму окна и как будто заглядывали в комнату, пытаясь рассмотреть, кто там.

Ранним утром, когда Нюдля с маленькой дочкой еще спали, послышался стук в дверь. Женщина не сразу проснулась, но настойчивый стук повторился, раздался знакомый голос. Неужели ей послышалось? Миша! Вернулся с войны! От него давно не было писем, потому что после депортации калмыков многие связи между ссыльными родственниками и фронтовиками поначалу были утрачены: одни устраивались в чужих краях, другие не знали, куда писать, или не имели такой возможности, находясь в партизанских отрядах.

— Үүдэн шулуһар тээлтн! Бив Мууда! Ода ирлэв! — по-калмыцки сказал мужчина («Открывайте быстрее дверь! Я Мууда! Сейчас приехал!»). Мууда. Так звали его в семье.

Голос, который знала до войны вся республика, слушая передачи Калмыцкого радио, голос первого калмыцкого диктора, голос ее мужа!

Это не сон. Нюдля вскочила с постели, на ходу надевая домашнее платье, босиком бросилась к двери...

Маленькая девочка проснулась от громких голосов в соседней комнате, услышала, как закричала, потом заплакала мама. От страха она укрылась под одеялом с головой, не смея выглянуть. Что-то случилось! Голоса не смолкали: один — женский, мамин, другой — мужской, незнакомый. Какой-то дядька зашел. Чего же так шумят?.. Вот и ее разбудили.

Она хотела заплакать, чтобы мама скорее подошла к ней. Но потом вовремя спохватилась, подумала, что маме это не понравится. Это не бабушка с дедушкой, у которых она жила на хуторе под Сталинградом несколько лет: те нянчились с ней, как с маленькой. А мама напоминала, что Нимн уже не маленькая, пять лет уже. И

должна не подводить родителей, в честь которых ее назвали.

— Как это? — удивлялась дочка. — Тебя зовут Нюдля, а папу — Михаил.

— Мы с папой соединили начальные буквы наших имен: «Н» и «М». Так появилось твое имя — Нимн.

— А кто это придумал?

— Не помню.

— А на кого я похожа? — не унималась девочка. — На тебя или на папу?

— Я же показывала тебе его фотокарточки.

— Не понимаю все равно. Я не видела его дома. Ты все время говорила: папа в армии, папа на войне.

— Так оно и есть.

— А когда папа приедет?

— Скоро, скоро, Нимн.

За дверью продолжали громко разговаривать, смеяться. К девочке никто не шел, наверное, думали, что она крепко спит...

Нимн осторожно выглянула из-под лоскутного одеяла. Вокруг никого не было, а за стеной разговаривали.

— Мама! — негромко позвал ребенок и прислушался.

Наверное, не слышат.

— Мама, мама! — уже громче крикнула Нимн.

Никто не откликнулся. Она испугалась. А вдруг мама забудет про нее и уйдет на работу?

И Нимн громко заплакала.

Послышались торопливые шаги, дверь распахнулась.

Впереди показалась мама, а за ней шел какой-то дядька в военной форме.

— Проснулась? — спросила мама и оглянулась на дядьку. — Вот твой папа. Пришел с войны.

Дядька поднял девочку на руки.

— Миша, это наша дочка. Выросла за это время. Совсем большая стала. Пять лет уже... Нимн, не бойся. Это папа! Скажи: «папа», «папа»...

— Папа, — послушно повторила дочка.

— Вот видишь, как хорошо. Папа нашел нас, — радостно сказала мама.

Потом сидели за столом и пили калмыцкий чай с пышками.

— Я устроилась работать на пимокатную фабрику, — рассказывала Нюдля мужу, когда все успокоились.

— Что это за фабрика?

— Валенки катаем для фронта. Ну и женские, детские делаем. Войлок всякий. Работа тяжелая, пыльная. Пока научилась, семь потов сошло.

— Почему семь потов? — удивилась дочка.

— Так принято говорить, когда много труда затрачиваешь на что-то, — вместо мамы пояснил папа.

— Она все равно не понимает, — сказала мама.

— Понимаю, — Нимн повернулась к маме, — я же была с тобой на фабрике. Видела валенки всякие. У меня тоже валенки есть. Только они в сундуке сейчас. Показать валенки?

— Не надо ничего показывать. Ешь, Нимн.

— Потом покажешь, дочка, — успокоил девочку отец. — А я тебе кубики привез. Сейчас дам, помотришь...

Пока дочка играла с кубиками, родители разговаривали. Нюдля рассказала мужу, как их собрали у кинотеатра «Родина», как на американских грузовиках, «студебеккерах», вывезли на железнодорожную станцию, посадили в товарные эшелоны, как они ехали полмесяца в холоде и голоде, пока не прибыли на станцию Назарово Красноярского края. Там их пересадили на сани и отправили к месту назначения, расселили вначале по домам сибиряков. Потом она устроилась на пимокатную фабрику, деньги небольшие, сводила концы с концами. Приходилось обменивать некоторые привезенные с собой вещи, в том числе концертные платья, на молоко для ребенка.

После возвращения Михаила жизнь семьи стала налаживаться. Он устроился на работу — военный руководитель в школе на станции Ададым.

К удивлению Нюдли, вскоре к мужу стали приходиться письма издалека.

Сначала она не придавала этому значения, но потом не выдержала и спросила:

— Кто это тебе пишет?

— Мои партизаны, — отмахнулся Михаил.

— Или партизанки?

— В том числе и партизанки.

— И как это понимать?

— Пишут мои боевые побратимы. Так и понимать. Они поддерживают меня в ссылке.

— И не боятся?

— Фашистов не боялись, сама знаешь. Чего им бояться? Они верят, что правда победит. И я в это верю. Рано или поздно это произойдет, в том числе и с нашей помощью. Нельзя примириться с клеймом предателя, делать вид, что так и должно быть. Особенно когда невиновен.

— Миша, нельзя такие мысли вслух говорить. Услышат — донесут властям. Посадят в тюрьму за антисоветскую пропаганду и агитацию. Некоторых уже посадили, ты, наверное, слышал. Время военное. Я прошу тебя.

— Я тебя понял, успокойся, успокойся. Все будет хорошо. Вот взгляни на карту, какая огромная наша страна. И фашистов уже выбили с нашей территории. Скоро в Берлине война закончится нашей победой.

Отец научил дочь находить на географической карте город Минск. Большая карта висела на стене, став любимым занятием для отца с дочерью.

— Ну-ка, Нимн, покажи нам Минск, столицу Беларуси, на карте, — говорил Михаил. — Этот город твой папа от фашистов летом освобождал.

Девочка забиралась на табуретку и безошибочно пальчиком указывала туда, куда надо.

— А где Москва — столица нашей родины? Твой папа был там до войны, в 1939 году, когда мы представляли калмыцкое искусство и литературу. Папа твой актер.

— И мама тоже.

— И мама.

— И Нимн.

— И ты тоже, дочка, — смеялся Михаил.

— А где Элиста — степная столица? — спрашивала дочку Нюдля.

— А вот она.

— Настанет время, и мы вернемся домой, — сказал Михаил, глядя на карту. — Иначе и быть не может.

— А на чем поедем? — поинтересовалась девочка. — На лошадке?

— На лошадке? Нет, на поезде. Это далеко, лошадка нас не довезет. Ты же видела поезд на станции? Вот на нем и поедем.

— Скоро, папа?

— Скоро, дочка...

Через год у Нимн родилась младшая сестренка. Отец ее назвал Людмилой в честь героини пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». С собой в ссылку он захватил из дому эпос «Джангар» и пушкинский том.

Михаил списался с родственниками, по возможности стал собирать их возле себя, помогать, чем мог.

...Три столицы на географической карте страны были отмечены красными звездочками.

И казалось, невидимые нити соединяли эти звездочки.

Три звездочки на огромной для этой комнаты карте...

8 июля 2024 г.

МАМИНЫ РАССКАЗЫ О СИБИРСКОМ ДЕТСТВЕ

*Памяти моей мамы
Буги Босхомджиевны Араловой
(1934–2021)*

1. Как нас в Сибирь высылали

Подняли нас в пять утра, провели обыск в доме, потом велели собраться в дорогу, взять самое необходимое. Папа хотел взять калмыцкую скрипку: мама играла на скрипке и домбре, а солдат отобрал. Почему? Ничего не сказал.

Нам, маленьким детям, было непонятно, что случилось. Пришедший офицер зачитал какую-то бумагу, отдал приказ солдатам и вышел.

«Как может калмыцкий народ быть предателем? — не выдержав, тихо сказал папа маме. — У нас все, кто мог держать ружье, ушли защищать родину».

Мама оглянулась на солдат в другой комнате, на нас, четверых детей, столпившихся вокруг нее, и, чего-то боясь, попросила папу больше ничего не говорить.

Взяли мы с собой кое-какие вещи, одежду.

Мы до войны хорошо жили. В сорок первом году, перед войной, деревянный дом построили.

Приехал как-то из Ханаты человек, купил у нас одну лошадь. Как раз эти деньги в ссылке и пригодились. Когда в сорок пятом году государство оказало помощь спецпоселенцам, мы добавили деньги и купили корову. Не все могли себе это позволить. Некоторые семьи так все тринадцать лет ссылки и прожили без коровы ...

А забрать тогда калмыкам в дорогу с собой почти ничего не дали. Няня, мы так звали старшую сестру Цаган, как раз 27 декабря приехала из Цаган-Нура, где окончила пятый класс. Она забрала домой, в комнату, стеганые одеяла через окно вытащила, чтобы солдаты не заметили. Верх одеяла был красный, а низ — синий. Наша мама сама эти одеяла стегала. Когда ее там, в Сибири, в со-

рок четвертом году хоронили, то одно из одеял расшили и в синюю материю ее завернули. Мама умерла, по-видимому, от гипертонии. У нее все время из носа кровь шла...

Нас отправили в ссылку под конец декабря сорок третьего года, наша семья попала в Рубцовский район Алтайского края. Ехали в теплушках со станции Абганерово Сталинградской области. Вывозили нас к этой станции на больших грузовиках с полотняным верхом, а у выхода сидели два конвоира с винтовками.

В вагоне было два яруса, вверху и внизу. Кого раньше привезли к поезду, те заняли нары. А нас привезли поздно, лучшие места были заняты. Мы разместились у дверей, а там двери были с двух сторон вагона. Мы выжили в дороге, хотя у дверей было холодно, сквозняк. Посреди вагона была установлена печка-буржуйка, круглая такая. Топить надо было сначала дровами, а потом ссыпать уголь-«семечку», который лежал рядом. Иногда на остановках-разъездах конвоиры разрешали взять что-нибудь в вагон из деревянного: части штaketника, который задерживал снег около рельсов.

На разъездах молодежь шла брать паек. Однажды принесли рисовую кашу, хлеб. Конвоиры из этих пайков всегда оставляли себе две буханки. А кто бы жаловался? В мешке приносили иногда колбасу. Всё делили между семьями.

На одной половине вагона было маленькое окно, через которое шел дневной свет. Вагоны были красного цвета.

В полу вагона прорубили дыру, чтобы справлять нужду.

Везли в ссылку в основном женщин, стариков, детей: подростков и малышей.

Из нашего вагона умерла только одна старая женщина, Байчха. Я была маленькая, восемь лет мне было. Покойников никогда раньше не видела. А бабушку эту завернули в какое-то покрывало, поэтому я заметила только сверток. Так ее и оставили на перроне. Это было днем.

После отправки эшелона на перронах станций оставались штабеля из умерших по дороге калмыков. Помню, наверху лежит такая женщина, а к ней привязан умерший маленький ребенок...

Пока доехали из дому, из колхоза имени Димитрова, до места ссылки, прошло шестнадцать суток, уже январь сорок четвертого года наступил. Приехали, а морозы за пятьдесят градусов, кругом сугробы.

Привезли нас в город Рубцовск. Всех, кто ехал с нами в одном эшелоне, разместили в Рубцовском драматическом театре. Многие из нас впервые видели театр, никогда в нем не бывали...

Это потом мы в том театре уже зрителями смотрели спектакли. Я помню, например, «Позднюю любовь». Тогда после спектакля буран начался, с трудом, пешком, добрались до дяди Санджи, который, в отличие от нас, жил в городе: купил он там небольшой домик, работал в литейном цехе на Алтайском сельхозмаше. До войны дядя служил в Красной Армии, в Монголии, был переводчиком...

Так вот, приехали за нами из совхозов и колхозов на санях. Вы такие сани не видели — большие такие, широкие. Погрузили на сани, накрыли тулупами, и кто куда попал — в совхоз или колхоз. Была разрядка: сколько человек можно принять, на какие работы направить.

Мы приехали в овцеплемсовхоз, от Рубцовска километров сорок пять. Нас разместили в большом доме, он был уже натоplen. А оттуда уже распределяли по фермам, кого-то оставили в совхозе. Так что нам повезло, если так можно сказать, в условиях ссылки.

Папа, Босхомджи Шакуевич, стал работать в механических мастерских, на кузне. Тяжелый был труд. Работы хватало: в совхозе всякая техника была: то трактор надо отремонтировать, то сеялку. Утром я ему завтрак носила, а в обед их кормили бесплатно в столовой. Какая там еда во время войны? Баланда, можно сказать.

Папу на войну два раза призывали, но он возвращался, потому что нашли у него порок сердца, комиссовали, дали «белый билет» — освобождение от воинской обязанности.

Молоко мы покупали у местных жителей. Двадцать рублей литр стоил. Обменивали часто молоко на разные вещи, которые удалось привезти с собой. И с одной женщиной, Шурой Низяковой, мы договорились взять двадцать литров в обмен на одежду.

У Шуры было несколько детей. И она пожалела это молоко: вещи наши взяла, а нас решила отравить, чтобы всё не отдавать. И в первую часть молока подсыпала какую-то отраву. Утром я отнесла папе завтрак (папа уходил на работу в 6 часов утра), а домой пришла — все лежат: уже отравились. Эдзя у печки сидит, ничего не помнит. Я побежала на другую улицу, где жили наши родственники, сказала, что случилась беда. А потом сама свалилась без сознания. Отца сразу отвезли в больницу из мехмастерских, когда он сознание потерял. Положили в больницу взрослых, а нас, детей, дома выхаживали: мы меньшую дозу получили. Все молча лежали, а я «горела»: температура большая, вскакивала с постели, бежала к двери, чтобы на улицу выйти, мне жарко. Зимой это было. А наши дверь на крючок закрыли, чтобы я не могла открыть, и меня опять на кровать укладывали. А я вырывалась и говорила сестре Инджир: «Яһжахмч? Яһад намаг бәржәнэч? Чи кемби? Сталин болхич?» («Ты что это делаешь? Почему меня не пускаешь? Кто ты такая? Сталин, что ли?»). Языкастая я была...

Взяли пробы с нашей еды, чтобы выяснить, чем семью отравили. А тогда собранное зерно химически обрабатывали от вредителей, грызунов всяких. Наверное, Шура там яд и взяла.

Следствие было, но ничем не закончилось: у той женщины муж на фронте был, опять же дети у нее маленькие.

Мы уцелели, потому что отравка была в утреннем молоке, а если бы в вечернем, так ночью все бы и умерли, думаю. Кто бы узнал и на помощь пришел ночью-то...

Мама, Амула Болдыревна, с нашей старшей сестрой Цаган работали на складах: с августа-сентября зерно, семечки сортировали, с начала марта перебирали в подвалах овощи: картошку, морковку, свеклу, лук.

Эдзя, Булгун Болдаевна, смотрела за младшей нашей сестренкой, Буйнтой, ей два года тогда было. Мы с Инджир постарше: Инджир — десять лет.

Хлеб отпускали тогда по талонам. На каждый месяц. Отрезали талон каждый день. Давали пайковый хлеб. Папе и маме доставалось по пятьсот граммов, иждивенцам — по сто пятьдесят грам-

мов... Что это за хлеб был? Чего туда только не мешали: картошку, отруби, жмых. Потому хлеб был черный и тяжелый.

2. Как нас суслики спасли

Люди голодали. С лета до осени в 1945 и 1946 году ходили сусликов ловить. Далеко от совхоза, километров двенадцать-пятнадцать, за второй фермой, туда, где пашня. Эти грызуны селятся у полей. А кому ходить? Взрослые на работе. Приходилось идти детям маленьким со старухами. У нас ходила Инджир. Соберутся несколько человек. Рано уходили, в четыре часа утра. С собой брали несколько капканов, маленькую лопатку, чтобы у норки капкан поставить. Придут в степь, надо еще норки найти, где суслик живет. А норки разные — старые и новые. Надо различать, где старые норки: там уже паутина у входа, значит, суслика там нет. А суслик — животное чистоплотное. Есть у него норка, где гадит, уборная такая. А есть норка, откуда он выходит и заходит, она почти вертикальная. Вот там и ставили капкан. И не один. Столько, сколько с собой взяли. Поставят капканы, а потом ходят по степи и смотрят, попался или нет суслик.

Если попался, его капканом прищемит, не выскочить уже, тогда из капкана снимали. Летом жарко, поэтому чтобы суслик не протух, его в землю зарывали на время, до вечера, потом вынимали и в сумку полотняную складывали или в мешок.

Соберут за день, сколько получится, и из степи домой. Принесут, а сусликов надо разделявать. Свет тогда до двенадцати часов ночи давали. А утром без пятнадцати шесть включали, когда гимн страны играли. Генератор был в совхозе. Когда света не было, пользовались коптилкой или керосиновой лампой, у кого что было.

Поэтому надо было, пока свет не выключат, сусликов разделять, шкурку снять, от жира очистить, потом посушить. Шкурки сдавали. Приезжали заготовители из «Пушнины», из Рубцовска. Часто вместо денег давали промтовары. Однажды получили сатин, красно-бардовый, с цветами. Няня всем нам красивые платья сшила, мастерица.

Мясо сусликов жарили, варили — ели. Кто много зверьков ловил, сдавал суслиный жир для аптеки — так туберкулезников лечили.

Однажды, помню, меня взяли сусликов ловить. Инджир и другие дети капканы ставят, а я норки ищу. А как узнать, где суслик живет? У него всегда рядом с цоонг (так по-калмыцки сусличья нора) — земляной бугорок такой есть. Зверек из норки вылезет, на бугорок встанет, чтобы видно ему было, что и как, лапки передние сложит перед собой, как будто молится. Вот так. Стоит и смотрит. Как испугнет его кто-нибудь или что-нибудь — сразу в норку. Пугливый очень, осторожный.

А я как найду, кричу: «Наар, наар! Энд цоонг бээнэ. Шулуһар!» Значит: «Иди, иди сюда! Здесь нора есть. Быстрой!».

Придет Инджир, посмотрит и говорит:

— Смотри, там паутина. Никого нет.

Ну ладно. Ищу. Найду, опять кричу: «Наар, наар! Энд цоонг бээнэ. Шулуһар!»

А сестра подойдет, посмотрит и говорит:

— Смотри, какашки старые. Суслика здесь нет.

И я опять по степи ищу, где тут эти суслики, как сквозь землю провалились. И пить мне давно уже хочется, а жаловаться нельзя.

Наконец, попался мне один суслик в капкан. Я уже не стала звать сестру. Решила, что сама справлюсь. Вытащила зверька из капкана, а он как укусит меня за большой палец. Я испугалась от неожиданности, сразу стряхнула его, он и убежал. Наверно, больше меня испугался...

Какая ранка у меня была? Маленькая. У суслика зубы мелкие, как у мыши: чуть прокусил.

На том кончились мои походы. Потом меня с собой не брали: далеко, я маленькая, быстро уставала, больше сусликов пугала, чем ловила. И толку от меня не было.

Как сусликов тогда в Сибири ловили, лучше у нашего родственника Монка спросить. Он знает лучше меня. А я что? Слышала от других, сама всего-то день-два на ловле была.

И вообще не везде ссыльные калмыки сусликов ловили.

В каких-то местах этих зверьков не было.
Вот суслики тоже от смерти спасли нас, я думаю.

3. Как нас картошка спасла

Дядя наш, по материнской линии, работал где придется: на «Сольпроме», когда трудились в воде, вывозили соль на тачках; потом в каменном карьере, выпиливали там вручную ракушечник; на шахте, в конце концов, болезнь прихватил, силикоз называется: всю жизнь кашлял, а курить не бросил.

Да, всем тяжело приходилось.

Мама с няней Цаган уходили на работу на складах рано, возвращались поздно. Осенью и зимой зерно перебирали, чтобы не испортилось, сортировали: мелкое, среднее, крупное. Какое куда, например, для посева. Мама с няней приносили с собой понемногу зерна: насыпали украдкой в карманы, чтобы не особенно видно было со стороны, что у человека в одежде. С собой ничего нельзя было взять, а голод, война. Что делать? У кого были дети маленькие или старики, которые не могли работать. А кормить всех надо было.

Заведующим складами — там было три больших склада — работал Никита Комаристов, хромой, поэтому его на фронт не взяли. Хороший человек был, добрый, женатый, не старый. Зерна не отбирал у людей, жалел их. Потом заведовал другим складом его брат — Федя, когда пришел с войны. Хорошие были люди...

Ну, так принесут мама с няней с работы немного зерна, мельют на ручной мельнице. За килограмм украденного зерна тогда, во время войны, пять лет давали тюрьмы. Такие мельницы были самодельными, их прятали, чтобы милиция не нашла. Мельницы разные были, делали их, как придется, из чего-нибудь. В основном, железные.

Из наших родственников одного посадили где-то в сорок седьмом или в сорок восьмом году: нашли у него немного зерна. Звали его Такá, он работал в бригаде водовозом, возил воду в бочках. Приехали судьи из города, судили в большом совхозном клубе,

дали ему срок. Молодой парень был. Вышел из тюрьмы он уже больной туберкулезом. Решил жениться, а врачи не советовали. Все равно он женился. Потом жена заразилась от мужа, тоже умерла от этой болезни. Осталась у них маленькая дочка...

А в сорок четвертом году осенью мы собирали колоски в поле. Совхоз урожай снимет, а на поле кое-где колоски оставались. Далеко было от нас, километров десять. Пшеница не рассыпается в колоске, она, как в шубе, зиму пролежит. А ячмень за зиму рассыпается, но кое-что в колоске оставалось.

Ходили в поле старики и дети. Брали с собой полотняные мешочки с веревочными лямками, жить-то надо было. За колоски, надо сказать, тоже в тюрьму сажали.

Мы искали колоски, собирали в мешочек. Старики, чтобы не тащить, там, на поле, лущили колосок. А мы, дети, не умели или не знали, несли, что нашли. Да и много ли мы могли собрать? Дома зёрна доставали из колосков, мололи на ручной мельнице, хлеб пекли, пышки жарили на сковороде.

На складах, где мама с няней перебирали овощи, было очень холодно. Мама надевала папину кожаную куртку бордового цвета. И тепло, и карманов много — целых четыре, снаружи и внутри, куда можно было положить какие-нибудь овощи.

Когда мамы не стало, потом эту куртку папа носил. Она импортная была, крепкая. Цаган, после ухода папы в 1953 году, перелицевала куртку и сделала жилет, стал как замшевый, няня и носила его долго.

Работа на складах тяжелая была, но и туда не всех брали. Мама надорвалась. Умерла в конце лета, в сорок четвертом году. Она рано от нас ушла: ей было тридцать восемь лет. Нас, детей, четверо осталось у отца. Все девочки. Няня нам за маму была, хотя сама еще девчонка. А до няни двое мальчиков было, и после меня был один сын, Санджи. За ним следом родилась девочка, Булгун. Она умерла от болезни зубов. Все они умерли маленькими, до ссылки, в голодные годы. Так что родила наша мама семь детей.

Все она успевала, на калмыцкой скрипке и домбре хорошо играла. Я в нее пошла, наверное.

Хотя у нас и няня на домбре до сих пор играет.

После работы мама с няней приносили немного овощей. Раз-решали им брать с собой порченное, резаное, иногда по полведра, даже ведро выходило. Картошку, морковку, свеклу, лук. Целое редко доставалось, только то, что в кармане проносили. Целую картошку в свой погреб складывали. Потом пригодилась.

Папе как работнику мехмастерских предложили взять двадцать соток земли. А папа решил подумать. Тогда калмыки надеялись, что как только война закончится, тогда и они домой, в степь, вернуться, хотя было сказано, что сосланы навсегда. Зачем папе эти двадцать соток земли? Зачем что-то там сажать?

А местные люди, которые с ним работали, посоветовали ему: «Бери землю. Картошку посадишь — семью прокормишь. А если домой вернетесь, землю эту продадите. Не уедете — пользоваться будете».

Не знаю, можно ли было эти сотки продавать, но папа послушался совета.

Родители картошку и посадили после работы. Весной. Из каждой крупной картофелины вырезали части с «глазками», чтобы вырастить, экономно получалось.

Первый раз делают прополку, второй раз картошку окучивают. Выросла она хорошая. Теперь надо было ее домой перетаскать. Двадцать мешков постепенно выкопали.

А кому ее таскать? Взрослые на работе. Мы с Инджир понемногу и перетаскали.

Наберем картошки в маленький мешок, а поднять сразу не можем: силенок нет. Помогаем друг другу поднять мешочек на спину. Идем, устанем, отдыхаем. А когда подниматься надо, тогда присядем на корточки, поднимаемся, держась, бывало, одной рукой за низкий кустарник, тарнач по-народному. Он в Сибири рос.

Так и шли до дому. А расстояние было, если сравнить с автобусной остановкой, то три-четыре остановки, не меньше, если и не больше...

Была у нас одно время собака. Папа ее почему-то «Бодницг» звал, картошка, значит. То ли, чтобы язык не забывали, говорили

по-калмыцки в семье, то ли собака цветом шерсти была похожа на картошку, то ли это папина шутка была — он у нас с юмором дружил. А мы, дети, звали собаку попросту Бодынцашка.

4. Папа

За зиму сорок четвертого года девяносто восемь калмыков умерло в совхозе. Похоронили их в одной братской могиле. Папу вызвал в контору заместитель директора совхоза, поручил организовать захоронение. Папа отказался, сказал, что не может заставить стариков и детей отправиться на такое дело. Тогда его заперли в соседней комнате конторы, а там был рассыпан на полу лук. Посадили под арест, чтобы передумал и согласился.

Был конец февраля — начало марта. Надо было быстрее хоронить. Иначе звери растаскают. И когда теплее станет, еще хуже будет, понятно.

Мама с дядей пошли в контору просить за папу, тогда его на время отпустили. Вечером дома стали совещаться. Что делать? Тогда что прикажут, то и делали. Да хоронить-то, конечно, надо было.

Собрал папа стариков, детей — ломami долбили мерзлую землю, яму одну большую кое-как вырыли. Потом собирали на телегах покойников там, где они лежали, еще в больших сугробах, позади барачных бараков. Среди них была наша молодая замужняя тетка, Эльзятэ. Умерла она в совхозной больнице от брюшного тифа. Была она большая, белокожая, косы у нее были рыжего цвета, длинные. И ее опознали, когда хоронили в общей могиле, по этим рыжим косам.

Муж ее, дядя Одя, папин третий брат, на фронте воевал. Двое маленьких детей у него было, они вскоре тоже умерли. Дядя наш вернулся с войны в сорок пятом, раненный в правую руку, инвалид. Три года в госпиталях лежал. Приехал в одной шинели, с солдатским котелком. А из его семьи никого не осталось. Потом он женился вторично, взял женщину с двумя детьми...

Умирали калмыки от брюшного тифа, когда приехали в Сибирь. Заражались друг от друга, семьями погибали. В дороге дол-

гой голодные-холодные ехали, сопротивляемости никакой у организма уже не было.

Папа ушел от нас, когда ему было пятьдесят три года.

А до этого, еще несколько лет назад, когда чуть не убили нашего зятя Санджи и его дочку маленькую, он очень расстроился. Был у него тогда микроинсульт. Речь его была немного нарушена, потом восстановилась. А последствия, выходит, остались.

А история, с чего всё началось, такая. Случалось, что из-за нужды калмыки воровали скот, резали и тайно продавали. У нас тогда средняя сестра Инджир замуж выходила, свадьбу в мае пятидесятого года играли. Как же без угощения?.. Предложили и нам купить мяса. Потом оказалось, что вол или бык краденый. Следователи понаехали, стали расспрашивать, кто что слышал, кто что знает, кто покупал, у кого брали. Долго разбирались. Папу тоже вызывали. Но никто «продавца» не назвал. А тот приходился нам дальним родственником, женат был на нашей родственнице, двое детей. Бедовый был парень, Пюрвя, черт ему братом был, ничего и никого не боялся. Солому на бричке возил к фермам. Его чаще других на допрос вызывали. Подумал он, что это муж нашей няни, которая уже замуж вышла, его выдал, донос написал: тот партийный был, конюхом работал. Подкараулил: сидел Санджи с маленькой дочкой на завалинке в обед. Стукнул Пюрвя их сгоряча по голове чем-то, испугался, что убил родню, и убежал.

Проходил мимо Степан-фронтовик, шел он с работы, увидел: на заднем дворе лежат люди, поднял тревогу. Оказали раненым помощь, врач голову им забинтовал, домой отпустил.

Посадить за краденое горе-родственника не посадили, не смогли доказать.

Погодя он пришел к нам — просить прощения за все.

Простили, конечно. Калмыки говорят: «Элгн ацан болдг уга, элсн ацан болдг», то есть «Родня не в тягость, а песок — в тягость». Но он потом повесился, уже вернувшись на родину, по какой-то причине. Развелся перед этим с женой, оставил ее с малышами.

После ухода из жизни нашей мамы папе трудно было: семья большая, дети маленькие, всех кормить-поить, поднимать на ноги

надо. Папа у нас грамотный был, обходительный со всеми, аккуратный, одежда у него хорошая была, чистая, со вкусом. Никогда в жизни ни на кого голос не повысил, не ссорился ни с кем, нас не наказывал...

Ночью стало ему плохо. Позвали целительницу-калмычку. Она была на чужой свадьбе, задержалась, вернулась поздно. Когда увидела папу, сказала после осмотра: «Если до утра доживет, будет жить. Если до утра не доживет, значит, уже жизненный срок закончился».

А лучше не становится. Тогда послали меня за доктором, жила на нашей улице, на окраине, в девятый дом. Она пришла, осмотрела папу, сказала: «Обширный инфаркт. Уже ничего нельзя сделать...».

Так мы стали сиротами. Калмыки считают: если отец уходит из жизни, то дети полусироты, а если мать уходит, то дети — сироты, даже если и отец есть. Остались в Сибири папа с мамой.

Только несколько фотографий сохранилось, где мы все еще вместе — родители и дети.

26–27 мая 2016 г.

Москва.

ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» САН САНЫЧ

— Уважаемые телезрители, к нам на передачу приходят письма от ветеранов войны, — сказал ведущий. — Вот с одним из таких писем я хотел бы вас познакомить. Оно пришло из Белоруссии. На конверте подпись неразборчива, в письме тоже.

Я хотел бы вам его зачитать.

«Уважаемый товарищ писатель!

Пишет вам бывший партизан. Знаю, что вы тоже воевали, а после войны собираете рассказы ветеранов, чтобы написать еще одну книжку. Не знаю, понадобится вам моя история, которую хочу рассказать, или нет, но все же поделюсь, так как не дает она мне покоя до сих пор. Прошло уже с той поры немало лет, а, кажется, что недавно случилось это.

Думаю, получаете вы писем много, но прошу дочитать и мое послание до конца.

Не буду сообщать о себе подробности, как и где воевал, дело не во мне. А в мальчишке. Встретил я его в июле 1944 года, когда освобождали Минск. Дали нам тогда задание — взорвать мост через одну реку, чтобы не дать немцам пополнить свои боеприпасы, которые они подвозили по железной дороге. Вышли мы к нужному месту двумя группами: одна ушла на другой берег, а мы остались на этом берегу. Залегли надолго. Мост усиленно охранялся, поезда шли друг за другом. Не подобраться нам никак.

Так вот, когда переходили линию фронта, с нами был один мальчишка, лет десяти-двенадцати. Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо. С нами в разговоры не вступал, да и мы его не донимали, понимали: раз ему разрешили с нами пойти, значит, тоже свое задание имеет. Вроде разведчика. С собой у него были какие-то наволочки, на продукты пометить, что ли. Маскировка, наверное. Это потом я уже узнал, что такие наволочки наверху деревьев развешивали для наших самолетов-разведчиков, указывали квадрат бомбежки.

Как только перешили нейтралку, наш сосед исчез. Да нам не до него было, все голову ломали, как задание выполнить.

На третий день мальчишка обнаружил нас. Вроде и спрятались, а глядишь ты — нашел. Лег за кустами с нами, за охраной наблюдает, как будто и ему надо. Не спрашивает ничего, смотрит и глядит.

А в это время на станцию пришел поезд под охраной и остановился. На соседний путь сразу же за ним подошел санитарный эшелон. Открылись двери, стали кого-то выгружать, кого-то подгружать, бегодня, одним словом. Охрана отвлеклась, подошла к санитарным вагонам, стала расспрашивать, как водится.

Мальчишка наш вдруг говорит: «Дайте ВВ».

ВВ, сами знаете, товарищ писатель, сокращенно — взрывчатое вещество. Мы растерялись, сразу не нашли, что сказать. Я ему сунул ВВ, не думая, как оно ему понадобится.

А мальчишка погодя вышел на перрон, прошелся не спеша, и вдруг — нырнул под поезд. В это время раздался свисток, и поезд этот стал трогаться. Ну, думаем, всё — раздавили! Нет! Увидели, как постреленок успел перебраться в ящик под вагоном, где уголь возят.

Поезд стал набирать ход. А впереди него — мост, тот самый, который нам надо взорвать. И вот поезд уже на мосту. И где-то на середине моста послышались взрывы, вагоны стали друг на друга наезжать, грохот, крики.

«Подорвал себя!» — поняли мы, застыв на время. Но надо было быстро уходить. И мы снялись с места, пока нас не обнаружили.

Через полчаса догнал нас связной группы, что была на другом берегу. Она тоже стала отходить к лесу. Связной рассказал нам, что они видели, как перед взрывом с моста в реку бросился человек. Его заметила охрана, послали туда катер, чтобы выловить беглеца. Втащили его на катер и куда-то повезли.

Мы решили отбить пленного, соединившись с другой группой. Немцы привезли его в соседнюю караульную сторожку. Их было немного — человек шесть-семь. Мы их уложили сразу, когда ворвались в комнату. Они не успели даже ответить, не ожидали.

А мы все равно опоздали. Немцы прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови.

Мы осторожно сняли его с двери, кое-как перевязали, завернули в плащ-палатку и стали отходить. Нас вскоре обнаружили. Началась перестрелка. Потеряли шестерых, но сумели уйти от погони на время.

Мальчик все время бредил, просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой московский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса. Потом затих.

Нас загнали к реке. Мы нашли в камышах подтопленную лодку без весел, кое-как погрузили раненого вместе с двумя партизанами. А сами стали прикрывать их отход, боеприпасы уже кончались.

Через какое-то время немцы потеряли нас из виду.

Мы устало шли к партизанской базе и думали, каждый про себя, как там наши товарищи? Удалось ли оторваться от погони? Что с мальчиком? Выживет ли с такими ранами?

По прибытии доложили, что да как. Сообщили и о маленьком разведчике человеку из штаба. Тот молча выслушал, кое-что уточнил, потом сурово помолчал, махнул рукой и уехал.

А товарищей тех мы не дождались. Так и не знаем, какова их судьба. Что с ними случилось. И с мальчиком тоже.

Когда наши войска взяли Минск, я ходил по улицам, как будто что-то потерял. Случайно набрел на фотостудию. Решил сфотографироваться на память. И вдруг увидел в витрине фотографию нашего мальчишки. Не поверите! И я тоже не поверил вначале, когда увидел ее. Вбежал, схватил старого фотографа за руку и потащил на улицу к витрине. Тычу пальцем в снимок и спрашиваю, кто это? А тот ничего не поймет, растерялся, смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я чуть с ума не сошел от радости: все, думаю, сейчас узнаю, что за мальчишка, как зовут его, адрес домашний. Говорю, где квитанция, что там написано. А старик отвечает, нет квитанции, мальчик сам забрал свою фотографию, а эта — на витрине — для клиентов. Приходил с танкистами, с ними и ушел после съемки. Сведения на квитанции не помнит,

конечно, — много людей снимается для документов, для себя, для друзей.

Я спросил, как к мальчику танкисты обращались, по имени, наверно. И тут фотограф стукнул себя по лбу, сказав, что вспомнил, да, называли они его Сан Санычем.

Значит, Александр Александрович. В десять-двенадцать лет по имени-отчеству.

После войны хотел я поехать в Москву, товарищ писатель, попробовать найти Сан Саныча или его мать, как придется. Но так и не получилось. Женился, дети, работа. Нет-нет да вспоминаю тот июль сорок четвертого года, белорусскую станцию, взрыв поезда, караульную сторожку, мальчика в плащ-палатке.

Товарищ писатель, может, вам доведется в своей Москве узнать, где теперь Сан Саныч? Жив ли он?

Хотелось бы верить, что не зря мои товарищи полегли, вызволяя из плена мальчишку тогда.

Письмо помогала написать мне старшая дочка-студентка. Она читала ваши книжки про войну. Теперь читаю их я. Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей.

Подпись моя, конечно, неразборчивая, потому что двух пальцев на правой руке нет после одной нашей вылазки на железке. Да подпись и ни к чему. Речь-то не обо мне».

— Вот такое письмо, — сказал писатель, положив бумагу на стол. — Мы нашли этого мальчика, как просил ветеран войны. Правда, как вы видите, это уже взрослый человек. Это Александр Александрович Сергеев.

Расскажите нам, Александр Александрович, как сложилась ваша судьба после того, как вы отправились с партизанами на лодке? Что случилось? Как удалось спастись?

Сергеев в телестудии был впервые. Смушался и соседства со знаменитым писателем-фронтовиком, который вел передачу о героях войны, собирая материалы о боях-сражениях, знакомя с неизвестными их участниками.

У гостя простое, славное лицо. Он одет в костюм с галстуком:

все-таки всесоюзное телевидение. Глаза у Сергеева светлые: не то серые, не то голубые, эфир-то черно-белый — не различить.

— Как удалось спастись? — задумчиво повторил он и помолчал, как бы собираясь с мыслями.

— Непросто, — сдержанно и неторопливо продолжил Александр Александрович. — Когда я с двумя партизанами переправлялся на лодке через реку, уже на берегу в одного из них попала пуля. Там мы его и оставили. Надо было уходить, а я не мог сам передвигаться: меня нес на руках или тащил по земле на плащ-палатке Иван. Так звали другого партизана. Он был молод, быстро уставал, да и я ничем не мог ему помочь.

Уже темнело. На пути нам попалась деревня. Иван пошел на разведку, узнать, есть ли там немцы. Вернулся вскоре и сообщил, что никого нет — ни своих, ни чужих. Видно, заброшенная деревня. Добрались мы до ближайшей хаты, вошли, осмотрелись. Что было съестного, поели-попили. Еды было мало, но немного подкрепились и спрятались в устье печи: вдруг появятся немцы.

Но никого не было ни в этот день, ни на второй день. И на третий Иван пошел раздобыть какой-нибудь еды. Может, в соседних хатах. Ушел с утра. Я ждал до вечера. Думал, придет ночью. Но он так и не вернулся. Не знаю, почему. Да на войне как на войне. Наверное, кто-то выдал или встретил немцев. Не мог он меня бросить...

На следующий день я услышал, как в деревню въехали танки. Они прошли мимо окон хаты, где я лежал. Но я не видел, чьи они: наши или нет. Подняться не было сил, кричать тоже. Да и кто услышит, когда такой грохот стоял?

А на завтра появились солдаты. Наши! Они ходили по хатам, смотрели, есть ли живой кто из местных. Так и нашли меня в печи.

Привезли в санчасть, стали лечить. Потом отправили в госпиталь в Москву самолетом. Вылечили. Вернулся на фронт, в свою часть. Там не хотели меня брать, после ранения, предлагали учиться.

Но я остался. Так всю войну и прошел.

— Я заметил, — сказал писатель, — что настоящие герои всег-

да скромные. Как наш гость. А на вашем заводе знают, с кем они вместе работают?..

— Я не один был на войне, — просто ответил Сергеев.

— Вот такая история, с которой мы сегодня познакомились. Я рад, что ответил на письмо ветерана. Думаю, что мы еще не раз встретимся в этой студии и услышим новые рассказы о войне.

До свидания, товарищи.

28 марта 2016 г.

СОБАКА

Он стал известным актером после войны. Снимался в разных кинофильмах, в том числе и про войну. Но о ней не любил рассказывать. Даже когда мы с ним выпивали.

Во время войны ему было мало лет. Он любил море и хотел стать моряком. И неизвестно, окончил ли Жора школу юнг или краткосрочные курсы. Он это не уточнял, да и мало кто спрашивал, поскольку не все знали, что он воевал на флоте.

Ходил Жора в море на катере. Сменил их за войну несколько. Не по своей воле. Так получалось, что в его катер во время боев попадали снаряды или он наткнулся на бомбу. Экипаж поэтому время от времени менялся, а Жора оставался. В морской рубашке, наверное, родился, изредка говорил он.

Тельняшку он любил, как и бескозырку. Конечно, как все моряки. Наверное, при случае рвал тельняшку на груди, как водится. Характер у Жоры был с морской солью, жгучий, острый. Мог сказать что покруче, а то и ударить. Кулак у него был тяжелый, хотя ростом он не вышел, так, где-то среднего. Сам не любил серединку на половинку во всем. Это и мешало порой.

Однажды он выпил, не так чтоб уж сильно, но, видно, хотелось поговорить. И рассказал мне коротко, как спас собаку. Там, на войне. А она потом спасла его. Бывает же такое, не поверишь.

Так вот, когда стоял их катер, ждали какого-то проверяющего из начальства. Жора как-то особенно не уточнял, где это было, в каком порту. Да и не в этом суть. А в том, что Жора привел на катер собаку, дворняжку обычную, подобрал где-то. А на катере военном, сам понимаешь, дисциплина. Какая там собака! Но моряки привыкли к ней, да и капитан не стал решительно возражать. Посмотрел на собаку, помолчал и ушел. Так она и осталась. Хотели кличку дать, да кто ее знает, как ее раньше звали. И Жора не настаивал. Так и звали Собакой. Вроде как имя.

И вот пришел на катер проверяющий, на беду увидел эту Собаку. Ну и, понятное дело, сразу в крик: развели на военном объекте всякую живность! Так вас раз так! Ну не успели опомниться,

как он схватил дворняжку и выбросил за борт! А Жора — за ней! Схватил ее в воде, подплыл к катеру. А там уже моряки помогли подняться им. А проверяющий даже не взглянул, живы ли человек и собака. Развернулся и уехал на машине. Правда, распоряжений своих не повторил. Капитан и оставил всё, как есть.

А потом катер снова вышел в море. Жора не сказал, через какое время это случилось. Может, сразу после случая с Собакой, а может, и нет. Так вот, вышли в море, наскочили на вражеский корабль. Начался бой. И вдруг Собака, испугавшись, хотя ей было не впервой попадать в такой переплет, бросилась в воду. А Жора? Что Жора? Хоть и бой, он за ней в море. Утонет ведь дворняжка. И что ты думаешь? Только успел он отплыть за Собакой, как в катер попал снаряд. Народу полегло на палубе. А Жора с Собакой уцелели.

Тут и немцы ушли на корабле, решили, что катер все равно пойдет ко дну. А наши моряки кое-как починили, что надо, и вернулись на базу. И Жора с Собакой тоже. А ты говоришь, дворняжка! Что потом с этой собакой случилось? Жора не говорил, а мы и не спрашивали. Он такой, если хочет, то скажет. А нет — не лезь к нему.

Ну, вот, как я говорил, Жора стал актером, когда война кончилась. Снимался и в фильмах про моряков. Наверное, мог и сравнить, что и как. Но в подробности не вдавался.

Женился, как водится. Завел со временем и собаку. Не знаю, как звали. Долго она у них жила. Потом от старости померла. Надо похоронить. Схоронил он ее в ближайшем от дома парке. А дальше что-то непонятное. Вернулись помянуть собаку, то ли с соседом, то с приятелем случайным. Выпили, конечно, за помин души...

Ты-то веришь, есть у животного душа?.. Не знаешь?.. Вот и я не знаю.

А Жора, наверное, верил.

Может, тот, который с ним был, что-то ляпнул по пьяни, да кончилось это худо. Жора и так переживал, а тут еще добавилось. Не стерпел — ударил обидчика. Нож на столе лежал. Получилось — насмерть.

Суд был. Дали Жоре срок за убийство по неосторожности, ка-

жется. В общем, непредумышленное. Потому что толком трудно было разобраться. Жора не особенно разговорчив, а тут, говорят, переживал. Человека убил. Да что говорить, друзья пытались заступиться. А то, может, и другое наказание было бы. Хотя, правды ради, говорю, что слышал. А болтали разное. Как же! Артист-то известный!.. Жалко всех.

Что потом?.. Отсидел Жора, вышел. Приглашали его в кино сниматься, наверное. Не знаю. А может, и не звали. Времена-то, сам понимаешь, какие были. Перестройка. Перестроились, значит. Такая, помнится, была после съезда, в пятьдесят шестом. Слышал об этом?..

Да только Жоре от этого не легче было.

А ты говоришь, собачья история.

Собаку-то твою как зовут?.. Прямо, как человека.

Ну, гуляйте, гуляйте. А я еще на лавочке посижу. Что-то к вечеру ноги разболелись. И то сказать, старость...

28 марта 2016 г.

ПЕЧНИК

— Дедушка, нам задали прочитать стихотворение Твардовского «Ленин и печник», — сказал Миша, присаживаясь рядом с дедом, листавшим газету.

— Твардовского? — Макар Трифонович повернулся к внуку. — Того, который про Тёркина написал? На фронте мы читали. Как придет номер газеты с отрывком из поэмы, так сразу читаем, обсуждаем. Особенно запомнилось, как Васька в самолет стрелял из винтовки...

— Да разве попадешь в самолет из винтовки? Самолет высоко летает. Что-то ты, дедушка, путаешь.

— Ничего не путаю, говорю, как читал. Когда самолет низко летит, можно попасть умеючи. Да и вообще все получится, если стараться. Читай, внучек, этот стишок про печника.

— Да там и про Ленина. Владимира Ильича.

— И что же?

— Да вот Маргарита Петровна, учительница наша по литературе, говорит, что надо советскую классику читать по-новому.

— Это как — по-новому? — заинтересовался Макар Трифонович.

— Между строк.

— Как «между строк»? — не понял дедушка.

— Ну вот встретился Ленин, когда жил в Горках, с местным печником, а тот, не зная, кто перед ним, обругал его за то, что он топчет покосы. А когда узнал, что это сам Ленин, «так и сел старик».

— И что?

— Испугался, значит. «Сел» — он и в прямом смысле мог сесть в тюрьму.

— За что? — удивился Макар Трифонович.

— За то, что начальство обругал, самого главного человека в стране.

— А Ленин что же? Что в стихотворении говорится? — спросил дедушка.

— А тут написано: «Хорошо ругаться можешь, — только это и сказал».

— Вот. А ты говоришь — тюрьма.

— Да, это и называется «между строк», — пояснил Миша. — Потому что время прошло, лето, осень, и зима наступила. А печник все тот случай помнит, тревожится. И не зря. Приехали все-таки за ним два военных седока.

— И что же?

— Дедушка, ты не читал, что ли, этого стихотворения? — не терпеливо спросил внук. — В Советском Союзе все по школьной программе его читали, даже наизусть учили. Сейчас хоть не требуют, чтобы выучили. Правда, стих-то легкий, запоминается.

— Внучек, когда я в школе учился-то. До второй мировой войны еще. Всего не упомнишь. Вот про Тёркина помню, даже кое-что могу и рассказать. Но это же на фронте было. Это свое.

— Приехали военные, зашли в избушку, спросили, как зовут старика.

— Понятно, чтоб ошибка не вышла, — поддакнул Макар Трифонович.

— Что они не знают, куда ехали, дедушка? Это же особый отдел. Раз с Лениным. Знали, к кому едут и зачем едут. А печник тоже все понял: «Свесил руки: — Вот он я». Так и написано, «свесил руки», ждет, когда наручники наденут.

— Виноватый, выходит. Ну и насмотрелся ты, Мишутка, фильмов!

— Да при чем тут ругался или нет он с Лениным! Дедушка, это же о репрессиях против крестьян говорится. Иносказательно, между строк.

— И дальше что?

— Старик засуетился, никак в рукав шубы не попадет, а жена сразу ему сказала, что за грубые слова его забирают. Он же ей сразу тогда рассказал, с кем встретился на покосе. Ну и плакать, конечно, старуха стала. Не увидятся. А один из военных приказал ему взять с собой инструмент.

— Какой такой инструмент?

— Дедушка, он же печник! Ящик какой-нибудь с инструментами. Мастерок, совок, веревку. Что там у них еще бывает, у печников.

— Ну, а ты говорил, в тюрьму. Кто ж с инструментом своим туда пойдет? Там, все, что нужно, и дадут. Значит, поработать взяли, — высказал догадку Макар Трофимович.

— Какой ты догадливый, дедушка. Так и есть. Привезли его в Горки, вышел к нему этот лысый человек, которого печник обругал, и попросил помочь. Не греет печка, дымится.

— Значит, хороший мастер, — сказал дедушка, — раз к Ленину привезли.

— А Ленька из нашего класса сказал, что это использование служебного положения.

— Как так?

— А так. Не будет же печник у Ленина деньги просить за свою работу. Рад, что легко отделался. Печку отремонтировал. Домой вернулся.

— Разве нельзя сделать доброе дело человеку? — удивился дедушка.

— А почему Ленин ему не заплатил за работу? Ты об этом подумал, дедушка? Мог бы заплатить. Раз похвалил еще за работу. Вот, слушай: «Хорошо работать можешь, очень хорошо, старик».

— А, может, Владимир Ильич подумал, что обидит этим печника, когда даст ему деньги? — подсказал Макар Трифонович.

— Кого же деньгами можно обидеть, дедушка? — удивился Миша. — Если он их заработал. Печку ведь наладил, а раньше дымилась. И вот Иришка на обсуждении в классе заметила, что раньше таких хороших слов якобы печник ни от кого не слышал, даже чуть не заплакал, зачесались у него глаза, а руки в глине. Выходит, раньше плохо работал? Такого не может быть, раз за ним послали военных. Это что-то автор напутал. Или хотел подчеркнуть, что именно от Ленина эта похвала печнику важна, раз он его тогда обругал. Да вот, слушай, сели они пить чай, про то, про се говорят, а печник все думает, как бы извиниться перед хозяином. «Приступил старик с тревогой к разговору об ином». Видишь, все тревожится,

боится, что в тюрьму или в лагерь попадет.

— Раз чай сели пить, не в тюрьму же садить, — усмехнулся дедушка.

— А печник все равно просит прощения, признает свою ошибку на лугу, — продолжал Миша.

— А Ильич?

— Я тебе прочитаю:

«Только Ленин перебил:

— Вот ты что, — сказал с улыбкой,

Я про то давно забыл...»

— А-а, — протянул довольно Макар Трифонович, — я тебе что говорил?

— А ты бы забыл? — вопросом на вопрос любопытствовал Миша.

— Я-то? Наверное. Потом у Ленина только и дел, что помнить, как его старик обругал. За дело ведь. Не топчи покос, правильно. Ленин-то — городской житель, пошел лугом. Задумался, наверное. Хотя ругаться, конечно, нельзя.

— Дедушка, что же остается тогда между строк? Вот печник чай попил с Лениным, угощение еще доброе было, потом домой засобирался. Оглянулся не спеша еще на трубу, правильно ли идет дым. «Не спеша», значит, уже не боится, что посадят. И пошел пешком. Счастливый и свободный. Хотя, думаю, за такую работу военные могли бы и подбросить его к дому. Он же там садом, полем добирался. И жена ведь не спала, говорит, что душа горит. Боялась, что не вернется старик. А тот еще ей и похвастался, что чай пил с самим Лениным.

— Вот как хорошо кончилось. Помог делом, сделал добро. Вот что между строк, как ты говоришь. Посуди сам. Там Твардовский пишет, как печник работал в Горках? — спросил Макар Трифонович.

— Пишет.

— Дай-ка книжку, Мишук, посмотрю сам, что пишет твой автор, — дедушка взял книжку, пробежал глазами по строчкам, помогая себе пальцем, потом поднял его вверх назидательно. — Вот

сказано: старик, как доктор, голландскую печку обстучал, понял, в чем беда, и принялся за работу. «Кирпичи по струнке ровно. Мастерит легко, любовно, Словно песенку поет...». Так прямо и написано. Вот так и понимай: не ищи то, чего нет, не придумывай.

Жизнь сама тебе придумает, только успевай записывать. Да вот хотя бы про печника тебе расскажу. Про другого. Не из книжки. Из жизни. Давно как-то прочитал я, Миша, в «Красной звезде» одну заметку. Уж не помню, как называлась. Даже вырезал я ее из газеты. Где-то в бумагах моих лежит, желтая стала от старости. Как-никак, это 1963 год. Сколько уж лет прошло с тех пор? Много. То-то и оно, не один десяток лет. Двадцать первый век уже. Конечно, кое-что запамятовал я, но главное все же помню.

— Да что там можно про печника забыть? — удивился внук.

— Не скажи-и, — протянул дедушка. — Жизнь-то у него длинная была.

— И что там интересного? Всю жизнь с печами провозился. А теперь печи такие, может, в деревнях остались, да и то вряд ли. Газ везде и электричество. В общем, пещерный век.

— Пещерный век, — слегка обиделся Макар Трифонович. — Мастер — он всегда мастер. Хоть в какой век. Ну не хочешь — не слушай.

Миша тронул дедушку за рукав:

— Дед, ладно, не обижайся. Рассказывай, может, что и пригодится мне для урока на завтра. Про печника.

Макар Трифонович немного помолчал, вспоминая, наверное.

— Звали его Тихон.

— О, как мужа Катерины из «Грозы» Островского, — восторженно встретился Миша.

— А фамилия у него была то ли Горшков, то ли Гончар, — продолжал Макар Трифонович, не обратив внимания на слова внука. — Попал он на войне в окружение.

— На какой войне? — уточнил внук. — На афганской?

— На какой? Известно, на Отечественной, которая в сорок первом году началась. Так вот, взяли Тихона в плен фрицы. Не только его одного, многих наших солдатиков. Сам знаешь, как война на-

чалась, как не готовы были. Много тогда в плен попало — сотни тысяч наших солдат и офицеров. Удалось Тихону бежать из плена во время конвоирования в лагерь. Не одному, с товарищами, такими же пленными. Осталось их шестеро. Организовали они свою диверсионную группу, к ним еще двое красноармейцев прибилось. Раздобыли с боем оружие, запаслись боеприпасами, подбили как-то автомашину, стали готовить диверсию на железной дороге, да наскочили на немецкий патруль. В живых остался Тихон со своим земляком из Воронежской области, с Ильей Зиминым. Утром встретились в лесу с орловскими партизанами. Раненого Зиминова отправили в ближайшее село, а Гончар остался в отряде. До войны он работал печником, ремесло тут сгодилось: так закладывал фугасы в мосты, что фрицам незаметно было, и взрывались составы с постоянным успехом.

А потом свалил Гончара тиф. Оставили его в одном селе, которое не занято было фрицами, там и Зимин долечивался.

— А что и такие были в тылу врага?

— Да, внучек, и такие были. Бывало, переходили из рук в руки не единожды. Вот в это Пугачево и нагрянули фашисты после одной диверсии партизан. Зимин успел спрятаться, а Гончар — нет. Доставили его в деревню Хитровку, где был немецкий гарнизон, стали допрашивать, пытали, изуродовали обе кисти — разбили прикладами и молотками. Не добившись своего, отвели на расстрел. Вот и запомнил печник этот день — 7 января 1942 года. День своего рождения.

— Что и вправду у него был день рождения тогда? — спросил Миша. — Ничего себе.

— Можно сказать и так, — ответил Макар Трифионович. — Поставили его на краю обрыва, повернули чуть влево, чтобы двоим конвоирам было удобнее стрелять одновременно. Одна пуля попала в голову, вторая — в верхнюю левую часть груди...

— Да, — вздохнул Миша, — насмерть.

— Не скажи-и, — опять протянул дедушка. — Очнулся Тихон ночью, холодно, январь на дворе. Язык, как деревянный, левую половину тела не чувствует совсем. Оказалось, что первая пуля

вошла чуть пониже затылка, ударила по коренным зубам, выбила передние и вышла в рот. Вторая пуля пробила грудь выше сердца. Выбрался еле-еле из оврага, немцы не закопали его, не захотели возиться. Иначе точно смерть. Посуди, Мишук, какие ранения тяжелые, да еще кисти рук разбиты. И ползти-то тяжело. Не помнил, как добрался он до крайнего дома в деревне, дополз до порога, пробовал скрести дверь, да кто услышит. Лег тогда на спину и стал стучать ногами.

— Догадался, — выдохнул внук.

— Догадался, — подтвердил Макар Трифонович. — Услышали его, открыли дверь, втащила какая-то женщина в свою избу. Посмотрел он на стенные часы, а уже полночь: пять часов был на морозе. Понял, что отморозил руки-ноги, не чувствовал их.

Утром повезли его от села к селу, до Пугачева, которое снова стало свободным. По дороге в одном селе посмотрел Гончара один врач, обработал, как мог, раны, предупредил, что нужна ампутация пальцев на руках и ногах, иначе гангрена. А у него инструментов нет, да и немцы контролируют округу.

Спас Гончара Никита Иванович Прошкин, который до войны работал в военкомате, потом во время войны заболел, спасался от фрицев, как мог. Он-то сначала дал наркоз самогоном, а потом обычным кухонным ножом отсек Тихону почерневшие пальцы. Помогали «хирургу» Зимин и сестра Прошкина.

— Прямо-таки «Повесть о настоящем человеке», о Маресьеве-летчике, — сказал Миша. — Только тому, как ты помнишь, дедушка, ноги ампутировали. А он не сдался, научился не только ходить на протезах, но и летать на самолетах в войну. Кажется, таких случаев в мировой практике немного.

— А что ты думаешь? — кивнул головой Макар Трифонович. — И Гончар встал на ноги, тоже научился ходить после операции. И вернулся к партизанам.

— Да как же он без рук воевал?

— Почему без рук? Без пальцев. Приноровился. Он же минером был на войне. Да и товарищи рядом. Короче, однажды в Пугачево снова ночью налетели каратели, взяли врасплох шестерых

партизан, среди них Зимина и Гончара.

— Какая-то заколдованная деревня, дедушка, — пробормотал внук.

— Да никакая не заколдованная. Обычное дело в тылу врага. Кто отбил, кто напал. Повели их железнодорожной насыпью в гестапо. По дороге конвоиры развлекались, ставили над обрывом, фотографировали, как расстреливают пленных, позировали, одним словом. Ну и понятно, один из них полоснул не по верху голов, а понизу. Осталось пленных четверо. В полдень привели их в гестапо, часть из них допросили, потом закрыли в избе до расстрела. Вначале расстреляли пятерых, из тех, кто уже сидел до прибывших. Потом вызвали на допрос Зимина с Гончаром. Они приготовились уже к худшему.

— Дедушка, а говорят, снаряд не падает дважды в одну воронку, — напомнил Миша.

— Много чего говорят, Мишук, — отмахнулся Макар Трифонович. — Повезло им в этот раз, Зимину и Гончару. Староста из Пугачева, видно, был связан с партизанами, признал в пленных своих односельчан. А тут еще и Тихон сказал, что не служил в Красной Армии, заболел тогда тифом, затем на лесозаготовках обморозился, так что лишился пальцев на руках и ногах. Какой из него вояка? Поверили фрицы, отпустили их.

Стали они в селе своими людьми, напарниками по печному ремеслу. Вначале Тихон показывал, а Зимин клал печи, ремонтировал, чистил дымоходы, так и жили.

А тут фронт стал приближаться. Вернулся, наконец, Гончар на родину. А тогда проверяли всех, кто был под немцем, не сотрудничал ли, не изменник ли. И Тихону тоже выразили недоверие в райвоенкомате. Обидело его это, сам понимаешь, Мишук. Запил. Может, так и пропал человек. Да один бывший двадцатипятилетний...

— А, это те, которые коллективизацию в деревне проводили, — вспомнил внук. — Ленинский призыв, так сказать.

— Вот этот Андрей Иванович и помог Тихону, стали они вместе работать, как когда-то с Зиминим. Не все получалось, понима-

ешь, сразу. И кирпичи из рук падали на ноги, лопаточка не держалась, молоток скользил. И печки получались не сразу. Но ведь под лежачий камень вода не течет, поговорку знаешь. Сложили они не одну печь с Андреем Ивановичем.

А спустя много лет приехала к Гончару неожиданная гостья, дочка сестры Никиты Ивановича Прошкина. Угнали ее вместе с матерью в Германию. Выросла уже, конечно, не сравнить. Раньше ее Тихон на коленях нянчил, а теперь...

— В общем, телепередача «Жди меня», — сказал Миша.

— «Жди меня, и я вернусь...». Это Симонов написал, знаешь?

— Знаю, четырнадцать раз «Жди меня» на тридцать шесть строк.

— Да хоть все тридцать шесть «Жди меня», — укорил Мишу дед. — Не понять вам, молодым...

— Не сердись, дед. Каждому свое. У вас свои войны и воспоминания, у других свои войны и воспоминания. Но я согласен, твой печник — супер. А что, дедушка, была у Гончара семья? Ничего об этом не сказал. Женился он? Дети?

— Ничего в газетной заметке об этом не написано. Не могу сказать.

— Ну и память у тебя, дед. Сколько десятков лет назад прочитал историю, а рассказал, как вчера услышал. Болезнь Альцгеймера тебе не грозит.

— Дай бог. Еще Александр Сергеевич писал...

— Это который?

— Пушкин. «Не дай мне бог сойти с ума...»

— Не дал же.

— Не дал, — подтвердил Макар Трифонович. — Вот тебе, Мишук, смысл и в строках и между строк, по-новому и по-старому, как хочешь. Печник раньше был главным человеком на селе. Нет печки — нет жизни. Печка тебе на все случаи жизни: и накормит, и напоит, и спать уложит, и вылечит от всякой хвори. Как-нибудь поедем в дальнюю деревню, к знакомому печнику, я с ним тебя познакомлю, печь настоящую помотришь.

— Не с Гончаром ли?

— Нет, другой печник. Но не хуже Гончара, я тебе ручаюсь.
Ладно, иди спать.

Я все-таки свою газету дочитаю, Мишук...

28 марта 2016 г.

ЗНАМЯ

Дедушка стоял перед очередной стеклянной витриной в музее истории Великой Отечественной войны и пристально смотрел на какую-то вещь, над чем-то задумавшись.

Десятилетний внук нетерпеливо потянул его за рукав. Дедушка не обернулся. Тогда мальчик позвал его:

— Дедушка, пойдем дальше. Это мы уже посмотрели.

Тут только дедушка спохватился:

— Подожди, внучек. Знаешь, что это такое?

Он показал на красное знамя, в развороте прикрепленное к стенду.

— Знаю, знамя, — ответил мальчик. — Мы их уже видели в соседних залах.

— Это не простые знамена, а боевые, — объяснил ветеран войны. — За каждым из них своя славная история, раз они в музее находятся. За них люди жизнь свою отдавали, кровь проливали, но врагу не отдали. Потеря знамени — позор и бесчестье для войска. Присягу принимали перед знаменем.

— Да, слышал, — спокойно отозвался внук.

— Слышал, да не понял, — почему-то недовольно сказал дедушка. — Что ты видишь на этом знамени?

— Слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», герб Советского Союза, звезду с серпом и молотом, номер полка.

— Но ты не знаешь, как это знамя появилось в музее. А спасли его твой прадедушка Петр Матвеевич и его сестра Евдокия Матвеевна. И наградили их за это боевыми орденами. Правда, ты с ними не знаком, они уже в лучшем из миров.

— Они тоже воевали, как ты, дедушка? — удивился внук.

— Нет, не воевали, как я. Хотя как посмотреть... Пойдем-ка, Алесь, домой, я тебе по дороге расскажу, как это было, а потом кое-что и покажу.

В это время в зал вошла очередная группа с экскурсоводом. Экскурсовод начала свой обзор, подошла и к витрине, возле которой стояли дедушка с внуком. Они потеснились, уступая место.

— А это вы видите знамя 84-го артиллерийского полка, которое было вынесено из окружения под городом Шауляй в июне 1941 года лейтенантом Романом Петровичем Месником с группой бойцов. Затем оно было спрятано в родной деревне лейтенанта, а после освобождения Беларуси передано в Лепельский районный комитет коммунистической партии его отцом и тетей.

— А сам лейтенант погиб? — спросил кто-то из слушателей.

— Роман Петрович прошел всю войну, брал Берлин, награжден орденами и медалями. Через 39 лет увидел это знамя в нашем музее. В нашем фонде есть автобиография и воспоминания ветерана войны. Пройдемте в следующий зал.

Дедушка и внук посторонились, пропуская группу.

— Дедушка, так это ты сам знамя спас? — удивился мальчик, когда пошли к выходу.

— Не обошлось, как слышал, и без меня, — согласился тот.

— А что же ты промолчал? Надо было сказать, вот я рядом. Почему тебя экскурсовод не узнала?

— Не хотел ее перебивать. Она же на работе. Да и молодая, всех не упомнишь, о ком говоришь, — объяснил старик.

— Зря, дедушка. Людям было бы интересно посмотреть на тебя, — заметил внук.

Подожли к остановке, сели в трамвай, мальчик, как всегда, у окна.

— А что, дедушка, всегда под знаменами люди воевали? — поинтересовался внук.

— Всегда не всегда, а у нас со времен древних славян. Сначала были шесты со знаком наверху, например, птицы какой-нибудь: орла, там, или совы. Они указывали на место сбора войска, на командный пункт, а во время боя использовались как сигнал. И называли их вначале стягом. Потом уже так не дrevко именовали, а само полотнище на нем.

— Как это стяг стал знаменем?

— От слова «знамение», то есть знаменовать, означать. Раньше на стягах был лик Христа, молились на стяги, как на иконы. Вот в старинных рукописях знаменем назвали стяг Дмитрия Донского,

когда он на Куликовом поле разбил монголо-татар. Было это давно, в 1380 году. Так это знамя сохранилось до нашего времени, представь себе. А вообще несколько веков еще по-разному называли — то стяг, то знамя, а суть одна: береги знамя пуще ока своего.

— Пуще чего?

— Пуще глаза своего, значит. Еще в присяге во времена Петра Первого говорилось, что тот, кто знамя свое не сберегает, тот недостойн называться солдатом. За его утерю полагалось самое тяжелое наказание. Поэтому одна из первых почетных наград уже в Красной армии — орден Красного знамени.

— У тебя есть такой орден, дедушка, раз ты знамя спас? — спросил Алесь.

— У меня другие — орден Красной звезды и орден Отечественной войны 2-й степени, — уточнил дедушка.

— Покажешь, дедушка, когда приедем домой, — попросил внук.

— Покажу, Алесь. Давай выйдем с тобой, пройдемся немного.

Они вышли из трамвая и пошли не спеша к дому. Погода была весенняя, начало мая. Дедушка оглядел знакомую улицу, невысокие дома, деревья, на которых уже появилась зеленая листва.

— А эти дома строили немцы, военнопленные, — показал он, — поэтому у центра нашего города такой вид.

— Мне больше высоченные дома нравятся. Есть в Минске и такие.

— Да, а в войну город в руинах лежал, — сказал дедушка.

Зашли в свой подъезд, поднялись на третий этаж, позвонили в дверь.

Бабушка засуетилась:

— Обед еще не готов. Все на работе. Что-то вы рано управились...

Дедушка прошел в свою комнату, сказав по дороге:

— Устал немного. Не хлопочи, Алена. Мы с Алесем кое-что посмотрим пока.

Она успокоилась, скрылась на кухне, загремела кастрюлями.

Старик взял из шкафа небольшую бумажную папку с тесемками, сел за стол, открыл папку, вынул бумаги.

— Сядь рядышком, Алесь. Вот написал кое-что по памяти, как это было. Но сначала прочитаю тебе один документ. Это из Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Боевое Знамя всегда находится со своей частью, а на поле боя — в районе боевых действий части. Весь личный состав части обязан самоотверженно и мужественно защищать Боевое Знамя в бою и не допустить захвата его противником. При утрате Боевого Знамени командир части и военнослужащие, непосредственно виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а воинская часть — расформированию».

— Даже так? — удивился внук.

— А как же, — подтвердил дедушка. — У меня долгая история получилась. До войны работал я мастером-строителем, да и после войны тоже. В 1937 году призвали меня в армию. Она тогда называлась Рабоче-крестьянская Красная армия. В 1939 году окончил школу младшего командирского состава, присвоили мне звание техника-интенданта 2-го ранга.

— Это ты техникой, дедушка, занимался, что ли? А по-современному это какое звание?

— Лейтенант. Работал я начальником секретной части в своем полку.

— Вот это да! — восхитился Алесь. — Так ты секреты охранял? От шпионов?

— И от шпионов тоже, — согласился дедушка. — Когда двадцать второго июня сорок первого года началась война с фашистской Германией, мы находились в районе одного литовского города. Шауляй называется. Ты слышал, экскурсовод в музее говорила об этом. Воевали до 29 июня, пока не попали в окружение. У нас уже не было боеприпасов, да и продовольствие кончилось. Командир полка приказал уничтожить оставшиеся орудия, технику, выходить отдельными группами из окружения. А мне лично надо было по приказу тоже кое-что уничтожить: личные дела состава полка, секретную переписку, некоторые документы, чтобы это не попало к врагу. Но главное — вынести воинское знамя.

— Как же ты один это смог?

— Да нет, внучек, не один, конечно. Были со мной штабные работники и бойцы. Уложил я знамя и печати в полевую сумку, обернул оставшиеся документы в брезент, и пошли мы в направлении реки Неман. Она там тоже течет. Надо признаться, я плохо плавал, а переправляться надо было. На чём? Придумали вот что: сняли баллон со штабной разбитой машины, принесли к реке и начали переправляться на другой берег.

— И вас никто не заметил? — обеспокоенно спросил Алесь.

— Заметили. Попали под огонь пехоты. Да еще все время немецкие самолеты бомбили с воздуха, не подпускали наших к реке. После засады осталось из моей группы четверо. Шли в основном ночью, везде были немцы, местного языка мы не знали, карты не было. Посуди сам, каково пришлось нам. Боялись, что местные жители выдадут нас, поэтому в деревни не заходили, было опасно. Питались, чем попало. Одним словом, «чужбина не родная матка: хлеба не дасць». Ели рожь, сырую бульбу.

— Почему сырую? — удивился мальчик.

— Костер нельзя было разводить, могли увидеть. Так и шли около пяти или семи дней. А однажды утром проснулся, никого нет. Остальные сбежали.

— Куда?

— Кто его знает куда. Может, к немцам, может, к литовцам, может, сами решили без меня идти. Струсили. Со мною ведь опасно было: если знамя найдут, всех расстреляют или повесят. А так, может, спасутся. Бог им судья. Не знаю, что с ними стало. Мне тоже надо было решать, что делать. В одиночку и легче, и труднее. Но это если без знамени. Я же за него отвечал.

— Да, дедушка, задача трудная, — согласился внук. — И до чего же ты додумался тогда?

— А как у нас в народе говорят? «У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць». То есть в своем доме и стены помогают. Что и говорить: «Родная зямля — маці, чужая старонка — мачаха».

— Так ты к своей маме шел? — высказал догадку Алесь.

— Мама моя до войны умерла еще. Отец был жив, тетка. Пого-

ди, вот посмотри. Я тебе сейчас покажу родню.

Дедушка достал из папки почтовые конверты, вынул оттуда две пожелтевшие фотографии с надорванными краями:

— Это твой прадедушка Петр Матвеевич, а это его сестра Евдокия Матвеевна.

— Похожи, — сказал Алесь, внимательно разглядывая незнакомые прежде лица.

— Родня, как же, — согласился дедушка. — Так решил я идти к родным. Жили они в разных деревнях, тетка ближе. Сначала к ней отправился. Дошел-таки 27 июля. «У сваім краю, як у раю», — правильная поговорка наша. Хотя в деревне и были немцы. Ночью пробрался к теткиной хате, стукнул в окошко. Дала она мне одежду, надел я ее поверх своего обмундирования и пошел за знаменем в лес. Я там полевую сумку припрятал на всякий случай. Принес знамя, переложили его мы с теткой в корзину, прикрыли травой, подождали до ночи, потом пошли в отцовскую деревню, через речку на лодке переправились, а тетка домой вернулась. Лесом добрался до деревни, ночью так же к своей хате прокрался. Стали с отцом думать, куда спрятать важный груз. Отец достал из погреба большую стеклянную бутылку, мы отбили ей горло, свернули знамя, засунули его аккуратно туда с тремя печатями, потом пробкой закрыли. Секретный формуляр полка завернули в клеенку, чтобы не подмок. И все это на сеновале, где выкопали яму, спрятали, навалив сверху сено с навозом для надежности. Там, в сарае, и я спрятался. Да донёс все-таки кто-то: пришли эти фашисты, стали отца допрашивать, где сын, всё в хате перевернули, сарай обыскали, сено вилами пропороли.

— Ой, а как же ты, дедушка, спасся? — вскрикнул взволнованно Алесь, хотя тот сидел рядом с ним, живой, невредимый.

— Бог, видно, уберег. Правда, один раз царапнули вилами: задела плечо, но не сильно, вытерпел. Отец потом перевязал, полечил, поэтому двое суток еще побыл дома, пока не зажило. Отца попросил сохранить знамя и отдать нашим, если они придут и освободят до моего возвращения.

— Так он и сделал!

— Да не один, с сестрою. Под немцами же три года были, оккупация. Это подвиг твоей родни.

— Дедушка, а что с тобой потом было? Если ты до Берлина дошел.

Алесь потрогал медаль «За взятие Берлина», ордена: дедушка вынул из ящика стола коробочки, раскрыл их одну за другой. Мальчик, внимательно разглядывая награды, приложил поочередно их к дедушкиному пиджаку.

— Далеко до Берлина было, Алесь, — вздохнул дедушка. — Сначала я до линии фронта дошел, тоже ночью, не заходя никуда. Должен был доложить, что выполнил приказ, знамя спрятано в надежном месте. Должен был встать в строй, ведь до победы еще сколько надо было пройти с боями. Вышел из окружения в районе станции Ханино, воевал вместе с частями Красной Армии. А 13 ноября того же года был тяжело ранен, лечился семь месяцев в московском госпитале. Потом снова фронт.

— Досталось же тебе, дедушка, — сочувственно вздохнул внук. — Что же ты раньше мне об этом не рассказывал?

— Раньше ты был маленьким... Досталось всем. Недаром война Отечественная называется. Всем миром навалились, а врагу свою землю не отдали. Как и знамена свои.

— Девятого мая снова наденешь свои награды, дедушка? — не то спросил, не то утвердительно отозвался Алесь.

— Это же святой праздник, конечно, надену.

— Может, и в школу к нам придешь, дедушка? Расскажешь, как воевал, — предложил внук, раскладывая награды по коробочкам.

— Вон у тебя сколько наград!

— Позовете — приду, — сказал дедушка, вернув коробочки в ящик стола. — А главная моя награда — это то, что войны больше нет. Да, пожалуй, и боевое знамя нашего полка, которое ты видел сегодня в музее.

Бабушка отворила дверь и спросила:

— О чем вы это тут секретничаете? Не пора ли обедать?

Дедушка с внуком переглянулись.

— Да, бабушка, оказывается, наш дедушка умеет беречь секреты, — сказал Алесь. — Но мне он свои секреты рассказал, теперь уже можно: я же большой, всё понимаю...

23–24 февраля 2017 г.

Минск — Москва — Элиста.

ИЗ ЦИКЛА «КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ»

ОСКОЛОК ИЗ БЕСЛАНА

Десятилетний мальчик посмотрел на московского врача, вошедшего в палату, терпеливо ответил на его вопросы, а потом заинтересовался:

— А вы Вакулев?

Врач удивился:

— Почему Вакулев?

— Научный центр же имени Вакулева. Значит, вы Вакулев, — с детской непосредственностью заключил маленький пациент.

— Нет, я не Вакулев, а Бокерин. И я буду тебя оперировать завтра. Все будет хорошо.

Мальчик понимающе кивнул, взгляд его черных глаз был долгим.

...Бокерин в который раз внимательно всматривался в рентгеновский снимок детского сердца, где были видны очертания осколка. Как мог ребенок уцелеть после такого ранения не совсем было ясно. Разве что осколок, вошедший в сердце, был настолько горячим, что запек кровь по краям раны.

Во время операции Бокерин на мгновение замер, осмотрев сердце, — осколка не было. Куда он мог деться? Кардиохирург поднял сердце, капиллярные мышцы его разжались и — выпал осколок. 18 мм. Огромный для детского сердца!

Когда после реанимации мальчика перевели в палату, Бокерин положил ему на ладонь осколок.

Ребенок пощупал шершавые края того, что могло убить его там, в Беслане, в начале сентября, когда ему удалось сбежать во время взрывов из школьного спортивного зала от вооруженных террористов, державших в заложниках взрослых и детей.

Он помнил, как три дня очень хотелось пить, а воды не было, как ел лепестки разноцветных роз из букетов, принесенных на школьную линейку. Лепестки были вялыми и невкусными, а шипы кололи пальцы. Несмотря на страх, хотелось спать.

Когда первый взрыв прогремел, террористы закричали: «Вставайте!», а ему очень хотелось спать, и он уснул. Короткий сон, после которого продолжился кошмар.

На третий день, после очередных взрывов, мальчику удалось сбежать из плена. С осколком в маленьком сердце.

— Ты родился, как говорится, в рубашке, Бек, — сказал Боке-рин, забирая осколок, чтобы сохранить для музея Научного центра сердечно-сосудистой хирургии. Такой экспонат еще одной судьбы.

— Как это — родился в рубашке?

— Это значит, что ты счастливый. Десятого сентября — теперь второй день рождения у тебя. Будешь жить долго. А кем ты хочешь стать?

Мальчик, не задумываясь, ответил:

— Милиционером, как мой отец.

...После окончания медицинского института во Владикавказе Бек вновь встретился со своим спасителем в ординатуре Научного центра, где захотел продолжить обучение.

И тот его поддержал.

— Кардиохирург — трудная профессия, — сказал ему Боке-рин. — Но, если ты решил, советую поступать и в аспирантуру.

24 января 2021 г.

СТАКАН ПРОСА

Он возвращался из Германии после операции на сердце.

Сам кардиохирург, он понимал, что операция прошла успешно: немецкие врачи сделали все, что могли, и даже больше, учитывая возраст пациента, которому было 84 года.

Пропагандируя здоровый образ жизни и продление старости, теперь хирург задумывался: а надо ли вообще продлевать старость, с которой связаны хронические болезни и немощи, зависимость от близких или чужих людей, беспомощность в самообслуживании. Надо ли рассчитывать на несколько лишних лет?

Правда, он был еще практикующим врачом, вставал за операционный стол, спасая жизни своих пациентов.

Его определили в южный санаторий для восстановления здоровья, поместили в отдельную палату, спросили, что ему нужно. Хирург попросил два стакана: один пустой, другой с просом.

Несколько коллег, сопровождавших его в санаторий, удивились необычной просьбе, но постеснялись спросить, зачем это нужно.

Тем не менее любопытство одержало верх над воспитанностью.

Двое подглядели, как Николай Михайлович поставил пустой стакан на подоконник, а стакан, наполненный просом, на прикроватную тумбу.

— Зачем? — шепотом спросил молодой ординатор у анестезиолога. — Что за магия такая?

Анестезиолог приложил палец к губам.

Они увидели, как Николай Михайлович, полежав в постели, поднялся, наклонился над стаканом и взял оттуда зернышко. Потом медленно отправился к окну, до которого было метра два, и опустил зернышко в пустой стакан. Эти манипуляции он проделал несколько раз, после чего прилег отдохнуть. Затем все повторилось в той же последовательности неоднократно.

Так продолжалось несколько дней, неделю, вторую.

И молодые коллеги заметили, как опустошался один стакан и наполнялся зернами другой.

При встречах с Николаем Михайловичем молодые коллеги делали вид, что ничего не знают о его упражнениях со стаканами.

А Николай Михайлович чувствовал себя все лучше и лучше, попросил письменные принадлежности, что-то записывал.

Может, начал писать новую книгу о здоровом образе жизни. Или о том, как продлить старость без обузы?..

Наконец, молодой ординатор не выдержал и спросил, когда зашел проведать своего учителя:

— Николай Михайлович, можно спросить, зачем вам нужны эти стаканы?

— Чтобы восстановиться, надо больше двигаться, — ответил наставник. — Движение — это жизнь, как известно. А чтобы придать смысл движению, придумал маршрут. Теперь все просо по зернышку перекачивало в другой стакан.

23 января 2021 г.

ВЕЩИЙ СОН

В начале сентября Рита, подходя к платформе электрички в Старом Петергофе, увидела толпу зевак. Оказалось, что электричка сбила студента-первокурсника. Его перенесли в сторону, под платформу, ожидая неотложку и милицию. На русоволосом студенте была джинсовая голубая пара, рядом лежал рюкзачок. Видимо, он торопился на станцию «Университет».

Наслушавшись историй о таких печальных событиях, а теперь увидев студента, Рита в эту ночь не могла заснуть. Поделившись перед сном с соседкой по общежитию своими опасениями, заснула только под утро.

И приснился ей забавный и странный сон.

Как будто торопилась она на занятия в университет, переходила железнодорожные пути: один поезд шел из Ленинграда, другой — из Ораниенбаума. Оба были еще далеко, поэтому Рита была уверена, что успеет перейти.

Но неожиданно увидела, что не получится: поезда приближались, а у нее от страха не двигались ноги ни в одну сторону — ни назад, ни вперед. Только гудели поезда, предупреждая об опасности, и горели верхние лампы-фары.

И вдруг один из них сошел с пути, объехал Риту, вернулся на рельсы и продолжил свой путь.

А другой поезд пролетел со свистом мимо, обдав горячим воздухом.

— Как паровозик из Ромашкова, — пробормотала утром Рита, вспоминая сновидение и детский мультфильм.

Когда она, приехав в столицу на ноябрьские праздники, встретила с родителями в гостинице «Москва», рассказала маме о своем сне. Та успокоила дочь, объяснив ее переживания сентябрьским происшествием.

Занятия на Васильевском острове продолжались.

Рита постепенно забыла о своих страхах, пока накануне 8 мар-

та не поехала в университет. Как всегда, торопилась.

Снег еще полностью не сошел, гололедица, ветрено.

Последний вагон, как всегда, был весьма кстати. Опаздывающие торопились зайти друг за другом. Рита была последней. Она вдруг поскользнулась и стала сползать между платформой и вагоном, тяжелая искусственная шуба колоколом встала над пропастью, а руки пассажиров потянулись к падающей девушке.

Когда Рита зашла в вагон и села на свободную скамью, сразу не могла прийти в себя.

На Балтийском вокзале она сказала себе: «Паровозик из Ромашкова».

В аудитории Рита что-то невнятно бормотала по-английски. Преподавательница удивилась, пришлось объяснить, что случилось, почему никак не дается перевод газетного текста.

— Просто Епиходов в юбке, — сказала преподавательница не то сочувственно, не то снисходительно. — Не двадцать два несчастья, а даже больше.

«Здесь не Чехов, — подумала Рита. — А паровозик из Ромашкова. Вещий сон».

5 января 2021 г.

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Стоит ли оглядываться назад?

В прошлое?

Или жить, как предлагает западный философ, здесь и сейчас?

Как, наверное, живет молодежь во все времена.

...Когда Она улетала в Ленинград из Тбилиси, не подозревала, что видит Его в последний раз.

Как все, Она не любила долгие проводы, когда вроде все уже сказано, а посадка на рейс еще не объявлена.

Он вновь попросил Ее позвонить Ему, когда Она долетит. Она повторила, что обязательно сообщит, как приземлится.

В летнем аэропорту было жарко, многолюдно, объявлялись рейсы, сквозь широкие окна были видны самолеты, взлетающие и приземляющиеся.

Наконец, объявили посадку на Ее рейс.

Они спешно поцеловались на прощание.

И Она пошла к самолету. Она не оборачивалась, хотя чувствовала, что Он смотрит ей вслед. Она никогда не оглядывалась, потому что была близорука, но не носила очки. Издали видела плохо, но не щурилась, пытаясь разглядеть, а подходила ближе. Так уже привыкла к офтальмологическим неудобствам.

Он тоже знал, что Она не пользовалась очками, но не придавал этому никакого значения, как всякий человек, не имеющий проблем со зрением.

В полете Она глядела в иллюминатор на облака, крыло самолета, вспоминала, как провела неделю с Ним в грузинской столице, где была впервые. Они поднимались на фуникулере к Мтацминда — Святой горе, посетили там Пантеон, гуляли по берегу Куры и городским улицам. Дома пили вино, готовили лобио и хачапури, общались с Его матерью и сестрой.

Не вспоминали о Его жене, маленькой дочке и овчарке, оставшихся в Ленинграде в аспирантском общежитии.

Строили планы на совместную жизнь, несмотря на кратковре-

менное общение, разницу в социальном статусе: после армии он устроился работать в милицию, о высшем образовании не думал — надо было кормить семью.

Она же стажировалась в университете, готовилась поступать в аспирантуру.

Приехав в общежитие, Она пошла звонить на телеграф.

К телефону домашние Его не подзвали ни в этот раз, ни в другой. На вопросы, где Он, отвечали уклончиво.

Так прошла долгая неделя.

Она не понимала, что произошло.

Наконец, Он взял трубку. И сразу сказал, что Она может Ему больше не звонить.

А на вопрос, почему, что случилось, коротко ответил:

— Ты не обернулась в аэропорту, когда шла к самолету.

— И что же? — недоумевала Она.

— Я загадал: если обернешься — женимся, если нет — расстанемся.

— Ты же знаешь, я никогда не оглядываюсь, — объяснилась Она. — Все равно ничего не вижу. Я близорука...

В телефонной трубке раздались быстрые гудки...

6 января 2021 г.

2+2=4

— Бабушка, а ты пользовалась шпаргалками? — поинтересовалась внучка, делая упражнения из учебника по русскому языку.

Бабушка оторвалась от рукоделия, сняла очки и с любопытством взглянула на внучку:

— Где? В школе? Или в университете?

— Ты и в универе шпаргалила? — изумилась девочка.

— Как в школе освоила эту вспомогательную дисциплину, — засмеялась бабушка, — так в университете продолжила совершенствоваться. У нас своя система была, карусель называлась. Со своими подружками делили билеты поровну на всех, готовили шпаргалки на листах, закладывали их в «фартук» — сумку на молнии и с завязками на талии, поэтому надевали юбки и платья пошире, чтобы не видно было вспомогательного средства. Заходили своей компанией, брали билет, передавали, какой номер: знали, у кого какие ответы, запрашивали и получали нужную шпаргалку.

— Это же нечестно, — удивилась внучка.

— Почему нечестно? — удивилась в свою очередь бабушка. — Ты не представляешь, Даша, сколько подготовительной работы: найти материал, кратко изложить его на бумаге, да еще разборчиво, а потом переписать в экзаменационный лист. Ответ письменный же надо сдать экзаменатору.

— А если нужного билета не было, тогда что делали? — поинтересовалась Даша, отложив в сторону учебник.

— Это завал, если не вспомнишь то, что знаешь сама.

— А если не вспомнишь? — не унималась внучка.

— Да, был у меня такой случай забавный, — сказала бабушка. — По русской литературе сдавала экзамен. А нужной шпаргалки не оказалось, кто-то из нас не успел подготовить, бывает иногда такое. Преподаватель строгий был. Правда, фамилия у него смешная — Скакун.

Все, думаю, пропала сессия у отличницы. Воду лила по первому вопросу, по второму вопросу.

А он смотрит и молчит. Потом спрашивает: «Это все?».

Я говорю: «Если надо, могу еще что-нибудь рассказать. Я все выучила. Только спросите, Владимир Сергеевич. Это последний экзамен, остальные сдала на отлично».

А он говорит: «Значит, к моему экзамену не успела подготовиться. По первому вопросу ставлю двойку, по второму вопросу — тоже двойку. И что, Светлана, в итоге?».

А я притворилась, что не понимаю, и сказала: «Четыре».

У него даже очки подпрыгнули на переносице: «Как это четыре?».

Я ему в ответ: «Два плюс два равняется четырем. Значит, оценка “хорошо”».

Владимир Сергеевич занервничал: «Ну и настырная ты, Света Белобаба. Ладно, в зачетку ставлю “хорошо” за находчивость».

Вот такая, Даша, арифметика у отличницы.

— Да, бабушка, вспомогательные средства у вас были допотопные. Прошлый век, понятно, — сказала с иронией внучка. — А вообще могла бы преподу сказать: два плюс два равняется пяти. И получила бы пятерку на экзамене, а?..

8 января 2021 г.

ИЗ ЦИКЛА «ПРИТЧИ»

ЗМЕЯ И СТЕНА

Змея притаилась у стены.

Стена не двигалась. Значит, не опасна.

Змея прикоснулась к стене: бетон.

Кто знает, где стена кончается?

Змея стала думать, в какую сторону направиться.

— В левую, — сказала голова.

— В правую, — предложил хвост.

— Обоснуй, — парировала голова.

— И так понятно, тут путь короче. Туда и ползем.

— Ничего не понятно, — голова высунула жало. — Как ужалю, если не будешь слушаться меня.

Хвост дернулся, приподнял свой кончик:

— А я как ударю тебе по голове — мало не покажется!

— Попробуй достань! — ехидно вскрикнула голова. — Мозгов не хватит.

— А то у тебя их хватает! — завопил обиженный хвост, зная, что мозги, в самом деле, достались голове. — Может, еще стену переползем? Еще придумаешь!

— Надо — переползу, тебя не спрошу, — зашипела голова.

— Спроси, спроси, — буркнул хвост.

Змеинная голова качалась из стороны в сторону, как бы гипнотизируя хвост перед укусом. Хвост стал подтягивать туловище к себе, провоцируя голову. Голова отпрянула, сопротивляясь чужому напору.

— Ты же не ядовитая, ха-ха! — засмеялся хвост. — Чем отравишь?

Змея в ярости замотала головой, хвост подпрыгнул. Они в истерике дернулись в разные стороны и оторвались от туловища.

— Ползи теперь налево, — прошептал хвост, — добилась своего.

— А ты ползи направо, безмозглый, — не сдалась голова.

Туловище послушало их перепалку, посмотрело, как голова и хвост остались лежать в траве, вздохнуло: теперь ползти некуда — ни направо, ни налево...

17 сентября 2020 г.

СТАКАН С ВОДОЙ

Стакан стоял на столе.

Хотелось пить.

Но питья никто не предлагал.

«Куда хозяин делся? — озаботилась вещь. — Из дому ушел?»

Стакан покосился на посуду, примостившуюся рядом. Пустая тарелка с ложкой, пустая чашка с блюдцем, хлебница без хлеба.

«Да, это надолго, — подумал стакан. — Это диагноз».

Хлопнула дверь. На кухню прошел хозяин. С пустой авоськой.

«Так я и думал, — опечалился стакан. — Питья не будет».

Хозяин схватил стакан, понес к раковине.

«Мыть что ли? — удивился стакан. — А зачем? Я-то пустой, как верблюжий горб в пустыне. Что за мания чистоты? Гигиена здоровья?»

В стакан полилась водопроводная вода из-под крана.

«Наконец-то! — обрадовался стакан. — Нахлебаюсь вволю!»

Внезапно кран перекрыли, вода перестала поступать в стакан.

«Ты что? — возмутился стакан. — Я же не полон. Давай еще лей воду».

Но хозяин вернулся к столу, поставил стакан и стал смотреть на него.

«Чего это он уставился? — недоумевал стакан. — Как будто первый раз видит. Сколько налито в меня, сколько выпито из меня. Я уже и счет потерял».

Человек за столом не двигался, даже не прикасался к стакану. Сидел, подперев щеку рукой, как будто у него зуб болел, и молчал.

«Что он хочет? — забеспокоился стакан. — Заболел, что ли? Даже пить неудобно в одиночку, когда кто-то на тебя так смотрит. А жажда мучит. Со вчерашнего дня ни капли на дне».

Стакан чуть подвинулся, чтобы привлечь внимание человека.

— Полтергейст завелся, — обреченно вздохнул хозяин. — Тебя еще не хватало ко всему прочему.

Стакан насторожился. Что бы это значило? Он еще раз подвинулся, вода чуть всколыхнулась.

— Чего бегашь? — проворчала вода, слышная только посуде.

— Да вот не пойму, что он хочет. Ты не знаешь?

— Откуда?

— Ты же все знаешь, — настаивал стакан. — Вот скажи мне, что за напасть.

Человек провел пальцем снаружи по стакану, как бы прочертив линию воды, заполнившей емкость наполовину.

— Стакан наполовину полон или наполовину пуст? — спросил сам себя хозяин. — Загадка жизни...

— Слышишь его? — спросил стакан у воды.

— Слышала эту загадку неоднократно, — сказала вода, даже не шелохнувшись. — Ничего нового. Сейчас спросит: «Ну и кто мне стакан воды подаст, когда надо? Может, мне и пить не захочется».

— Ну и кто мне стакан воды подаст, когда надо? Может, мне и пить не захочется, — сказал человек.

— Что это они все в этот стакан воды вцепились? — проворчал стакан. — Буря в стакане воды.

17 сентября 2020 г.

ЧЕРЕПАХА И СТЕНА

Черепаша ползла-ползла и наткнулась на стену.

Черепаша подняла голову и осмотрелась: стена была высокая и длинная, без каких-либо дыр, куда можно было пролезть и выйти на другую сторону.

«Не иначе дело рук человека, — философски подумало животное. — Любит создавать преграды кому бы то ни было на пустом месте».

«В том числе и себе», — справедливости ради заметила черепаха.

«Что делать? — вот в чем вопрос», — перефразировала она любимых писателей, один из которых предлагал дело делать, а другой задавать риторические вопросы, от каких жить расхочется.

«Мы пойдем другим путем, как говаривал великий человек, — вспомнила черепаха. — Пошли и не вернулись. Вернее, пошли и вернулись к исходному месту. А впрочем, места уже не было».

Черепаша поползла направо и остановилась.

«А чего это вдруг вправо? — подумала она. — Потому что дело правое?».

И черепаха повернула налево, поползла и снова остановилась.

«А чего это вдруг налево? — задумалась она. — Я же не левша. Вообще-то и не правша, наверное».

Животное ткнулось мягкой головой в твердую поверхность стены.

«Ого! Твердая-то какая! Не прошибешь своей головой. А чужой и нет».

Черепаша оглянулась по сторонам, вытянув осторожно шею из-под панциря.

Никого действительно вокруг не было.

«Вот так и живи со стеной, — вздохнула черепаха. — Без стены куда как лучше. Ползи, куда хочешь и сколько хочешь, пока не устанешь. Надо, думаю, подождать. Вдруг стена разрушится или ее разрушат. Вдруг дыра образуется, тогда и пролезу. Вдруг кто-то стену отодвинет зачем-то в сторону. Мало ли что случится за это».

время. Только египетские пирамиды стоят тысячелетия, о них мне предки предков рассказывали. Те еще стены! А эта что, тки — и развалится».

Черепаша затихла у стены, всхлипнула на всякий случай: жалко себя стало.

Вскоре она заснула.

Ей снилось, что стены больше нет.

«То-то же, — удовлетворенно сказала черепаха себе во сне. — Выдумают себе преграды на голом месте».

17 сентября 2020 г.

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ СТЕПНОГО ВЕТРА»

ЧЕРТОПОЛОХ

Мальчик старательно палкой сбивал цветок чертополоха у забора. Чертополох не поддавался, качался, но не сдавался.

Мальчик начал сердиться.

— Все равно собью!

Подошел папа, немного постоял рядом, наблюдая за действиями сына.

— Зачем ты это делаешь? — спросил папа.

Маленький сын, не оборачиваясь, ответил:

— Мама сказала, что нужно убрать сорняки с грядки.

— Ты думаешь, это сорняк?

— А что еще? Конечно, сорняк!

— Ну, может, и сорняк, — согласился папа. — А как называется он?

Мальчик, продолжая махать палкой, сердито сказал:

— Какая разница! Сорняк и сорняк! Только фиолетовый с колючками!

— Не скажи, — возразил папа, перехватив палку. — Давай присядем, и я тебе объясню, в чем разница. — Они присели на узкую скамейку у серого забора перед чертополохом. — Это чертополох. Он волшебный, отгоняет нечистую силу, всяких чертей. Во всяком случае, раньше люди верили в его магию. Но знаешь, магия магией, а ведь чертополох спас давным-давно шотландцев от викингов, когда те высадились на остров и хотели ночью напасть на хозяев. А чтобы не разбудить шотландцев, викинги сняли свою обувь и пошли босиком, не разбирая дороги. Оказалось, что попали они в заросли чертополоха, укололи свои ноги, завопили от боли и выдали свое присутствие. Видишь, какие острые у него шипы? Легко пораниться.

— И что? — поинтересовался мальчик. — Победили шотландцы врагов?

— Разумеется, — подтвердил папа, — успели проснуться и

дать отпор. Да и характер, считают шотландцы, у них, как у чертополоха.

— Это как?

— Стойкий, непобедимый. Между прочим, есть даже Рыцарский орден Чертополоха!

— Шутишь! — не поверил сын. — Орден сорняка! Еще скажи, есть орден крапивы!

— Для чего я тебе легенду о чертополохе рассказал? При чем тут сорняк! Орден не только награда, а в первую очередь рыцарское сообщество. Его девиз: «Никто не тронет меня безнаказанно!». Чертополох есть и на гербе Шотландии. Вот так. Много ты знаешь стран, на гербе которых есть какой-нибудь сорняк, как ты говоришь? Вообще наука о гербах называется геральдика... Ну, что? Вернуть тебе палку, чтобы убрать сорняк?

Мальчик, забрав палку, повертел в руках, пожал плечами.

Подойдя к чертополоху, наклонился и сказал ему с восхищением:

— Вот ты какой! Можно мне стать рыцарем Чертополоха?

Чертополох что-то ответил мальчику, но заходящий в дом папа ничего не услышал.

А Чертополох спросил:

— Рыцарем Сорняка?

— Да нет же, Рыцарем Чертополоха! Прошу прощения за мое невежество.

— Невежа и невежда — одно и то же?

Мальчик покраснел.

21 мая 2020 г.

СМАРТФОН

Ей позвонили утром в десять часов и сказали, что машина со строительными материалами из магазина выехала и нужно встретить у подъезда, чтобы разгрузить товар. Рита стала звонить работникам, которые уже пришли в квартиру для ремонта, но телефон одного из них не отвечал, а машина должна была подъехать через двадцать минут. Она еще раз позвонила по смартфону, торопясь и не глядя под ноги. Поэтому споткнулась на неровном асфальте и растянулась плашмя с телефоном в вытянутой правой руке, ухитрившись при этом не выронить его.

Когда она шла по улице, возле технического лица стоял юноша, уткнувшись в смартфон. Не увидев, как упала пожилая женщина в двух шагах от него, юноша не мог, но все равно не пришел на помощь — продолжал что-то смотреть на экране.

Рита медленно приподнялась на четвереньках, не выпуская средство связи из ушибленной ладони. К ней поспешили двое прохожих — мужчина и женщина предпенсионного возраста, чтобы помочь подняться с земли. Женщина участливо спросила:

— Вам плохо?

Рита, надевая на левую ногу отлетевшую в сторону спортивную туфлю, ответила:

— Спасибо за помощь. Я споткнулась.

Она почувствовала, как болит правая коленка: вероятно, кожа на ней содрана. Хорошо, что джинсы смягчили удар тела об асфальт.

Мужчина и женщина пошли дальше, убедившись, что их помощь не понадобится, а юноша все так же стоял в двух шагах, не поднимая головы от смартфона.

Рите стало обидно: как же родители не научили сына помогать людям. А если бы так упала его мать? Он по-прежнему не обратил бы на это никакого внимания и смотрел в смартфон?

Рита, прихрамывая, торопливо пошла, вновь звоня работнику, чтобы встретили машину.

И она не видела и не слышала, как экран смартфона в руках

юноши вдруг погас, затем включился, замигал тревожно.

Юноша пытался восстановить его работу, не понимая, что случилось.

— У тебя совесть есть? — неожиданно спросил смартфон.

— Что? — удивился его владелец.

— Почему ты не помог упавшей женщине? — допытывался смартфон.

— Отстань, — отмахнулся юноша. — Сама встала.

— Отстану, — послушно согласилась вещь и отключилась.

Все попытки включить смартфон были тщетными. Перезагрузка тоже ни к чему не привела. Перезарядка стояла на нуле. Смартфон стал почему-то греться.

В ремонтной мастерской гаджет не могли починить.

Пришлось родителям объяснить, что старый смартфон разбился, просить деньги на новую покупку.

...Старый смартфон остался в ремонтной мастерской среди таких же собратьев.

Он знал, как его можно реанимировать, но возрождаться не желал.

Он предался печали...

24 июня 2020 г.

КАРАКУЛИ

Она настроила видеосвязь по ноутбуку и приготовилась к занятию.

На экране появился ученик. После небольшого вступления Аюна сказала:

— Сейчас проведем тестирование. Выборочное. На знание слов. Что означает то или иное слово, как оно образовано. Например, каракуль. Каракуль — это?..

— Каракуль — это больша-а-а-ая рыба! — заявил Санан.

— Ты уверен в этом? — осторожно спросила учительница. — Может, подумаешь, вспомнишь. Это не рыба.

— Рыба, рыба. Я помню: «И акула Каракула правым глазом подмигнула...», — привел свой веский аргумент мальчик. — Помните?

— Помню. Но... каракуль — это шкурка ягненка каракульской породы.

— А-а... А тогда каракули — это множественное число таких шкурок? — следуя какой-то своей логике, заключил Санан.

Узкие глазки Аюны стали круглыми:

— Каракули — это совсем-совсем другое. Вот когда ты небрежно, неразборчиво пишешь буквы или слова, это как раз каракули. По одной версии, это испорченное французское слово «caracole», означает плохой почерк. По другой — заимствовано из тюркских языков, где это слово означает «плохая рука». В смысле плохого почерка. Здесь два элемента «кара» — плохой, черный, «кул» — рука.

— О-о, конфеты есть такие «Кара-кум». «Черная рука» значит?

— Нет, «черный песок». Это название вообще-то пустыни в Средней Азии. А скажи, пожалуйста, как проверить безударную гласную в корне слова «трактовать»?

— Трактор! — радостно выпалил ученик.

— Понятно, — пробормотала Аюна, почувствовав себя так, как если бы ее сейчас переехал трактор Санана.

Ноутбук Аюны тоже поперхнулся от удивления, замигал и от-

ключился. И, когда Аюна попыталась настроить видеосвязь, ноутбук стал сопротивляться изо всех сил. И Аюна не стала настаивать.

А ноутбуку всю ночь снились кошмары: за ним гнался Каракуль, разевая свою акулю пасть, а следом тархтел трактор, пытаясь выбраться с поля, на котором рисовал свои каракули.

Каракуль блеял ягненком, звал ученика, перепутавшего его с рыбой.

А трактору было обидно, что его свели к научному сочинению или дипломатическому договору — у него была своя английская родословная (trak — след), которой он гордился.

И лишь Санан отдыхал от репетитора с чувством выполненного ученического долга.

17–18 сентября 2020 г.

СЛЕЗАМИ ОБЛИЛСЯ...

Ася добросовестно пересказала домашнее задание.

Продекламировала наизусть пушкинское стихотворение.

Выжидательно посмотрела на репетитора.

Тот сделал замечание ученице:

— Все правильно, но без личного отношения к объекту.

— Это как? — спросила девочка.

— Ну, вот что ты чувствуешь к Пушкину?

— К Пушкину?.. — ученица задумалась. — Ладно, скажу, что думаю. Хорошо, что его убили на дуэли.

Репетитор от неожиданности даже подпрыгнул на стуле:

— Впервые слышу такой школьный тезис о нашем гении!

Ася замахала руками:

— Нет-нет, мне, конечно, как человека его жаль: застрелили, мучительно умирал, оставил жену с детьми... Но я о писателе Пушкине. Если бы не погиб на дуэли, сколько бы еще написал! Сколько томов! И все это прочитай да заучи! Вы не представляете, как это тяжело, сколько времени требует!

— Понимаю, Ася, — с иронией подхватил эту мысль репетитор. — А что тогда говорить об академическом собрании сочинений Льва Николаевича Толстого? Там 90 томов!

— Ох ты! — не удержалась от удивления девочка. — Так много? Не представляю себе. Это же не одна полка в шкафу!

— В общем, тебе близки писатели, которые рано ушли из жизни и тем самым не прибавили школьникам работы, — усмехнулся репетитор. — А как со стихами у тебя дело обстоит?

— По-разному, — призналась Ася. — Не люблю длинные стихи, долго заучивать. Пока дойдешь до конца, забываешь начало.

— Значит, тебе понравится мысль Александра Блока о том, что в стихотворении не должно быть больше двадцати строк. Достаточно поэту, чтобы выразить свою мысль.

— Двадцать? Можно и короче: легче запоминаются. Мне такие стихи больше нравятся.

— Не буду спорить, — сдержался репетитор. — Прагматичный

подход. А лучше, по-твоему, вообще стихи не учить.

В это время на книжной полке что-то упало.

Репетитор и ученица одновременно посмотрели в ту сторону.

Фарфоровый Пушкин, сидевший с пером в руке над листом бумаги за фарфоровым столом, оказывается, нечаянно смахнул журнал.

— Прошу прощения за оплошность, — привстала фарфоровая статуэтка поэта. — Слушая, слезами облился...

19 сентября 2020 г.

УМНАЯ ГЛУПОСТЬ

Мальчик заучивал правила, повторяя и записывая. Устав, он подошел к маме, склонил голову к ее плечу и пожаловался:

— Мам, я уже запутался в этих терминах и определениях. Вот как их отличить друг от друга? Они все, как близнецы.

Мама оторвалась от редактирования издательской рукописи:

— Что тебе непонятно, сынуля?

— Вот оксюморон какой-то.

— Давай познакомимся с разными мнениями. Вот читаем: «Оксѳморон, оксѳморон (др.-греч. οξύμωρον — «умная глупость») — стилистическая фигура или стилистическая ошибка — сочетание слов с противоположным значением, то есть сочетание несочетаемого», — объяснила мама. — Или вот такие толкования перевода этого слова: «острая глупость», «остроумно глупое». Игра слов, в общем. Часто и в названии произведения встречается. Помнишь, у Гоголя «Мертвые души», у Толстого «Живой труп».

— А я вот прочитал, как нашу столицу сегодня поздравили стихами со 155-летием в Instagram. Там такие строки есть: «Знать тебе нагадала кукушка вечно жить, до скончания дней». Это что — прикол такой? Или оксюморон?

— Это надо у автора спросить, — рассеянно сказала мама, снова уткнувшись в рукопись.

— Не пойму все равно, — настаивал сын. — Это кукушка такая дурная? Как можно одновременно желать вечной жизни до окончания дней? И знаешь, мама, мало кто заметил «умную глупость» в этом тексте, десятки раз лайкнули, понравилось, видишь ли.

— Вот и спроси тогда у кукушки. Мне некогда, срочная работа.

— Пойду и спрошу, — согласился мальчик.

...В городском парке он долго бродил, высматривая кукушку. Наконец, отыскал, подкрался к ней, боясь вспугнуть.

— Чего крадешься? — спросила птица. — Поймать хочешь?

— Да я спросить хотел, что за оксюморон нагадала ты нашему городу?

— Что ругаешься? И не нагадала, а нагадал. Я мужского рода.

— Это не ругательство, а стилистический прием такой у писателей. Например, белая ворона. Черных ворон полным-полно ведь, а белых нет.

— Если все знаешь, зачем спрашиваешь? И вообще я не могу вечность куковать — голосовые связки лопнут до скончания моих дней. Вот один мой сосед 360 раз прокуковал — ответил он на вопрос! С тех пор чаще молчит — горло болит... А ты иди-иди, мальчик. Накуковался я сегодня...

19 сентября 2020 г.

ПОДСВЕЧНИК

Подсвечник стоял на подоконнике, задвинутый в угол. Свечей в нем не было.

Рядом в ажурном кашпо цвета слоновой кости росло комнатное растение, название которого подсвечник не знал. Нежные бело-розовые цветы, как лотосы в миниатюре, тянулись к подсвечнику, задевая и оконное стекло.

За окном была ноябрьская зима, лежал белый с веснушками снег. Чья-то белая машина давила еще летними шинами снег, водитель не успел их поменять: зима нагрянула неожиданно для южного города.

— Что тебе вздумалось цвести зимой? — спросил вдруг подсвечник.

— А что? — шевельнулось растение, думая о своем.

— Как-то это странно, — качнул одним из двух металлических своих цилиндриков подсвечник. — Зимой — и цветы!

— Разве в оранжереях не цветут круглый год? — спросило растение.

— Ты же не в оранжерее, — заметил подсвечник. — Цвести надо по сезону.

— Как ты не романтичен. А еще подсвечник!

— Я романтик, когда со свечами. Особенно, когда их зажгут. Правда, огонь щекочет. Но зато через кружевные мои цилиндрики пламя отбрасывает свои блики на все, что рядом. Очень красиво!

— Да и ты симпатичный, — сказала растение. — Из серебра, что ли? Мы с тобой хорошо рядом смотримся.

— Наверное, — согласился подсвечник. — Я со всеми хорошо смотрюсь рядом.

— Да, скромность тебя не украшает, — махнуло листочками растение. — Тебя назвали Нарциссом?

— При чем здесь нарцисс? — удивился подсвечник. — Я сам по себе.

— Да был в греческой древности такой красавчик по имени Нарцисс, что умер от любви к самому себе.

— Я не так глуп, — качнул двумя цилиндриками подсвечник. — Хотя себя люблю, не отрицаю. И меня любят. Еще с каменного века. А к египтянам бог Солнца Ра явился из цветка лотоса, где горело пламя. Вот в честь этого бога и стали делать подсвечники в форме лотоса. Из тростника, глины, дерева. Я светил людям везде, где был нужен. Сейчас, правда, с электричеством ко мне обращаются реже и по особым случаям. Но в праздник я — главный гость или хозяин.

...Ночью подсвечнику снился бог Солнца Ра, который назвал его младшим братом.

26 ноября 2020 г.

СНЕГОВИК И ЁЛКА

Вечерело. Зимой день становится короче.

На зеленой ёлке зажглись световые гирлянды, а на макушке вспыхнула разноцветная пятиконечная звезда. На стене дома световое табло заранее поздравляло прохожих: «С Новым Годом!».

Мимо пробежала собака, остановилась, увидев какую-то странную фигуру из трех разной величины шаров, с метлой в правой руке, с ведерком на голове, на левой руке топорщилась рукавица.

Собака подошла поближе, обнюхала фигуру, стоявшую на каком-то постаменте.

Запах не понравился.

«Какая-то синтетика, пластмасса, что-то несъедобное», — подумала собака.

Она обошла фигуру.

Рядом стояла ёлка, которая пахла точно так же.

«И тут химия», — сказала себе собака.

Две девушки подошли к ёлке.

Собака попятилась и спряталась за постамент.

— Смотри, уже к Новому году приготовились, — сказала одна из девушек. — Давай сфоткаем!

— А что тут фоткать? — возразила другая девушка. — Синтетика сплошная! Ничего интересного. Живая ёлка — другое дело, снеговик не из снега — это жуть!

— Экология бережет мир, ты же знаешь. Храним лес.

— А что и снег теперь бережем?

— Снеговик из снега может растаять, а пластмассовый будет стоять долго. А ёлка не будет осыпаться. А ты собираешься живую ёлку домой покупать, Деся?

— Еще не знаю. Может, вообще никакой ёлки не будет. Я уже вышла из детского возраста. Вот в детстве у родителей всегда была живая ёлка: пахло хвойным лесом, мандарином, праздником. Ёлка стояла в ведре. А в ведре песок поливали, чтобы не сыпались с веток иголки. Стояла она до Старого Нового года. И даже дольше. Родители сами игрушки для нее делали.

— Точно, говорят, и у нас тоже такая была ёлка, — подтвердила подруга.

Собака слушала, растопырив уши. И даже высунулась наружу.

— Ой, собака! — заметила ее Деля. — Смотри, смотри, Джига.

— Бездомная, наверное. Вдруг бешеная? Еще укусит. Пойдем отсюда.

«С чего бы мне бешеной быть? — загрустила собака, провожая глазами уходивших подружек. — Лучше бы угостили чем-нибудь. Холодно же, есть охота».

Она машинально лизнула снеговика.

Он был холодный, скользкий.

И даже не шелохнулся.

Но неожиданно собака услышала сверху:

— Невкусно?

Собака задрала морду кверху.

СНЕГОВИК УЛЫБАЛСЯ.

Таким его сделали.

И он не возражал.

А как возразить, если на твоём лице улыбка?..

3 декабря 2020 г.

II

Запах полыни

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

(По мотивам чеченского предания)

Может ли запах травы быть сильнее слов?..

Есть одно чеченское предание, которое подтверждает это предположение.

Давным-давно у одного калмыцкого хана был сын, молодой храбрый воин. Однажды он со своей свитой отправился на охоту и так увлекся погоней за зверем, что пересек границы родного ханства и оказался в горах Ичкерии. Гостеприимство горцев и красота горянок пленили его сердце. Задержался степняк в чужих краях надолго: время летело незаметно в пирах и охотах.

Ждал сына старый отец терпеливо, понимая, что наследник должен узнать другие народы и земли. Потом хан послал гонца с донесением — возвращайся домой. Возвратился гонец ни с чем. Отправился вслед второй гонец, но и он вернулся один. Несколько гонцов не смогли исполнить приказ хана.

Как мог сын ослушаться отца?

Как смел наследник не выполнить повеление хана?

Счастлива беспечностью молодость.

Спокойна прозорливостью старость.

Мудрый отец сорвал в степи пучок полыни, положил в кожаный мешочек и вручил очередному гонцу.

Когда ханский сын получил от отца вместо слов и письма какой-то мешочек, он удивился. Едва развязал тесемку, как увидел в мешочке траву и почувствовал горький запах полыни. Этот запах заполнил шатер, перебив другие запахи.

Вдохнув запах простой травы, сын хана приказал своей свите трогаться в обратный путь.

Вот что значит запах родины!

8 марта 2015 г.

БУУРЛДАН ҮНР (Чечен домгин авцар)

Өвснэ үнр күүнэ үгэс давдг болхий?..

Эн тааврин үнинь батлжах чечен улсин нег домг бээнэ.

Кезэнэ бээж. Хальмг улсин нег хан зөрмг дээчин захас татжах баһ наста көвүтэ сэнж. Нег дэжж тер көвүн көтчнртэһэн аңһучлхар нарад, аңгин мөр мөрдөд, эврэ нутгиннь межэ һатлад, Ичкерий һазра уулмудт күрнэ. Уулын эмтнэ делгү седкльн болн күүкд улсиннь чирэ-зүснь терүг авлна. Теегин үрн хэр һазрт ик удан гиичслсмин: нэр-наадна болн аңһучлһна ард цагнь даруны давна.

Нутг өвлх күн наньчн һазр үзх зөвтэ гийһэд, эцкнь көвүһэн ик тесвртэһэр күләсмн. Хөөннь хан — хэрж ирх кергтэ гийһэд, медүлл бичгтэ элчэн йовулна. Элч хоосн хэрж ирнэ. Хойрдад элчиг йовулна, хэрү элч һанцарн ирнэ. Кед-кедү элчнр хаана зэрлгиг күцэж ядад бээнэ.

Эцкиннь үгэс үрн һардв?

Өвлгч күн хаана зэрлгиг күцэл уга бээдв?

Санамр болдгарн баһ цаг өлзэтэ.

Түншүр болдгтан өндр насн төвшүнтэ.

Күңкл ухата эцкнь кеер урһжах буурлда өвснэ багла таслж авад, арсн түңгрцгд дүрэд, дарани элчэн йовулна.

Үг бичг хойрин ормд аль-бис түңгрцг авсн хаана көвүн алч болна. Боодһаһинь тээлм цацу түңгрцг дотр өвсн бээхиг үзэд, буурлдан һашл үнринь бийдэн киилнэ. Тер үнр наадк юмна үнринь дарад, чачриг дүүргв.

Эгл өвснэ үнринь киилэд, хэрх кергтэ гиж хаана көвүн көтчнртэн заксмн.

Төрскн нутгин үнр гисн тер!

ИЗ ЦИКЛА «СИБИРСКАЯ БЫЛЬ»

ЗАЯЦ НА СЧАСТЬЕ

*Народному поэту Калмыкии
Владимиру Нурову*

Мы сидели вдвоем за обеденным столом в уютной кухне и пили горячий калмыцкий чай, беседуя о писательских делах. Я только что подарила свою новую книгу об отце старшему товарищу, куда вошли и его заметки, рецензии на калмыцком языке.

Хозяин, неспешно отпивая из пиалы, на мой вопрос, над чем он сейчас работает, ответил:

— Пишу повесть о своем детстве в сибирской ссылке. Мне было тогда шесть лет, когда в январе 1944 года мы попали в Омскую область.

— И вы помните это время? — спросила я, соотнося возраст собеседника с народной бедой.

— Помню, — сказал писатель. — Поэтому трудно пишется. Тяжело вновь переживать, вспоминая прошлое.

— Вы уже заканчиваете повесть?

— Нет, пока на середине пути. Пишу понемногу, несколько страниц в день. Жена печатает рукопись.

— А планируете русский перевод?

— Кто же теперь переведет? — сокрушенно вздохнул собеседник. — На стихи переводчиков давно уже нет. Что тут о прозе говорить. Да и платить переводчику надо. Предыдущая повесть, тоже на сибирскую тему, не переведена с калмыцкого языка, хотя опубликована уже в журнале «Теггин герл».

— Да, конечно, — согласилась я. — Там ведь и подготовительная большая работа для автора: подстрочник для переводчика, совместное редактирование перевода... Помню, когда отец готовил подстрочник своего романа, мы с сестрой печатали текст для переводчика, потом перепечатывали присланные из Москвы страницы перевода... Но все же, может, со временем что-нибудь получится...

— Хорошо бы при жизни успеть сделать подстрочник и этой повести. Наверное, когда-нибудь будет востребовано, — задумался писатель.

— Главное, чтобы было написано, — убежденно проговорила я. — Это всегда будет востребовано. Кому еще об этом рассказать, как не вашему поколению! А на чем вы сейчас остановились в своей повести? Можете поведать?

Писатель помолчал, посмотрел на большую тарелку, где гнездились бутерброды с колбасой и сыром.

— Я написал историю своей соседки по бараку. Ей было тридцать — тридцать пять лет тогда. Звали ее Булгун, но я назвал ее в повести Боова. Жили мы тогда в леспромхозе. Работала она на лесоповале. Однажды попала под срубленное дерево, слегла. Помочь ей особенно было некому. Муж погиб на фронте. Маленький сын потерялся по длинной дороге в Сибирь. Свекровь замерзла в вагоне: сняла с себя тулуп, чтобы укрыть невестку и внука. Внуку потом сказали, что бабушка заболела, отвезли ее в больницу, так он ее на каждой станции ждал, когда она выздоровеет. Может, так на встречу ей и пошел на какой-нибудь остановке, опоздал к эшелону. Кто знает, как это случилось...

Мне тогда тринадцать лет исполнилось. Был февраль. Сибирские морозы известные. Заглянул я перед школой к соседке в комнату, а там колотун, градусов пятнадцать-восемнадцать, печка не горит, дров нет. Попросила она чаю. Взял я ее кружку алюминиевую, а в ней — лед: вода примерзла.

Принес я из своей комнаты несколько поленьев, чтобы печку растопить, захватил листья смородиновые и малиновые, чтобы напоить больную. Откуда взяться заварке? Плитка прессованного чая стоила дорого, да и ехать надо было далеко за нею, в другой поселок. Денег на это не было...

Я невольно посмотрела в свою большую стеклянную кружку. Хозяйка перед тем, как оставить нас за беседой, сама положила мне большой кусок сливочного масла в кружку, и теперь на поверхности чая медленно расплывался желтый островок. Когда я отпивала из кружки, пятно двигалось, как бы убегая.

Я давно уже дома не готовила калмыцкий чай: просто забеливала молоком заваренный чай в чашке, не добавляя ни соли, ни тем более масла. Папа в последние годы болел пиелонефритом, ограничивал соль, в том числе и в чае. Любил он калмыцкий чай с мускатным орехом, который в кастрюлю крошила моя мама.

Писатель взял пиалу с чаем, не отпив, снова поставил на стол.

— Заварил ягодные листья, дал напиток Булгун. Немного отогрелась она, но слаба: есть нечего. И у нас ничего нет, чтобы покормить ее. Пообещал я, что зайду после школы проведать.

Математика мне давалась легко, задачи решал быстро, контрольные всякие. Сосед мой по парте пользовался моим умением, списывал всегда: то ли лень было думать самому, то ли не ладилось у него с этой наукой. Вначале так и было: я пишу — он списывает. Потом я перешел на бартер, говоря по-современному. Я ему давал решенные задачи, а он мне за это еду приносил из дому, чаще картошку.

Вот и в этот раз получил я от него четыре вареные картошки. Хотел сразу съесть, но потом отложил до большой перемены. Съел три, а четвертую оставил для больной женщины.

При этих словах писателя я представила сваренную в мундире картошку, которую приберег для своей соседки маленький земляк, шершавую, холодную, завернутую, наверно, в чужую чистую тряпицу.

И бутерброды на общей тарелке, не тронутые мною, показались мне какими-то лодочками, заплывшими в мирную гавань откуда-то издалека, из другой жизни.

Хозяин продолжил свой рассказ после недолгой паузы:

— Уроки подходили к концу, и я подумал, как бы помочь Булгун с топливом. У нас дома был топор, но не было пилы. Я и спросил у соседа Пашки, не сможет ли он мне помочь с дровами, прихватив свою пилу. Тот поинтересовался, когда мне это нужно. Я, коротко рассказав о Булгун, сказал, что надо бы срубить дерево после уроков.

Пашка был старше меня на два года, рослый, сильный. Он сразу согласился. Мы сбегали домой за инструментами. Я еще взял

большие салазки, и мы пошли в лес за три-четыре километра от нашего жилья.

Свалили вдвоем несколько тонких березок, распилили аккуратно, сложили на салазки.

Тут Пашка и говорит мне, что посмотрит сейчас петли, не попался ли заяц в одну из них. Расставляли местные жители такие силки, чтобы раздобыть какое-нибудь зверье. И вот погода догоняет меня одноклассник, а в руках у него — заяц, килограммов три-четыре. Большой такой. Хорошая еда. Я, конечно, не стал просить мальчика поделиться добычей, гордый был. Калмыки говорят: «Сурсн — му, сурсиг эс өгхлэ — улм му». Поговорка такая: «Просить неудобно, не дать просимого — еще хуже».

Я только сказал тогда:

— Моя бабушка говорила: «Болх күүнд — бор туула», то есть «Кому предназначено — тому и серый заяц». К счастью, значит.

Эту поговорку я слышала впервые, хотя знала много калмыцких народных афоризмов и вставляла их в свои стихи и поэмы, поэтому переспросила.

Писатель заметил мне:

— Для калмыков заяц — хорошая примета. У русских по-другому. Суеверия свои. Иначе Пушкин не воротился бы назад, когда ему дорогу перебежал заяц: Александр Сергеевич ехал тогда из своего имения в столицу, помнишь, в декабре 1825 года.

— Так вот, — продолжил хозяин. — Держит Пашка зайца в руках, слушает меня. А потом вдруг говорит: «Калмык, бери этого зайца». Он ко мне обращался всегда так: «Калмык». И добавил: «Накормишь больную соседку. Дрова мы ей уже заготовили».

Я так обрадовался этим подаркам, что не заметил, как добрались мы до леспрохоза. Вбежал я в комнату к соседке с зайцем на руках, а там — пусто. Нет никого. Где Булгун?..

Спросил у своих, а мне отвечают: «Умерла Булгун».

Как же так? Вроде утром с ней виделись, была еще жива. Правда, шесть уроков да в лес за дровами. Но почему так быстро ее не стало!

Хоронить тогда зимой было трудно, земля мерзлая, никаким кайлом не возьмешь. Вот и хоронили до весны калмыки своих по-

койников в сугробах, а потом уже предавали земле. Так и Булгун унесли в какой-нибудь большой сугроб...

Красивая она была, глаза черные, большие, косы длинные, густые. Правда, от болезни завшивели уже волосы. На больного человека вши нападают быстро: нет у него, конечно, сил сопротивляться паразитам. Да и какие условия жизни были у ссыльных людей?..

Наверное, мне, подростку, она понравилась как женщина. Думаю, тогда я впервые обратил внимание на женскую красоту. И жалко мне Булгун стало.

И, кажется, калмыцкая примета не подтвердилась: не понадобилась моей соседке заяц.

Хотя, вероятно, он принес удачу Пашке...

— Да, горестная история, — сочувственно отозвалась я. — Так она и в повести пересказана?

Писатель покачал седой головой:

— Нет. Я в том эпизоде оставил Булгун в живых. Очень хотелось, чтобы хорошее вознаграждалось. Но она так и не выздоровела, умерла.

— А не лучше ли было придерживаться правды жизни? — осторожно спросила я, нечаянно вторгаясь в творческую мастерскую. — Ведь так и было в большинстве случаев в ссылке.

Сама я родилась за два года до конца сибирской ссылки и теперь писала рассказы на ту же тему по воспоминаниям очевидцев. Но собеседнику об этом не сообщила, чтобы его не перебивать, и написано было мною всего несколько историй.

— Я придумал в повести другие эпизоды с Булгун, — объяснил писатель. — Хотелось рассказать о ней подробнее, чтобы не сразу расстаться... Сколько лет прошло уже с тех пор, а до сих пор помню: и алюминиевую кружку со льдом, и смородиновые листья для чая, и матрац с соломой, и вареную картошку, которую я приберег для Булгун, и поездку в лес за дровами, и зайца на счастье...

29–30 октября 2016 г.

Элиста.

ХӨВ ЗАЯДГ ТУУЛА

*Хальмгин улсин шүлэгч
Нуура Владимирт нерэдгдв*

Бидн хоюрн замин хорад жомба уулдад, бичэчин йирин керг-үүлдврин тускар күүндэд суунавидн. Би эцкиннь тускар харсн шин дегтрэн ах үүртэн белглж өгүв. Терүнд эцкинм тускар хальмг келэр бичсн бичэчин статьяс, рецензь бас орсн бээнэ. Эзн күн адһм угаһар цөөһөн уужана. Ямаран көдлмш ода күцэжэнэт гихлэм, келв:

— Сиврин тууврт бээсн бичкндк цагин тускар түүк бичжэнэв. 1944 жилин туула сард Омск областьд тусхдан зурһата билэв.

— Тер цаган ода күртл тодлад йовнт? — гиж би хальмгудын дааж харсн һашута жилмүдиг бичэчин наснлань ирцүлж сурув.

— Э-э, чеежэсм һархш, — гиж бичэч хэрү өгв. — Тегэд түүкм зовлнктаһар бичгдженэ. Давсн һашута цаган дэкнэс тодлж босхна гисн, амр биш.

— Түүктн ода төгслһндэн өөрдж йовну?

— Уга, дундуртнь күүрүв. Адһм угаһар бичгднэ, өдртэн цөөкн халх һарна. Гергм бичсим барлна.

— Орс келнд орчулх санатавт?

— Кен ода терүг орчулхмб? — гиж эн һашудж санадлв. — Шүлгүд орчулдг орчулачнр угалм, тиигхлэ, түүклэнэ тускар нам келэд керг уга. Тиигчкэд орчулачин көдлмшинь шаңнх кергтэ. Урднь бичсн түүкм бас сиврин жилмүдин тускар билэ, «Теегин герл» седкүлд барлгдсн бийнь, ода күртл орс келнд орчулгдад уга.

— Мел тиим, — гиж би зөвшэрүв. — Дааврта нэрн көдлмш күцэх кергтэ: орчулачд мөр болһниг орчулад белдх, хөөннь терүг хамдан ясх, чиклх... Эцкм романа орчулһ белдсн цагт, бидн эгчтэһэн терүгинь барлдг билэвидн. Дарунь Москваһас ирсн орчулсн һар бичмриг бас барлх... Болв хөөннь тана санан күцэгдэд чигн бөөх...

— Эн түүкин орчулһна белдвриг эмд-менд деерэн күцэсн болхла, сэн билэ. Хөөннь, кезэ нег сэн цагт, керглгдэд чигн бөөх,

— гиж бичэч санадлв.

— Белдчкх кергтэ, цаг медүлх, — гиж лавлж келүв. — Энтн кергтэ чигн болх. Тана үйин эмтнэс нань кен тер цагин тускар тиим тодрхаһар келж өгх! Ода эврэннь бичжэх түүкдэн ямаран цагин, керг-йовдлын тускар бичжэнэт? Келж өгхмн болвзат?

Бичэч тагчг бээжэһэд, чикчкхн махта, ээзгэтэ бутерброд бээсн тэрлк хэлэв.

— Баракт мана өрк-бүлтэ хамдан бээсн күүкд күүнэ тускар бичүв. Нучта-нучн тавта билэ тер. Булһн гидг нертэ, болв түүкдэн терүг Боова гиж нерэдүв. Тиигхд бидн леспромхозд бээдг билэвидн. Булһн лесоповалд көдлдмн. Нег дэжж көрөдсн моднд даргдад, орна күн болв. Терүнд нөкд болдг күн уга. Залунь дээнд эмнэсн хайцсн. Бичкн көвүнь Сиврүр йовж йовад, хаалһдан геддрлэ. Хадм экнь вагонд көрөд үкж одла: девлэн тээлэд, бер ач көвүн хойран хучла. Ээжнь гемнэд, терүг больницд авч одла гиж, ач көвүнднь келлэ, тегэд эн станц болһнд эдгсн ээжэн күлэдмн. Нег зогслһнд ээжэн тосхар бууһад, эшелонас хоцрсн чигн биз. Юн учрсинь кен медхв...

Тиигхд би арвн нурвта билэв. Лу сар билэ. Сиврин тачкхн китн. Школдан одхин өмн тер күүкд күүнүр орад хэлэвв, тенд, дэрк минь, арвн тавн — арвн нээмн кем кийтн, бештнь түлэн уга. Нанас цэ эн сурв, алюминь кружкинь авхлам, дотрнь мөстж одсн усн.

Эврэ хораһасн беш түлх цөөкн мод авад, гемтэ гергнд цэ өгхэр хөн бөөлжрһнэ хамтхас авч ирүв. Чимк цэ чигн уга, дөрвлжн цэ йир үнтэ, ташр терүг хулдж авхин төлэ хол бээдг талдан селэнд одх кергтэ. Хулдж авдг мөңгн чигн уга...

Би хара зөндөн эврэннь шилтэ ик кружк хэлэвв. Герин эзн күүкд күн күүнджэх мадниг үлдэхин өмн кружкдм цаһан тос тэвсн билэ, ода тернь цээд шарлад, төгрүлтнь икдэд йовна. Цээһэн уухлам, тернь хооран, нанас зулж йовх метэр, цухрна. Гертэн кесгэс нааран хальмг цэ чанад угав: хар цээд үс немэд, давс чигн, нег үлү тос чигн немдго билэв. Сүл жилмүдт эцкм бөөрин гемтэ болад, давс хотд тэвдгэн тагдмн. Экм зорж тэвдг затыта цээд дурта болдмн.

Бичэч ааһта цэ авад бэржэһэд, амслго хэрү ширэ деер тэвчкв.

— Авч ирсн хамтхасан уснд буслһад, Булһнд өгүв. Невчк ду-

ладсн болвчн, чинэн уга: иддг хот угалм. Манад чигн терүнд өгдг хот уга. Школын хөөн орж ирнэв гичкэд харув.

Математик дасхд бийдм амр болдмн, эсвиг болвчн, ямаран чигн шүүгч көдлмшиг болвчн, шулун күцэдг билэв. Нанла хамдан суудг көвүн мини девтрэс дангин буулһж бичдмн: залху билэ гихв, эс гиж эн шинжлх седв жаңһрта болсар гихв, меджэхшив. Түрүн экндэн мини бичсиг эн йириндэн буулһж бичдг билэ. Дэкэд, өдгэ цагинэр келхлэ, би терүнлэ бартер кедг болув. Терүнд күцэкхсн эсвиг өгдг болув, тер нанд ормднь гертэсн хот, ик зуудан бодниг авч ирдмн. Тер цагт көвүн нанд дөрвн болһчкхсн бодниг авч ирв. Дор ормдан идчкхэр седчкэд, ик завср күртл тесхэр шиидүв. Нурвинь идчкэд, негинь гемтэ гергнд үлдэв...

Эн үгмүдинь соңсчкад, хоша бээсн күүкд күүнд хальмг көвүн үлдэсн күүнэ цевр кенчрэр орасн, бүклэр чансн киитн боднигиг үзсн болув.

Тер саамд далһа тэрлкд эс көндэсн бутербродмуд хол һазрас, талдан жирһлэс керм зогсдг төвкнүн шуһуд өөмж ирсн ямр-бис оңһцмуд болж, нанд медгдв.

Тагчг бээжэхэд, эзн келврэн цаарандндь давулв:

— Кичэлмүд төгсхдэн өөрдж йовла, Булһниг яһж түлэхэр теткхэн санув. Манад сүк бээхэс биш, көрэ уга. Хоша бээдг Паша көвүг көрэхэн авад, нанд түлэ белдхдм нөкд бол гиж сурув. Кезэ чамд нөкд кергтэ гиж, тер соньмсв. Булһна тускар ахарар цөөлһэд, кичэлмүдин хөөн мод көрөджд авх кергтэ гиж келүв. Паша нанас хойр жил ах болчкад, өндр урһцта, чаңһ-чиирг көвүн билэ. Эн зөвөн өгэд, бидн герүрн зер-зевэн авхар одувидн. Гертэсн цан авад, бидн мана гермүдэс һурвн-дөрвн дуунад бээдг ө-шуһу мод темцэд һарувидн. Цөөкн нэрхн хусм модыг чавчж уңһаһад, көрэдэд, цан деерэн ачад, бел кечкүвидн. Эн кемд: «Тэвсн урхан хэлэнэв, туула чигн бэргдсн болвза», — гиж Паша нанд келжэнэ. Бээрн улс ямаран болвчн, аң бэржд авхар тиим урх тэвдмн. Удлго нанла хамдан сурдг көвүн бийим күцэд ирв, һартнь һурвн-дөрвн килограмм татдг туула. Зөвэр ик. Йир сэн шимтэ хот. Би терүнэс туулаг хувалций гиж суржахн угав. Ик саната бээжүв. «Сурсн — му, сурсиг эс өгхлэ — улм му», — гиж хальмгуд келдмн. «Болх күүнд — бор туула

гиж, ээжм келдг билэ», — гиж тиигхд келсн билэв.

Хальмг улсин оln зүсн үлгүрмүд меддг төлөдөн, теднэс зэр-
минь шүлгүдтэн, поэмстэн олзлдг билэв, болв эн цецн үгиг түрүн
болж соңсув. Тегэд давтж сурхлам, бичэч иим хэрү өгв:

— Хальмгудт — туула сэн йор. Орсмудт талдан. Келн-улс болһн
эврэ шинжтэ. Туула хаалһинь керчж эс харсн болхла, Пушкин хэрү
эргшго бээсмн. 1825 жилин бар сарла Александр Сергеевич эврэ
бээрн һазрасн хотл балһсн тал йовж йовсинь меднэлмч. Тегэд, —
эзн күн цаарандан келв. — Паша туулаг харган бэрн бээж, намаг
соңсчаһад, генткн келжэнэ: «Хальмг, ав туулаг». Эн намаг даңгин
«хальмг» гиж дуудмн. «Гемтэ гергнд шөл өгхч. Түлэһинь мадн бел
кечксн», — гиж немв. Иим үнтэ белгт теңкэн угаһар байрлсндан,
яһж леспромхозд күрсэн медсн угав. Хоша бээдг гергн тал харган
туула бэрсн гүүж орж ирхлэм, тенд хоосн. «Булһн яһла?» — гиж
эврэхснэсн суржанава. «Булһн өңгрж одла», — гиж нанд хэрү өгв.

Яһна гисн энв? Өрүнэ үзлэв, эмд билэлм. Болв зурһан кичэл,
ташр ө-шуһу моднд одсн. Зуг яһад тиим түргн сээһэн хээсмб эн!

Тиигхд үвлэр оршана гидг, зовлңгта билэ, көрө һазриг ямаран
чигн чичүрэр цоолж болдмн биш. Тегэд хальмгуд өңгрсн күүһэн
хавр күртл цаснд дарчкад, хаврар ирж, һазрт оршадмн. Тегэд Булһ-
ниг бас нег цасна овад авч одад булчксн болх...

Ик хар нүдтэ, нигт ут күклтэ сээхн күүкд күн билэ. Зуг гемт-
хлэнь, үснднь бөөсн дала болж одв. Чинэнь алдрсн күүнд бөөсн
дээсн болна. Тууврт туссн улст ямаран хэлэмж бээх билэ?..

Баһ наста бийдм тер күүкд күн таасгдсн чигн болх. Тии-
гхд күүкд күүнэ сээхнинь түрүн болж онһсн болхв гиж саннав.
Булһнд би йосндан харм төрүв.

Хальмгин шинжэр болсн уга: тер күүкд күүнд туула тусан
күргсн уга. Зуг Пашад тер туслсн болх...

— Зөвөр һундлта тууж, — гиж би зовньж келүв. — Тегэд энтн
тер кевэрн түүкд орсн бээнү?

Бичэч буурл үстэ толһаһан зээлв:

— Уга. Булһниг би эмд үлдэвв. Сэн тоот диилтхэ гисн сана-
таһар тиим шиидвр авлав. Болв Булһн эдгж чадсн уга, өңгрв.

— Үнднднь бичсн болхлатн, чик болх бээсн чигн биз? — гиж

болхамжтаһар сурув. — Тууврт иим зеткрлэ харһсн хальмгуд ик зуудан өңгрцхэдг билэлм.

Эврэн би сиврин тууврин жилмүд чилхэс хойр жил өмн төрлөв. Ода тер һаслнта жилмүдиг дааж һарсн улсин тодлврмудас иштэ, сиврин тууврин тускар келврмүд бичнэв. Болв бичэчд, терүнэ келвринь таслшгон төлөд, энүнэ тускар келсн угав. Ташр эн төрэр цөөкн келврмүд бичгдсн билэ.

— Түүкдм Булһн оln зүсн йовдлд орлцна, — гиж бичэч цээлһв. — Түргн салшгоһар, терүнэ тускар тодрхаһар келж өгхэр седлөв... Кедү жил давсн болвчн, ода күртл дотран мөстэ алюминь кружк, цээд амтлх бөөлжрһнэ хамтхасд, салмта делгц, Булһнд хадһлсн чансн боднцг, түлэнэ мод белдхэр ө-шуһу мод орлһн, хөв заядг туула уханасм һархш...

ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

— Я не знаю, с чем это можно связать. И как это понять. Думаю об этом до сих пор. Но объяснений не нахожу. Уже и мамы моей нет, а память возвращается к тому дню. К 22 июня 1941 года. Началась война, — сказал он, — та самая, Великая Отечественная.

Объявили мобилизацию. Я тоже был призван в армию. Сборы были недолгие.

Мы жили с мамой вдвоем.

Она не плакала. Обняла на прощание и подала мне кусок ржаного хлеба.

Я отказался:

— Зачем, мама? Там все дадут. Да и куда я его сейчас дену?

— Возьми, сынок, — сказала мама. — Положи в карман гимнастерки.

Я вновь возразил ей:

— Не надо, мама.

Она настойчиво повторила:

— Положи в карман гимнастерки, но сразу не ешь. Там съешь. Чтобы не огорчать маму перед отъездом, я согласился.

Тогда она сама положила этот кусок хлеба в карман моей гимнастерки.

И я уехал на ленинградский призывной пункт.

Не сразу вспомнил о материнском наказе.

По дороге на войну случайно нащупал в кармане съестное.

Покачал головой, но съел ржаной подарок.

На войне я стал связистом. Всякое бывало — под пулями, под снарядами надо было выполнять свою работу.

Всю войну прошел без единой царапины.

Вернулся к маме, пережившей блокаду.

О том хлебе мы с ней не вспоминали.

А когда мамы не стало, каждый раз, 22 июня и 9 мая, я вспоминаю о том ржаном куске хлеба, который дала она мне на войну.

Что меня хранило тогда?
Этот хлеб?
Мамино благословение?
И то, и другое?
Я не могу понять.
А вы?..

8 марта 2015 г.

ААКИН БЭРҮЛСН ӨДМГ

— Энүг юунла заллдулхан би меджэхшв. Лавлхдан чигн күчрднэв. Энүнэ тускар ода күртл ухалнав. Зуг цээлһврнь олдхш. Аакм кезэнэ өөд болв, тер өдр болхла чееждм төөнрэд үлдв. 1941-гч жилин така сарин 22. Дэн эклсн билэ, — гиж өвгн келв, — мин тер, Төрскэн харсгч Алдр.

Дээчллт зарлгдв. Намаг бас цергт мордулв. Кергтэ юман тер даруһан гилтэ белдүв.

Мадн аактаһан хоюрн бээдг билэвидн.

Аакм асхрулж уульсн уга. Хаһцхдан намаг теврэд, хар өдмгин зүсм бэрүлв.

Би эсргүцүв:

— Яахм, аак? Тенд өгэд бээхгов. Энүгичн нам альдан бэрхүв?

— Ав, кукн, — гиж аакм келв. — Һадр киилгиннь хавтхднь дүр.

Би дэknэс хэрүцүв:

— Бэг билэ, аак.

Экм болхла эрчмтөһэр давтв:

— Һадр киилгиннь хавтхднь дүр, тер даруһан бичэ идэд орк. Ормдан күрэд ид.

Һарад йовхиннь өмн өргн аакан һундаш уган төлэд би зөвшөрүв.

Тиигснэ хөөн экм эврэ һарарн мини һадр киилгин хавтхднь зүсм өдмг тэвв.

Би тегэд Пиитр балһсна элслтин цегжң темцүв.

Аакин заквр нег зуур санандм орл уга бээв.

Хэрнь, хавтхдм хар өдмг бээсиг дээнд орлцхар йовж йовад бэрж үзүв.

Толһаһан зээлсн бийнь хар буудята белгиг идүв.

Дээнд холвачна эрдмтэ болув. Үзсн юмн дала — товин сумн хаһрв чигн, халдан учрсн бийнь эврэ көдлмшән күцэх кергтэ болдмн.

Негчн шолврха угаһар дээллдүв.

Бүслүрин зовлң дааж һарсн аакурн хэрж ирүв.

Тер өдмгин тускар мадн үг нарһдго билэвдн.

Аакм өөд болсна хөөн жилд хойр дэжж, така сарин 22-ла болн хөн сарин 9-лэ би тер, дээнд мордхдм намд бэрүлсн зүсм хар өдмгин тускар ухалдув.

Намаг юн аврсн болхмби?

Тер өдмг?

Аакин эдс?

Тернь чигн, эннь чигн?

Би медж яднав.

Таднд болхла медгднү?..

САН САНЫЧ

«Уважаемый товарищ писатель!

Пишет вам бывший партизан. Знаю, что вы тоже воевали, а после войны собираете рассказы ветеранов, чтобы написать еще одну книжку. Не знаю, понадобится вам моя история, которую хочу рассказать, или нет, но все же поделюсь, так как не дает она мне покоя до сих пор. Прошло уже с той поры немало лет, а кажется, что недавно случилось это.

Думаю, получаете вы писем много, но прошу дочитать и мое послание до конца.

Не буду сообщать о себе подробности, как и где воевал, дело не во мне. А в мальчишке. Встретил я его в июле 1944 года, когда освобождали Минск. Дали нам тогда задание — взорвать мост через одну реку, чтобы не дать немцам пополнить свои боеприпасы, которые они подвозили по железной дороге. Вышли мы к нужному месту двумя группами: одна ушла на другой берег, а мы остались на этом берегу. Залегли надолго. Мост усиленно охранялся, поезда шли друг за другом. Не подобраться нам никак.

Так вот, когда переходили линию фронта, с нами был один мальчишка, лет десяти-двенадцати. Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо. С нами в разговоры не вступал, да и мы его не донимали, понимали: раз ему разрешили с нами пойти, значит, тоже свое задание имеет. Вроде разведчика. С собой у него были какие-то наволочки, на продукты поменять, что ли. Маскировка, наверное. Это потом я уже узнал, что такие наволочки наверху деревьев развешивали для наших самолетов-разведчиков, указывали квадрат бомбежки.

Как только перешли нейтралку, наш сосед исчез. Да нам не до него было, все голову ломали, как задание выполнить.

На третий день мальчишка обнаружил нас. Вроде и спрятались, а глядишь ты — нашел. Лег за кустами с нами, за охраной наблюдает, как будто и ему надо. Не спрашивает ничего, глядит и глядит.

А в это время на станцию пришел один поезд под охраной и остановился. На соседний путь сразу же за ним подошел санитар-

ный эшелон. Открылись двери, стали кого-то выгружать, кого-то подгружать, бегодня, одним словом. Охрана отвлеклась, подошла к санитарным вагонам, стала расспрашивать, как водится.

Мальчишка наш вдруг говорит: «Дайте ВВ».

ВВ, сами знаете, товарищ писатель, сокращенно — взрывчатое вещество. Мы растерялись, сразу не нашли, что сказать. Я ему сунул ВВ, не думая, как оно ему понадобится.

А мальчишка погодя вышел на перрон, прошелся не спеша, и вдруг — нырнул под поезд. В это время раздался свисток, и поезд этот стал трогаться. Ну, думаем, всё — раздавили! Нет! Увидели, как постреленок успел перебраться в ящик под вагоном, где уголь возят.

Поезд стал набирать ход. А впереди него — мост, тот самый, который нам надо взорвать. И вот поезд уже на мосту. И где-то на середине моста слышались взрывы, вагоны стали друг на друга наезжать, грохот, крики.

«Подорвал себя!» — поняли мы, застыв на время. Но надо было быстро уходить. И мы снялись с места, пока нас не обнаружили.

Через полчаса догнал нас связной группы, что была на другом берегу. Она тоже стала отходить к лесу. Связной рассказал нам, что они видели, как перед взрывом с моста в реку бросился человек. Его заметила охрана, послали туда катер, чтобы выловить беглеца. Втащили его на катер и куда-то повезли.

Мы решили отбить пленного, соединившись с другой группой. Немцы привезли его в соседнюю караульную сторожку. Их было немного — человек шесть-семь. Мы их уложили сразу, когда ворвались в комнату. Они не успели даже ответить, не ожидали.

А мы все равно опоздали. Немцы прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови.

Мы осторожно сняли его с двери, кое-как перевязали, завернули в плащ-палатку и стали отходить. Нас вскоре обнаружили. Началась перестрелка. Потеряли шестерых, но сумели уйти от погони на время.

Мальчик все время бредил, просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой москов-

ский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса. Потом затих.

Нас загнали к реке. Мы нашли в камышах подтопленную лодку без весел, кое-как погрузили раненого вместе с двумя партизанами. А сами стали прикрывать их отход, боеприпасы уже кончались.

Через какое-то время немцы потеряли нас из виду.

Мы устало шли к партизанской базе и думали, каждый про себя, как там наши товарищи? Удалось ли оторваться от погони? Что с мальчиком? Выживет ли с такими ранами?

По прибытии доложили, что да как. Сообщили и о маленьком разведчике человеку из штаба. Тот молча выслушал, кое-что уточнил, потом сурово помолчал, махнул рукой и уехал.

А товарищей тех мы не дождались. Так и не знаем, какова их судьба. Что с ними случилось. И с мальчиком тоже.

Когда наши войска взяли Минск, я ходил по улицам, как будто что-то потерял. Случайно набрел на фотостудию. Решил сфотографироваться на память. И вдруг увидел в витрине фотографию нашего мальчишки. Не поверите! И я тоже не поверил вначале, когда увидел ее. Вбежал, схватил старого фотографа за руку и потащил на улицу к витрине. Тычу пальцем в снимок и спрашиваю, кто это? А тот ничего не поймет, растерялся, смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я чуть с ума не сошел от радости: все, думаю, сейчас узнаю, что за мальчишка, как зовут его, адрес домашний. Говорю, где квитанция, что там написано. А старик отвечает, нет квитанции, мальчик сам забрал свою фотографию, а эта — на витрине — для клиентов. Приходил с танкистами, с ними и ушел после съемки. Сведения на квитанции не помнит, конечно, — много людей снимается для документов, для себя, для друзей.

Я спросил, как к мальчику танкисты обращались, по имени, наверно. И тут фотограф стукнул себя по лбу, сказав, что вспомнил, да, называли они его Сан Санычем.

Значит, Александр Александрович. В десять-двенадцать лет по имени-отчеству.

После войны хотел я поехать в Москву, товарищ писатель, попробовать найти Сан Саныча или его мать, как придется. Но так и

не получилось. Женился, дети, работа. Нет-нет да вспоминаю тот июль сорок четвертого года, белорусскую станцию, взрыв поезда, караульную сторожку, мальчика в плащ-палатке.

Товарищ писатель, может, вам доведется в своей Москве узнать, где теперь Сан Саныч? Жив ли он?

Хотелось бы верить, что не зря мои товарищи полегли, вызволяя из плена мальчишку тогда.

Письмо помогала написать мне старшая дочка-студентка. Она читала ваши книжки про войну. Теперь читаю их я. Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей.

Подпись моя, конечно, неразборчивая, потому что двух пальцев на правой руке нет после одной нашей вылазки на железке. Да подпись и ни к чему. Речь-то не обо мне».

26 сентября 2015 г.

САН САНЫЧ

«Күндтэ үр зокъялч!

Партизан бээсн күн танд бичжэнэ. Та бас дээнд орлсиг, дээнэ хөөн болхла дадмг дээчмудын тууж-түүк хураж, дэкэд нег дегтр бичж харһхар седжэхитн соңслав. Мини келж өгхэр бээх тууж танд таасгдх-угаһинь меджэхшв, зуг тер бийнь келж өгнөв, юнгад гихлэ энтн ода күртл намд амр өгчөхн уга. Тер цагас авн кесг жил даввчн, эн йовдл шидрхн гилтэ учрсн болж медгднэ.

Бичгүдэс ик юм авдго болхит гиж сангдна, зуг мини чигн бич-сиг күцц умштн гиж суржанап.

Бийинм туск үг эс харчаснд альд, яһж дээллдж йовсан бичхшв. Көвүнэ тускар келнэв. Энүгитн би 1944-гч жилин така сарла, Минск сулдхж йовсн цагла харһув. Тер цагт маднд өггдсн даалһвр иим билэ — төмр хаалһар дээни зер-зевэн өөрдхдг немшнрин арһинь таслхин төлөд һолын хойр эргинь залһжах тагтыг нурах кергтэ бээсмн. Кергэн күцэх һазр талан бидн хойр багар энгрж һарувидн: нег баг телтр көвөһүр йовв, мадн болхла эн көвөднь үлдвдн. Кесг удан кевтвдн. Тагтыг арднь орж мандг билэ, һал тергд болхла дара-дарандан йовдмн. Өөрдх арһ һарлго бээв.

Фронтн межэ һатлж йовхд тегэд мадниг нег көвүн дахла, һасарн арвта-арвн хойрта. Бийнь бийән даажах бээдлтэ эс гихэс һань онцлг уга, өнгэрн түүкэ шар. Мана күндврт орлцдмн биш, бидн чигн терүг салвлж сурлго бээвдн: мадниг дахдг зөв авсндан салу даалһврта болжаһинь медүвдн. Туршулачин бээдлтэ. Бийлөһән тертн аль-бис дерин һадр авч, терүгән хот-хоолас дольхар бээх кевтэ гиж санувдн. Санһас, далдлвч боллта. Бомб хайсн цагтан мана туршул-нисклмүд төв тустха гихэд, орминь заһаһад, тер һадрмудыг модд деер өлгдгинь би хөөннь медүв.

Төвиг секгч орман давж һарсна дару мана көрш уга болж одв. Келхэс, яһсинь-кегсинь дала керглсн угавдн, эврэ даалһвран яһж күцэхв гиж зовжалавдн.

Һурвдгч өдртнь көвүн мадниг эврэн олж авв. Кедү бултсн бийнь — мана бараг тер аңхрв. Шагшг заагт маднла кевтэд, керг кеһэд харулчнрин ардас гетэд бээв. Юм суржаһн уга, зуг шилтж хэлөһэд бээнэ.

Тийгэ бээтл манста нег хал тергн өртнд ирж зогсв. Тер дарунь гилтэ зерглж бээх төмр хаалхарнь санитарн эшелон ирв. Үүдннь секгдэд, ю-күүхэн буулһад, наадк юман ачад, нег үгэр, сахньнад бээцхэв. Манст бээх салдснр оньган алдад, санитарн вагонмудур өөрдэд, авьяст тохрсарн шальшгльв.

Мана исэлэ гентки: «ХЮ өгтн», — гив.

Та меддгэр, үр зокъялч, ХЮ гиснтн ахрар — хahrдг юмн. Мадн тегэд үүмүвдн, тер даруһан ю келхэн медлго бээввдн. Юуни төлө суржахинь төртэн авлго би терүнд ХЮ бэрүлэд оркув.

Көвүн болхла давцгур һарад, адһм угаһар йовдннж йовад, гентки — хал тергн дор орв. Дигтэ тер цаглань бүшкүрин э һарад, хал тергн ормасн көндрв. Нэ, болва, дэврдж үкв! — гиж санувдн. Уга! Хэлэн гихнь, мана исэлэ вагон дор бээх нүүрс зөөдг яршгд орж одсн бээж.

Хал тергн түргдлв. Өмннь болхла — тагт, мин терүг мадн нурах зөвтэ билэвдн. Хал тергн тагт деер һарв. Тегэд тагтын тал дундннь тов хahrсн э соңсгдв, вагонмуд нег негэн дэврцхэв, хээкрэн-чишкэн эклв.

Нег зуур менрэд: «Өмнэсн хahцв!» — гиж санувдн. Зуг цаган геел уга тендэсн мөлтрдг керг билэ. Тегэд, мадниг аңхрад уга деер, ормасн көндрүвдн.

Өрэл час давад телтр көвэд бээх багин холвачн мадн тал ирв. Тер баг бас ө-модн тал һарх арһан хээсмн. Хahrлт учрхас урд тагт деерэс уснд күн унсиг үзсэн холвачн келв. Уснд унсиг харулчнр үзэд, бэрж авхин төлөд катер илгэсмн. Тегэд катер деерэн һарһад, авад йовж одцхаж.

Талдан багтаһан негдэд, бэрэнд туссн күүг сулдхж авхар шиивдн. Терүг немшнр хоша бээх харулын хорадан авч ирж. Тооһарн тедн дала биш бээж — зурһахн-долахн күн. Хорад орж ирм цацу мадн тедниг хаһад унһавудн. Санамр бээсндөн тедн нам хэрүдөн хаж чадсн уга.

Тер бийнь мадн оратувдн. Немшнр көвүг үүднд телэд, негнь болхла алх авад хурһдыннь балцлжасн бээж. Хармуднь тегэд амтта юмн уга билэ.

Мадн терүг арһулхн үүднэс буулһад, болс-бүтцэр бооһад,

плащ-палаткад ораһад, авад һарувидн. Удл уга мадниг үзцхэв. Халдан эклв. Зурһан күүһән үлдэвдн, зуг көөһэчнрэсн цаг-зуур мөлтрүвдн.

Көвүн даң негән келэд, Нээмдгчиг дуудхиг сурад бээв. Санхас, һардачнрнь бээсн боллта. Эврэ москуһин хайган дала олыг угаһар зааһад, экнь Наркомфинд көдлдгиг келэд, терүг цуһар таньна гиж медүлэд, бийнь болхла һурвдгч классасн дээнд гүүсән келв. Хөөннь тагчкрв.

Мадниг һолд шахв. Хулсн заагт селвүр уга оңһц олж авад, терүндән шавта көвүг болн хойр партизаниг эрә-керә ачвдн. Сумн чилж йовсн бийнь, тедниг зааград һартл мадн халдувидн.

Бән-бээж немшнрәс тасрж һарувидн.

Цуцрж йовх мадн партизанск бээрән темцж йовад: мана үүрмүд яһжадг болхв? көөж йовх немшнрәс алдрж һарсн болхий? Көвүн яһсн болх? Тиим күчр шавтаһан әмд үлдхий-угай? — гиж дотран санвдн.

Ирсәнннь дару учрсн тоотан келж өгвдн. Бичкн туршулачин тускар чигн аштабин күүнд келвдн. Тертн ә һарл уга соңсад, дәкәд ю-кү сурад, хөөннь халта кевәр тагчг бээжәһәд, һаран сажад, йовж одв.

Үр-өнгүдән болхла мадн дәкж үзсн угавдн. Яһсинь-кегсинь чигн меджәхшвдн. Юн учрсинь, көвүг яһсинь бас меджәхшв.

Мана церг Минск эзлснә дару би, нег юман геесн мет, уульцс эргүв. Хара бээхәр зург цокдг һазр тал ирүв. Тодлвр болж үлдх гиһәд, зурган цокулхар шиидүв. Генткн тегәд һәәхц деер мана көвүнә зургинь үзүв. Күн нам иткхн уга! Би чигн, үзсн цагтан, түрүн авгтан иткхн угав. Гүүж орад, медәтә зург цокачиг һараснь авад, һазаран, һәәхцүр чирүв. Хурһарн зург тал зааһад: эн кемб? — гиж сурув. Тер, көөркү, юн болжахиг медлго алцтрад, намд ад гем иржәвүзә гиһәд, бий талм хәләһәд бээв. Байртан бахтжах би болхла ухаһан ген алдад: нә, ода юн көвүһинь, неринь, геринь хайгинь медж авхув гиж дотран санув. Цаасн, таслвр хама, юн бичәтәв гиж суржанава. Өвгн болхла: «таслвр уга» — гижәнә, көвүн зурган авад йовж одсиг келжәнә, эннь — һәәхцд бәәдгнь — әмтн хәләтхә гиһәд, түңшнрт үлдәсн юмн бәәж. Танкистһриг дахж ирәд,

зурган цокулсаннь хөөн көвүн теднлэхэн хамдан йовж одла. Таслврт бээх тоотыг, хэрнь, тодлхшв, — зурган цокулхар дала эмтн ирнэ, — гив.

Танкистр көвүг яһж дууддгинь би сурув, санхас, нер-усинь задг бээсн болхгов. Тер саамла зург цокач мацнаһан цокад, тодлвриг сергэсэн медүлэд, терүгитн Сан Саныч гиж нерлдг бээсинь келв.

Тегэд, Александр Александрович болж харчана. Арвхн-арвн хойрхн настадан эцкиннь нер дуудулж йовна.

Дээнэ хөөн, үр зокъялч, би Моску орх саната билэв, тендэн Сан Санычыг эс гиж терүнэ экинь олж авхар санжалав. Зуг учрсн уга. Гер буулһув, үрдүд харв, көдлмштэн даргдув. Хая-нег тер дөчн дөрвдгч жилин така сар, беларусь һазра өртн, һал тергнэ хаһрлт, харулчнрин хора, плащ-палатк деер кевтх көвүн сангдна.

Үр зокъялч, та Моску балһсндан Сан Саныч ода альд бээдгиг медж авдг арһта болвзат? Эмдв-угав?

Көвүг бэрэнэснь сулдхсн цагтан мини үр-өңгүд хара зөндөн эмнэсн халһсн уга болх гиж, иткх дурн бээнэ.

Эн бичгиг бичхдм ууһн күүкн-оютн намд нөкд болв. Дээнэ туск дегтрмүдитн энтн умшла. Ода терүгитн би умшжанав. Дээнэ цагиг сергэхд амр биш, болв эс сергэхлэ улм күчр болна.

Һаран тэвсн бээдлм, хэрнь, тодрха биш болх, юңгад гихлэ нег дөкж мана баг төмр хаалһ тал һарсна хөөн барун һариннь хойр хурһн уга үлдүв. Нам һаран чигн тэвэд керг уга. Мини туск үг бишлм».

КАРТИНА

*Памяти художника
Ивана Никифоровича Стасевича*

В Белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме — пилотка, гимнастерка — с автоматом на груди. Сын партизанского отряда Ваня Станкевич.

А её фотографии нет. Потому что она не вернулась с задания — погибла.

Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет.

...Ваня рисовал с детства. Как только улучит свободную минуту, схватит карандаш и что-то в тетрадке чертит. Показывать не любил. Говорил, что пока не получается: самоучка. Но вот когда выучится на художника, тогда смотрите, сколько хотите. Может, даже в галерее или музее, на выставке. Домашние посмеивались, но не настаивали. А вдруг и вправду что-то получится.

В школе Ваня помогал старшим ребятам делать стенгазету. Рисовал черепаху, зайца, велосипед, машину. Это октябрятские «звёздочки» соревновались, кто лучше учится, ведь октябрята — прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Лучше у Вани получались зверюшки, остальное, особенно машина, не особенно. Велосипеда в семье не было. Полуторок в колхозе две, и то приходилось часто ремонтировать. Старушки, одним словом. Должны были получить новый грузовик.

Деревня Медведкино была небольшая, но ребят хватало. Играли в казака-разбойника, в «ножичек», в «пятнашки». Ваня играть любил, но больше — рисовать. Хотя бумаги не хватало, да и карандаш быстро тупился, приходилось его осторожно точить, чтобы не сломался грифель. Таких тетрадок с рисунками у Вани набралось несколько. Он хранил их в укромном месте, думая, что никто до них не доберется, особенно два старших брата и сестренка. Мама

тетрадки нашла случайно, открыла на минутку одну из них и быстро закрыла. Вроде как подглядывает — нехорошо.

А тут война началась. Взрослых забрали на фронт. Ушел и Ванин отец.

Остались в деревне старики, женщины да малые дети.

Скоро немцы дошли и до Ваниной деревни, забрали всех жителей. Ваня был в это время в лесу — рисовал сосны. Вернулся домой, а там никого нет. Бросился искать по деревне, но никого не нашел.

А утром в деревню зашли партизанские разведчики. Куда ему деться? Взяли с собой. Так Ваня оказался в партизанском отряде. Зачислили бойцом, выдали ему обмундирование, подогнав по росту. Стал он ходить в разведку.

В свободное время Ваня продолжал рисовать. Командир партизанского отряда Мишин подарил бумагу, карандаши. Не для баловства. Нужно писать лозунги, помогать в выпуске стенной газеты, да ему и не привыкать: в школе научился. Еще он рисовал портреты боевых товарищей. Получалось по-разному, но никто не корил; радовались, разглядывая себя, иногда указывая, где промахи: нос картошкой, уши торчком, глаз косит.

Однажды Ваня заболел, простудился на задании: нужно было переплывать речушку, а вода уже холодная, сентябрь. Вернулся, дрожит, как лист осиновый, температура, слег надолго. Ухаживала за ним Женя, медсестра в отряде. Давала лекарства, делала уколы, кормила-поила. Руки ее, когда она меняла компрессы на горячем лбу больного, были прохладные, но заботливые. Ване она казалась Царевной-лягушкой из сказки: все у нее получалось, быстро и ловко. И красивая была. Или она ему такой виделась, потому что они подружились.

У нее были светлые глаза и светлые волосы. Они на рисунках трудно передавались. Чего-то постоянно не хватало, а что именно — маленький художник не мог понять. Потому и прятал рисунки от всех, и от Жени в том числе. Хотя иногда хотелось ей показать — что она скажет? — но стеснялся. А вдруг ей не понравится.

Нечаянно рисунки эти увидел командир отряда, долго разглядывал, потом сказал:

— Похоже. Но можно и лучше. Старайся, Ванюшка. Рисуи. Потом отдашь мне, ладно? Какой-нибудь один, на память.

Ваня не удивился просьбе командира. Женя была в то время единственной женщиной в отряде. До нее тоже женщины были, одни погибли, другие ушли в соседний отряд по разным причинам.

Ваня потом отдал рисунки командиру, все, где была Женя. У него они будут в сохранности в штабной землянке.

Вскоре отряд попал в блокаду, немцы окружили лес, стянули войска. В день партизаны отражали несколько атак. Кончались боеприпасы, продукты. Надо было думать о прорыве. А для этого — послать людей в разведку, чтобы найти слабое место в фашистском кольце. Кругом болота. Пытались вслепую пробиться в нескольких направлениях, но встретили сильный огонь.

Ваня потом случайно услышал разговор в штабной землянке. Женя хотела пойти в разведку с ребятами, а командир не разрешал: опасно. Раньше она ходила на такие задания, выдавая себя за беженку или крестьянку. А тут командир почему-то запретил. Даже накричал на медсестру. Если уйдет, что будет с ранеными, о них она подумала? А Женя обещала скоро вернуться.

И не вернулась.

Как объяснили разведчики, они напоролись на засаду. Еле ушли. Пришлось Женю оставить там: пули попали ей в живот. Ребята только прикрыли ее ветками, чтобы немцы не наткнулись, даже на мертвую. Надо было выполнять задание.

Они нашли место для прорыва.

Отряд вышел из окружения. С потерями.

Ваня освобождал Варшаву, штурмовал Берлин, расписался на стенах рейхстага...

После войны он окончил Минское художественное училище, поступил в Московский художественный институт имени В. Сурикова. Для дипломной работы решил написать картину из военной жизни. Вспомнил Женю.

А рисунки свои он оставил тогда у командира отряда...

В 1958 году приехал на каникулы в Минск, разыскал своего командира.

Михаил Иванович обрадовался встрече, тому, что Иван теперь станет настоящим художником.

— Это здорово, Ваня! Ты же наш партизанский художник. Немного было таких в войну. Помню-помню твои карикатуры. И на Гитлера тоже. Ты его на сосну, как на кол, посадил. Я в тебя верил. Но кто знал, выживем или нет в той войне. Бог дал, свиделись.

Вспомнили прошлое.

— А я к вам, Михаил Иванович, за своими рисунками. Выхожу на диплом. Надо картину написать. На какую тему? Конечно, на партизанскую.

Хозяин оглянулся на соседнюю дверь, провел гостя на кухню. Видно, он завтракал, когда пришел Ваня. На столе чугунная сковорода с остывшей уже жареной картошкой с луком, рядом надкусанный кусок черного хлеба, алюминиевая вилка на клетчатой клеенке. Чайник на плите. Фартук на спинке стула. На подоконнике герань цветет. Старый холодильник с поцарапанной дверцей.

— Ты садись, садись, Ваня. С дороги же. Давай чайку, сейчас нагрею воду. Картошку будешь? Ты ешь, не стесняйся. Обед еще не ставили. Хозяйка приболела.

— Спасибо, Михаил Иванович. Сыт я. На железнодорожном вокзале в буфете перекусил.

— Ну так чаю тогда. Как же без чаю. Помнишь, наши партизанские чай? На листьях, на травах, на ягоде. Пахучий чай был тогда, не то что теперешний. Труха одна. Вот тебе чашка, сахар клади. Тебе сколько кусков?

— Да нисколько. Я чай без сахара пью. С тех пор. Привык уже. Не хлопчите, Михаил Иванович. Так что с рисунками? Далеко ли? Тут у вас, дома?

Михаил Иванович повернулся к плите, выключил газовую конфорку, поднял полотенцем чайник, снова поставил.

Потом развернулся к столу, сел, помолчал, опустив глаза.

Смахнул со стола хлебные крошки в рот.

— Вань... ты прости меня, старого, — медленно сказал командир. — Не сберег я твои рисунки. Поначалу хранил. В несколько газет завернул. На дне чемодана лежали. Потом во время переезда из коммуналки в эту квартиру недоглядел: хватились того чемодана, а нет его. Довоенный был чемодан. Много в него вмещалось вещей... Я, видишь ли, время от времени доставал твои рисунки, смотрел, вспоминал. Там же не только с Женей были...

Он помолчал.

— Что уж говорить... Давно это было. Любовь у нас Женей вышла. Любил я ее. Я ведь холостой до войны был, не успел жениться.

Михаил Иванович встал, отвернулся к окну, сказал приглушенно:

— Помнишь, окружение в октябре сорок второго близ Стожар? Когда ребята с разведки вернулись, без Жени? Рассказали, куда она ранена насмерть была. В живот. А у нее ребеночек зародился тогда. Призналась сама. Потому и не хотел я ее в разведку пускать. А она говорила, что срок маленький, ничего, а те места хорошо знает, ребятам поможет. Сколько раз в разведку ходила...

Вот говорят: время лечит, — повернулся ветеран к гостю. — Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком. Поначалу там, на войне, снилась. С ромашкой. Любила гадать: любит — не любит. А чего гадать? И так ясно. Помню, как-то веночек сплела из ромашек этих. На голову надела. Жаль, говорит, что зеркала большого нет, красиво, наверно. Да, красиво, говорю я. Да и как иначе?

— А имя Евгения переводится как благородная, — зачем-то сказал Иван.

— Да? — рассеянно отозвался Михаил Иванович. — Из простых она была, деревенских кровей.

Потом сказал, положив руку на плечо Ивану:

— А ты напиши, Ваня, картину по памяти. У тебя память-то

молодая, не сравнить. Опять же художник. Цепкий, значит, взгляд. Не забудь показать потом. Если жив буду. Сердце пошаливать стало. Детей у нас с женой нет, не случилось. Так друг дружку и поддерживаем. Как картину назовешь? Или не придумал еще?

— В белорусских болотах, — ответил Иван.

— В болотах, говоришь? — переспросил Михаил Иванович.
— Да, сколько их было на нашей памяти. Такое не забывается... Хорошее название, Ваня.

— И Женя там будет, — уточнил художник. — А рядом дети маленькие, наши партизаны.

— Это хорошо, — подтвердил Михаил Иванович, — что с ребятами. Все не одна на картине будет.

...В Белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть на стенде теперь такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме учится с колен стрелять из автомата, рядом присел инструктор, видимо, командир, всматривается в «мишень». Сын партизанского отряда Ваня Станкевич, ставший художником, автором той картины «В белорусских болотах».

13–14 апреля 2016 г. – 21. 02. 2017 г.

Элиста — Минск — Элиста.

ЗУРГ

*Зурач Иван Никифорович Стасевичин
санлднь*

Белорус келин-улсин Төрскэн харсгч Алдр дээнэ туужин музейд нег зург бээнэ: цергэ хувцта, арвн хойр дүң наста көвүн — пилотк, һадр киилг — өрчдөн автомат шахж. Партизанмудын багин исэлэ Ваня Станкевич.

Күүкнэ зург уга. Юңгад гихлэ, энтн даалһврасн эс ирсмн — эмнөсн халцсмн.

Ваанян зурсарнь тодлж болх билэ, зуг зургуднь музейд уга.

...Ваня бичкнөсн авн зура бээһэ. Аль-нег агчм учрхла, харндан авад ю-күүһән экләд девтртгән эрэлдмн. Үзүлхдән дурго болдмн. Ода деерән юмн болжахн уга: шинкн эклжәнэв гидмн. Зурачин эрдмтэ болснанм хөөн зу дэж хэлэтн гидг билэ. Галерейд эс гиж музейд, һөөхүлд чигн үзж чадхит гидмн. Гертксьн инэдг болвчн хөрдмн биш. Бән-бээж учрх чигн биз гиж сандмн.

Школд сурхдан Ваня ах көвүдт стенгазет зурхднь нөкд болдмн. Яст мекләг, туулаг, велосипед, маши зурдмн — сөөнөр сурдгудан йилһж авхин төләд «октябратнрин» багмуд тиигж дөрлддг билэ, юңгад гихлэ октябратнр — сурһальдан һавц, сурхдан дурта, кен ахан күндлдг көвүд-күүкд бээсмн. Аң-адусдыг зурхд амр болдмн, наадк тоотнь, нең үлү машин, мууһар һардмн. Дөрвн төгэтэ көлгн гидгэс колхозд хойрхн машин бээдмн, терүгинь чигн босад-босад ясдг билэ. Нег үгэр, буг. Аца зөөдг шин машин ирх гиж күлэжэсмн.

Медведкино хотн ик биш болвчн бичкдүдэрн олин болдмн. Тедн «Хорма хотн» нааддг билэ, шаһалцдмн, дөгдмн. Наадхдан Ваня дурта болдмн, зуг терүнэс давуһар — зурхдан дур татдмн. Цаасн хөөвртэ болдг бийнь, харндашнь дарунь мукарв чигн, зануринь зазмг кешгоһин төлә терүгән арһулхнар ниилүрддмн. Зургуднь багтсн кед-кедү тиим девтрмүдән Ваня тегэд хурасмн. Күн бичэ көндөтхэ, нең үлү хойр ахнь болн дү күүкнь һар бичэ күртхэ гийһэд, терүгән Ваня нег аглг һазрт хадһлдмн. Жеежэнь терүгинь санм-

ср угаһар үзэд, негинь секэд хэлэчкэд тер даруһан хэрү тэвв. Бултаһад хэлэжэсн болж медгдв — эвго.

Цааранднь дэн эклв. Залу улс дээнд мордв. Вааян эцкнь чигн йовв.

Хотнд зуг көгшд, гергд болн бичкдүд үлдв.

Вааян хотнд чигн немшнр күрэд, цуг улсиг тууһад авад йовж одв. Тер саамла Ваня ө-шуһуд бээсмн — харһа модд зуржасмн. Хэрж ирхлэнь, эмтэ юмн уга. Хотна гер болһнд орсн бийнь күн олдсн уга.

Өрүнднь болхла партизанрин туршулчнр хотнд орж ирв. Бичкниг хааран кехүв? Бийлэһэн дахулцхав. Партизан улсин багд Ваня тиигж туссмн. Бийднь болх хувц-хунринь өгв. Көвүн туршулд йовдг болв.

Завср учрхла Ваня зургудан зурдмн. Партизанмудын толһач Мишин цаас, харндас белглв. Хара зөндөн биш. Дуудврмудыг бичх кергтэ бээсмн, стенгазет һарһхд нөкд кергтэ болдмн: школдан тиигж йовснднь көвүнд тернь ацан болсн уга. Дөкэд болхла энтн дээч ахриннь зургудынь зурдмн. Зүсн-зүүлэр терүгэн зурдмн, зуг күн землдмн биш; бийинь дүрслсиг үзэд, байрлдмн, зөрмдэн дуту-дундынь: корнус хамрта, сергхр чиктэ, сольр нүдтэ болж үзгджэхинь заадг билэ.

Нег дөкж Ваня гемтв, хөөһүлд йовж йовад царцв: хол һатлх кергтэ бээсмн, усн болхла «жиң», һаха сар бээсмн. Хэрж ирэд, чичрэд, халу дөрэд, уданар гемтв. Багин медсестра Женя энүгитн арднь орж хэлэдг билэ. Эминь өгэд, уколмудынь тэвэд, хотлдмн. Халу дөржэх көвүнэ маңнаднь цур бэржэх терүнэ һарнь күүкд күүнэ килмжтэ седклинь медүлдмн. Тернь тегэд туульд харһдг сидтэ меклэ болж Вааянд медгдмн: эв-дован үзүлж, цуг тоотыг шулун-дулунар күцэдмн. Ташр чирэ-зүсэри чигн сээхн. Аль нээжлдсн төлөдөн тертн көвүнд тиим болж үзгджэсмн.

Тертн цевр хэлэцтэ, цээвр үстэ болдмн. Терүгинь зурхд амр биш билэ. Мел нег юмн дутад бээдмн, зуг юн дуту болжахинь — баһ наста зурач медлго бээв. Тиим учрас зургудан үзүлдмн биш, тер мет Женяһас чигн бултүлдг билэ. Зөрмдэн, күүкд күүнэ ухан-то-

олвринь медхин төлөд зэрмдэн үзүлх дурнь күрв чигн, эмэдмн. Эс таасгдхла яахмб.

Тер зургудын генткн багин хардач үзэд, удан хөөхж бөөхэд:

— Дураж. Зуг улм сээнэр чигн зурж болна. Чирмэхнчн, Ванюша. Дүрслхнчн. Хөөннь намд өг, нэй? Аль-негинь, тодлхин төлөд.

Хардач тиигснднь Ваня өврсн уга. Тер цагт Женя багин ор ханц күүкд күн болдмн. Терүнэнтн өмн бас күүкд улс бээсмн, зуг зэрмнь эмнэсн ханцсмн, наадкснь зүсн-зүүл учрар хоша бээх багмудт туссмн.

Женя бээсн зургудыг хөөннь Ваня хардачдан өгв, цугинь. Аштабин тошалад бүрн-бүтн хадһлгдх гиж санв.

Удл уга баг бүслврт тусв, немшнр ө-модыг бүслэд, цергэн өөрд-хж авв. Өдрт партизанмуд кесг дэврлһ сөргж, цухрулдг билэ. Сумн чилж йовсмн, хот-хол. Шурһх төр босв. Тиигхин төлөд эмтиг туршулд йовулад, фашистнрин бүслвртнь сулхн орминь олж авх кергтэ бээсмн. Эргнднь шигдэр. Кед-кедү дэжж зүсн-зүүл үзгэр шурһх архан хээсн бийнь, сүркэ халданла харһсмн.

Хөөннь аштабин тошалад болжах күүндвриг Ваня санмср угаһар соңсв. Залучудыг дахад хөөһүлд йовхар седжэх Женян шиидврлэнь хардач зөвшөрсн уга: ээмшгтэ. Урднь тертн зутаһулчин эс гиж эгл күүнэ дүрстөһөр тиим даалһвр күцэж йовсмн. Ода болхла хардач хөржэнэ. Нам дууһан икдүлэд бээв. Хөөһүлд йовсанчн хөөн шавта улс яахмб, теднэ тускар санхнчн? — гив. Женя болхла удл уга ирнэв гив.

Ирсн уга тегэд. Хөөһүлчнр келсэр, тедн гетэчнрлэ генткн харһв. Өрэ мөлтрцхэв. Женяһан тендэн үлдэв: күүкд күүнэ геснднь сумн тусв. Өмнэсн ханцсн күүкд күүг немшнр бичэ көндөтхэ гийһэд, залучуд терүг модна ацмудар халхлв. Бийснь даалһвран цааранднь күцэв. Шурһж хардг ормиг тедн олцхав.

Бүслврэсн баг харв. Һарутаһар.

Ваня цааранднь Варшаваг сулдхв, Берлинд күрв.

Дээнэ хөөн, зурачин эрдм авхар, Суриковин нергэ ик сурһульд орв. Дипломн көдлмшэн күцэсн цагтан дээни цагин зург зурхар шиидв. Женя тодлвртнь орв.

Тер цага зургудан болхла энтн багин хардачдан үлдэсн билэ. 1958-гч жилд каникулдан харсн энтн Минскд ирэд, эврэ хардачан олж авв.

Харһсндан, ода Иван йоста зурач болн гижэснднь Михаил Иванович эвр байрлв.

— Энчн йир сэн йовдл, Ваня! Чи мана партизанмудын зурачлмбч. Дээнэ цагт тиим улс цөн билэ. Хөкр зургудчн санандм орна. Гитлериг зурсчн бас. Чи терүгэн һаснд мет, харһа модн деер суулһсн билэч. Би чамдан итклтэ билэв. Зуг, эмд үлдх-угаһан медлго бээлэвдн. Теңгр хээрлэд, харһж йовнавдн.

Хуучан тодлцхав.

— Би, Михаил Иванович, зургудан авхар ирүв. Дипломан харсжанав. Зург зурх кергтэ. Төрнь ямаран? Партизанмудын тускар боллго.

Хажуд бээх үүдн талан хэлэхэд, герин эзн гиичэн заманд орулв. Ваня ирхд энтн өрүни хотан аршалжаж кевтэ. Ширэ деернь мэнгрс тэвэд шарсн боднцгта ширмн тээвэ, хажуднь хар өдмгин зүсм, терм эрэтэ хулдасн деернь алюминийэс кесн серэ. Цө деернь чененьг. Терз дорак ирмэгднь цецгэ. Шолврха үүдтэ хуучн киитрүлэч.

— Суухнчн, Ваня, су. Цуцрсн болхич. Цэ у, халулж өгнэв. Боднцг идхнчн? Ид-ид, хотас эмэдмн биш. Үдин хотан чанад угавдн. Герин күн бийнь тасго.

— Ханжанава, Михаил Иванович. Гесм цадхлң. Төмр замин вокзалын буфетд өлг аввув.

— Тиигхлэ цэ уухнчн. Цэ амсх кергтэ. Мана партизанмудын цэ сангдний? Хамтхаста, өвстэ, земсгнтэ. Тер цага цэ каңкнад бээдг билэ. Ода болхла хог-бог. Ааһ ав, шикр тэв. Кедү юм тэвхмб?

— Үчүкн чигн. Цээг би шикр угаһар уудув. Тер цагас авн. Давр болва. Михаил Иванович, бичэ сахьнад бээтн. Зургуд тегэд яһв? Хама бээни? Эн гертий?

Михаил Иванович беш тал эргэд, газин конфоркан унтраһад, арчураарн демнж чененьган өргэд, хэрү ормднь тэвв.

Дэкэд ширэ тал эргэд, сууһад, нүдэн буулһад, невчкн зуур тагч бээв.

Ширэ деерк өдмгин үүрмгиг цуглулад, амндан хайв.

— Вань... би чамас бурухан суржана, — гиж арлулхнар хардач келв. — Зургудычн хадлж чадсн угав. Дээнэ цаг, эврэн медхувч. Түрүн авгтан хадлжалав. Кед-кедү цааснд орасн билэв. Чемодана йоралднй кевглэ. Хөөннь, хуучн патьрасн нааран нүүхдэн, алдад оркжв: хэлэн гихнь, тер чемодан уга. Дээнэ өмн авсн чемодан билэ. Дала юмн багтдг билэ... Би, келхэс, бээж-бээжэхэд зургудычн хархад, хэлэхэд, тодлврмудан сергэдг билэв. Женян зургудас нань бас юмн билэлм...

Невчкн зуур тагчг бөөв.

— Юуһан келхв... Дала цаг давв. Женя ма хойр нег-негндэн дурта билэвидн. Би гер-мал болад уга билэлм, дээнэ өмн гер авх арһ учрсн уга.

Михаил Иванович босад, терз тал буру хандад, дууһан баһрулад:

— Дөчн хойрдгч жилин хулһн сарла, Стожармудын өөр учрсн бүслвриг сергэдүвч? Хөөһүлд йовсн залучуд хэрж ирсиг, Женя угаһар? Сумн альдаран тусад, яһж шавтасинь келвшн. Геснднь тусж. Тертн болхла тер цагт саата билэ. Бийнь келв. Тегэдчн би терүг туршулд тэвш угаһар седлэв. Болзгнь бичкн, ээх юмн уга, тер һазриг сөөнөр меддгтэн залусд нөкд болхув гиж, эврэн келв. Кесг дөкж туршулд йовад ирсн күн билэлм... — гив.

Цаг негэрн йовдго гинэлм, — сахлтл гиич талан эргв. — Негэрн бөөнэ, Ванюш. Нег кевэрн. Кедү жил давсн бийнь, келсн үгнь сангдна, дуулсн дууднь мартгдхш, бэрхд жөөлн, цөөвр үснь нүдндм үзгднэ. Чирэһинь болхла тодлхд берк. Будһрж, уганд бөөсн болж медгднэ. Түрүн авгтан, дөөнд, зүүдндм ордг билэ. Камб цецгэтэхэр. Тааж медхдэн дурта болдмн. Юуһинь таахв? Ил юмнлм. Тер камб цецгүдэн нег дөкж титмд ниилүлсинь тодлна. Толһадан зүүв. Ик толь угань хармслта, ке-сөөхн боллта гив. Э, гижәнэв, сөөхн. Нань юуһан келхв?

— Евгения гидг нертн цаһан ястыг медүлж, орчулгдна, — гиж хара бөөхэр Иван келв.

— Намый? — гиж Михаил Иванович салһтрсн хэрүһэн өгв. — Эгл күн билэ, уңг-тохмарн угатьрас.

Хөөннь, һаран Ивана ээм дөөрнь тэвэд:

— Чи, Ваня, тодлврмудан сергәһәд, зурган зур. Минид орхнь, наснчн баһлм. Ташр зурачлмбч. Нүднчн хурц болх зөвтә. Хөөннь үзүлхән бичә март. Кемр әмд бәэхләм. Зүркн зовадг болв. Аваль-таһан хоюрн бәәдвдн, үрдүд уга. Тегәд нег-негндән түшг болжа-навдн.

Зурган яһж нерлхәр? Аль нернь олдад угай?

— Белоруссин шигдәрт, — гиж Иван хәрүһән өгв.

— Шигдәрт гинчи? — гиж Михаил Иванович давтж сурв. — Э гихәс, мадн эс үзсн шигдәр угалм. Төрүц мартгдхш... Сән нерн, Ваня. Ик санан уга.

— Женя бас орх, — гиж зурач цәәлһв. — Хажуднь болхла бичкдүд, мана партизанмуд.

— Тиигснчн сән, — гиж Михаил Иванович зөвшәрв, — көвүд-тә хамдан гиснчн сән. Зургт бәэх терчн тегәд һанцардхн уга.

... Белорус келн-улсин Төрскән харсгч Алдр дәәнә туужин музейд ода иим зург бәәнә: цергә хувцта, арвн хойр дүң наста көвүн өвдглж сууһад, автоматас хадг дасчана, хажуднь суух инструктор «бә» шилтә хәләжәнә, толһачнь кевтә. Зурачин эрдмтә болсн партизанмудын багин исәлә Ваня Станкевич, «Белоруссин шигдәрт» гидг тер зургин түүрвәч.

ПУЛЯ

Под Смоленском в сентябре 1943 года его батальон трое суток не мог взять высоту. Враг сопротивлялся, ведя огонь из тяжелых орудий с разных позиций. Несколько наших танков было подбито, и в бинокль были видны развороченные снарядами, почерневшие от копоти машины, на башне — не успевшие спастись танкисты в обгоревших шлемах и комбинезонах. Пехота полегла уже на подступах к высоте.

Дмитрий Горбов командовал пулеметным расчетом. И, когда батальон пошел ночью на штурм высоты, он вскоре заменил погибшего наводчика. После короткой очереди ужас охватил его: пулеметная лента оказалась с трассирующими пулями, выдавшими противнику его расположение. Сразу рядом стали ложиться немецкие пули. Но Дмитрий продолжал стрелять, решив вызвать огонь на себя, чтобы помочь продвижению атакующей пехоты. Не успев вскрикнуть, погиб и помощник наводчика.

Вражеские пули уже стучали по щитку пулемета. Одна из них, найдя смотровую щель, пролетела и ударила Дмитрию в лицо. Он тут же лишился сознания. Когда пришел в себя, ничего не увидел и не услышал — кругом тьма и тишина. Не сразу понял, что случилось. Подумал: ночь, наверное, оглох от канонады, да и отстал от своих, которые ушли вперед. Нашупал рядом автомат: горячий, будто нагрелся на солнце.

На самом деле, прошло более суток после боя. Санитары, собирая раненых, приняли его за мертвого: все лицо залито кровью, тело недвижно. Пуля же, попав в правый глаз раненого, прошла дальше в голову, застряв в двух миллиметрах от мозга.

Дмитрия настигла боль — он прикоснулся к глазам: сплошная рана. Он ничего не видел!

Озираясь, услышав близкий стон, осторожно спросил:

— Кто тут?

— Свой. Рядовой Савельев. Ранен в ногу.

— Что сейчас — ночь?

— Полдень, товарищ сержант.

— Полдень?.. — помолчал. Значит, почти ослеп. Сколько времени прошло после боя?..

Потом позвал:

— Идти можешь, хлопец?

— Сам не смогу.

— Ползи сюда. У меня с глазами беда: ничего не вижу, темень сплошная, як в подполе.

— Тут я уже, товарищ сержант, — отозвался чужой голос.

— Сержант Горбов, запомни на всякий случай. С Ростовской области.

— Есть запомнить, товарищ сержант.

— Ну, вот и ладно. Давай выбираться, боец. Слепому безногий — поводырь, а безногому слепой — что костыль. Что ж тебя санитары не подобрали?

— Мимо прошли, наверное, товарищ сержант. Да я их и сам не заметил. Наверное, сознание потерял на время... Кое-как позже себе перевязку сделал. Может, вам тоже перевязку, товарищ сержант?

— Не надо. Кровь давно остановилась, аж корка на лице, не сколупнешь. Лучше не трогать лиха, пока оно тихо, как у нас говорят в сальских степях.

Так с трудом и пошли, помогая друг другу, по пути останавливаясь передохнуть. Разговорились на привалах.

— Товарищ сержант, а вы воевали раньше?

— Досталось, боец.

— Видать, вы человек бывалый. А я со школьной скамьи. Из Ельни я.

— На финской был, ранило меня, в госпитале лежал. Летом сорок первого пришел домой. Думаю, все, отвоевался. Двадцать пять годков как-никак. Жена у меня, Аня, двое сынишек. Решил дом строить. Из самана. Знаешь, что это такое? Слышал? Ну, так в субботу, 21 июня, кончили делать этот саман, полсела подмогнуло. А в воскресенье, 22 июня значит, начали всем миром строиться. Днем пошел я в магазин за водкой, чтобы отметить, как полагается, стройку. И там узнал новости. Прибежал домой с пустыми

руками, кричу: «Война с немцами, хлопцы!». А никто еще не знал, сразу даже не поверили. Как же, договор ведь с Германией этой заключили.

— Да, кто мог подумать, товарищ сержант.

— Через день ушел на войну германца бить.

— А меня недавно призвали, товарищ сержант. Я все пороги военкомата оббил, пока добился своего. Одноклассники на фронте тоже.

— Всем миром, как с Наполеоном. Страна наша большая, народу много, сдюжим, хлопец.

— Одолеем, товарищ сержант. Как же иначе?

— Да, боец, никак иначе нельзя. Вот только дойдем с тобой до наших, подремонтируемся малость, и в строй. Я до войны, видишь ли, на тракторе трудился. Не понаслышке знаю, коли механизм в порядке, то и работа всякая спорится.

Так и дошли до своих. «Битый битого ведет», как пошутил сержант Горбов.

Осмотрели его, как следует, и отправили самолетом в Москву в госпиталь. Уж очень необычный случай. Удивились те врачи такому пациенту, принялись за лечение. А пуля в голове сержанта оказалась блуждающей. И доставляла ему мучения.

— Братцы, хоть башку себе отрывай и выковыривай эту гулену оттуда, — говорил он, преодолевая боли.

Однажды в палате Дмитрий стал задыхаться. Раненые соседи послали за доктором. А один из них, могучий сибиряк, чтобы прекратить его страдания, не выдержав, вздумал помочь народным средством: несколько раз стукнул со всей силы здоровенным своим кулаком Горбова по спине.

И вдруг что-то металлическое цокнуло во рту по сцепкам, которыми раненому укрепили раздробленные зубы. Сразу стало легче, дыхание выровнялось, сержант повеселел.

А тут и доктор прибежал.

— Ну, вот, кричали, что Горбов умирает, а он улыбается, — говорит.

Разжали сержанту зубы, вытащили ту самую пулю, что тогда в

правый глаз залетела, — позеленела она уже за это время.

— Зеленая какая, — только и выговорил Дмитрий.

— От злости, наверное, — пошутил сибиряк. — Загостилась, негодяйка.

— Подальше бы от таких непрошенных гостей, — поддакнул другой раненый сосед.

— Доктор, а скажите, какая уникальная операция — без скальпеля. Удар кулаком — и вот она, пуля-то, — недоуменно вымолвил сибиряк.

— Да от твоего кулака и снаряд выскочит, — не то, что пуля, — радостно отозвался сосед.

А Дмитрий молча смотрел на пулю, которую дал ему в ладонь доктор, и только задумчиво качал головой.

— Пуля дура, а штык молодец, недаром говаривал Суворов, — заметил сибиряк, заключив свой диагноз.

— Если хочешь, оставь себе на память, сержант, — сказал доктор, наблюдая за Горбовым.

— Наверде оберега? — уточнил Дмитрий.

— Что-то вроде этого, — ответил тот.

— А я бы выбросил, — сказал сибиряк.

— Оставлю, — решил Дмитрий.

— Ну, и хорошо, — согласился доктор. — А левый глаз мы тебе подлечим.

— Будешь бить фрица одним глазом, — подхватил сибиряк. — Кутузов разбил же француза.

Горбову врачи вернули зрение на левом глазе.

И после выписки он снова ушел на фронт. А за тот бой наградили его орденом Славы третьей степени.

Служил до самого конца войны.

И всюду с ним во время войны в завязанном платочке кочевала та пуля. Время от времени он вынимал ее из кармана гимнастерки, рассказывал эту необыкновенную историю по просьбе любопытных людей, сам удивляясь своему везению.

Привез ее и домой, и когда в 1948 году переехали на новое место, в бывшую Калмыкию, взял с собой. Лежала она теперь в комо-

де на дне металлической коробки из-под леденцов, откуда хозяин изредка ее вынимал, сопровождая свой рассказ.

Жена при этом снова начинала плакать, никак не привыкнув к пуле.

Дети осторожно дотрагивались, переспрашивали, гордились отцом.

— Батя, ты, как Кутузов!

— Ну уж Кутузов! — неловко отмахивался отец, но самому было приятно, что дети чтят память о войне.

— Ты бы написал об этом, — посоветовал ему сосед-инвалид.
— Как все было. Пусть внуки и правнуки знают, как нам досталась эта победа.

— Запишу как-нибудь, — согласился Горбов.

16 августа 2015 г.

СУМН

1943 жилин хаха сарла Смоленскин эргнд терүнэ батальон хурвн хонгтан өөдм назриг авч чадад бээв. Хортн дээчнриг хэрү цокад, цуцрлт уга хаһад бээв. Мана кесг танксиг хамх цокад зогсав. Дурнавар хэлэхэг: халас харлад шатж одсн танкс деер зулж эс чадсн дээчнр эмн уга кевтцхэнэ. Йовһн церг кевтэн тер өөдмин хажуд цокгдад кевтснь үзгднэ. Дмитрий Горбов пулеметин баг харджала. Харңһу сөөһөр батальон тер өөдмиг авхар босхлаг, Дмитрий алгдсн толһачан сольв. Зуг терүнэ хасн сумн харңһу сөөһин аһарт мөр үлдәһэд бээв. Удлго терүнэ хажах ормиг хортн медэд, Дмитрий тал хэрү сумн күрэд бээв. Болв дээч шамдһаһар зогслго хаһад, дэврж йовһн цергчнрт дөң болхар седв. Сумиг төвөр йовулжасн нөкднь бас алгдна.

Хортн Дмитрийд толһаһан өндэдг зав өглго хаһад бээв. Болв нег сумн терүнэ чирэд тусна. Дмитрий ухан-сегән уга унна. Зөвөр цаг давад, сергэд ирхлэ, эргмдән харңһу таг, э-чимән уга. Юн болсинь медж чадад, сө гиж санв: дээнэ халданаһ таңхрв, көвүд уралан йовж одсн болжана. Һарарн хажудан шүүрхлэ, нарнас цонсн мет һал халун автомат бэргдв. Дээлдәнэ хөөн зөвөр цаг давж одж. Шавта салдсмуд цуглулж йовсн санитармуд Дмитриийг үкж одж гһһэд санж — чирәнһ өткн цусар бэрэтэ, бийнь көндрлго кевтж.

Хортна сумн терүнэ барун нүднднь тусад, толһанһн экнэс нег мисхл ормд торна.

Дмитрий өвджэх нүдән бэрэд хэләнэ, ик шав, төрүц юмн үзгджэхш.

Энд-тендән эргжэхлэ, хажуднь күүнэ зовсн э соңсгдсн болна.

— Кембч?

— Би танав, эгл салдс Савельев. Көлм шавта.

— Ода ямаран цаг? Сө?

— Һал үд, үр сержант.

— Һал үд? — тагчг болна. Би сохрсн болжанав. Дээлдснэ хөөн кедү цаг давсн болхв?

— Йовж чадхвч, көвүн? — Дмитрий дуудна.

— Эврән йовж чадшгов.

- Нааран мөлк. Мини нүдн юм үзжэхш, харцһу таг.
- Би хажудтн бээнэв, үр сержант, — гинэ көвүн.
- Би Дмитрий Горбов, тодлад авчк.
- Тодлад авхув, үр сержант!
- Болжана. Эндэс хархмн, салдс. Сохр күүнд көл угань көт-лврч, доһлнгднь сохрнь — тайг. Чамаг санитармуд яһад эс авсмби?
- Хажуһар давсмн болжана, үр сержант. Би тедниг үзсн чигн угав. Үкүд кевтсн бээдлтэв. Эрэн гиж көлэн боовв. Тана шавиг бас боохмн болвза?
- Бэг. Цусн хардган уурв, нам хатад көндөхмн биш. Тагчг дернь тагчг бээхмн, гиж мана сальск теетг келдмн.
- Тиигэд тедн йовн йовж амрсн цагтан, хоорндан күүндэд, нег-негдэд дөң-түшг болцхав.
- Үр сержант, та урднь дээлдж йовлт?
- Зөвөр дээлдлэв, салдс.
- Та тиигхлэ, дамшлтта болжанат. Би школд сурчалав. Ельня гидг һазрасв.
- Финск дээнд намаг шавтала, госпитальд эмнлһ авлав. Дөчн негдчин зунар герүрн ирлэв. Дэн чилвэ гижэлэв. Яһдг болвчн хөрн тавталм. Мини гергн Аня, хойр көвүтэв. Гер бэрхэр седжэлэв, саманар.
- Энүг ямаранинь меддвч? Соңслч? Мөчн сарин 21 саман кеһэд чилэввидн, селэнэ ик зунь дөң болв. Нарн өдр тосхлтан эклэд кежэнэвидн. Өдрэр би эмтнд хот өгхэр, лавк орад эрк авхар йовлав. Тенд би зэңг соңсув. Герүрн хоосн гүүж ирэд хээкржэнэв: «Немш-нрлэ дэн эклжэнэ, залус!». Күн меджэсмн уга, нам иткжэхш. Юн болжахмб? Германьяла бооца кеснь юмб?
- Кен медлэ, үр сержант?
- Нег өдр болад немшнрлэ дээлдхэр һарв.
- Намаг, үр сержант, одахн йовуль. Би сурад-эрэд бээж эрэн гиж күслдэн күрүв. Нанта сурчасн көвүд бас дээнд мордцхав.
- Делкэ кевтэн, Наполеонта дээлдснлэ эдл. Мана орн-нутг ик, эмтн оһн, даахвидн.
- Даахвидн, үр сержант. Талданар болшго.
- Талданар болшго, салдс. Эврэхстэн күрэд, бийэн ясж авад

дэжн дээчнрин зерглэнд орхвидн. Би дээнэ өмн тракторд көдлдг билэв. Төмр эрэсн сээнэр көдлхлэ, ямаран чигн көдлмш күцэгднэ.

Тиигэд тедн эврэхстэн күрнэ. «Доһлң сохран дахулж йовдг», — гиж Горбов шоглна.

Эмчнр терүг шинжлэд хэлэхэд Москва тал нисдг машинэр йовулна. Дегд үзгдэд уга шав.

Дээчин шавиг эмчнр өврэд эмнлхэн эклнэ. Сержантин толһад орсн сумн нег ормдан торлго, көндрэд орман соляд бээв. Терүндэн йир икэр зовад, Дмитрий өвдкүрэсн яахан медж чадад бээв.

— Үүрмүд, өвдкүр күчр, толһаһан таслх дүнгэ күчр болжана, — гиж Дмитрий келнэ.

Нег дэжж тер киийһэн авч чадад түңшэд бээв. Хажуднь бээсн гемтэ дээчнр эмчиг дуудулна. Тедн дундас күчтэ чидлтэ Сиврт өссн залу зовжах сержантд дөң болхар өөрднэ. Улсын авьясар ик алх мет нудрмарн Горбовиг нурһарнь цокад авна.

Генткн Дмитрийин амн дотр төмр юмн шүдинь цокад унж ирнэ. Тер дарунь серл орад, гиигрэд одна, киийһэн авад сержант тиниһэд бээв.

Эмч гүүж ирнэ.

— Тадн Горбов үкжэнэ гиж хээкржэлт, энтн инэжэдг болдмб? — гиж сурна.

Сержантин аминь секэд, шүдинь зааглад — барун нүднднь орсн сумн цокхла унж ирсиг һарһад авна. Сумн зеврэд бээж.

— Ямаран зевтэ, — гиж зуг сержант келв.

— Уурлад бээж тиигсн болжана, — гиж сиврин күн келнэ. — Дегд удандан гиичлсндэн элмр.

— Иим эс дуудсн гиичэс холд йовсн деер, — гиж талдан негнь келнэ.

— Хэлэлт, эмч, ямаран айта эмнлһн — хурц утх угаһар. Нудрмарн цокад орсн — болва! Сумн эврэн һарч ирвэ, — гиж сиврин күн келнэ.

— Чини нудрмас бууһин сумн биш товин сумн унж ирх, — хоша кевтсн күн келв.

Дмитрий тагчгар альхн деер бэржэх сумиг хэлэхэд, толһаһан зээлэд бээв.

— Сумн хэргтэ, жид ухата гиж хара биш Суворов келдг билэ,
— гиж сиврин күн ашлж шоглна.

— Авхар седжэхлэ, ав, сержант. Зэрмдэн хэлэлхэд бээхч, — гиж эмч келв.

— Авхмн бээлтэ, — гиж Дмитрий хэрү өгнэ.

— Тиим чигн болх, — гив тернь.

— Би хайчкх билэв, — гиж сиврин күн келв.

— Үлдэнэв, — гив Дмитрий.

— Сэн, — гиж келв эмч. — Зүн нүдич бидн эмнхвидн.

— Дээсэн нег нүдэрн олж алхч, — гижэнэ негнь. — Кутузов французиг хамх цоклус.

Эмчнр Горбовд зүн нүдинь эмнв.

Эмнлһнэ хөөн Дмитрий хэрү дээнд орв. Түрүн дээлдсндэн тер Туурмжин ордена һурвдгч девснгер ачлгдв. Дэн төгстл дээлдв.

Альд йовб чигн бийлэлһэн тер альчурт боосн суман бэрж йовб. Зэрмдэн тер, күүнэ сурврар, һадр киилгиннь даһмасн һарһад овэрц туужиг келж өгдмн.

Тер сумиг Дмитрий гертэн авч ирв. Ода сумн кампадин хала хээрцгин йоралд тэвгдв. Хая-хая эзнэ терүг һарһж авад келврэн да-хулж эмтнд үзүлдг болв.

Тер цагт сумиг үзн, гегнь шинэс асхрулад уульдмн.

Бичкдүднь тер сумиг арһул көндэлхэд, эцкэрн бахмж кедмн.

— Эцк, чи Кутузовта эдл болжанач!

— Кутузов болхий? — гиж эмэлхэд, эцкнь үрднь дээнэ тускар келжэхиг таасад хэрү өгдмн.

— Чи тер йовдлин тускар бичхнчн, — гиж хоша бээх эрмдгтэ залу келнэ. — Чини хөөт үйнр, маднд тер дэн ямаран зовлң өгсинь, яһж Диилвр бэрсиг, умшад медтхэ.

— Яһад болвчн бичхгов, — гиж Горбов зөвшэлв.

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ СТЕПНОГО ВЕТРА»

ОДУВАНЧИК

В стране Одувании, в городе Одуване, на улице Одуванчиков жил-был маленький Одуванчик.

Он был такой маленький, что, когда шел по улице, заранее предупреждал:

— Осторожнее! Это я, маленький Одуванчик, иду!

И, услышав звонкий голос Одуванчика, все расступались и давали ему дорогу.

Маленький Одуванчик был ужасный шалунишка. Он дергал за косички одуванок, дрался с одуванчиками, плохо учился в школе, дерзил взрослым. Однажды он даже устроил в Одуване наводнение, из-за чего многие его жители едва не утонули, а половина всех домов была разрушена. Никто не знал, что это сделал Одуванчик, а он, испугавшись, промолчал.

Но через некоторое время Одуванчик перевел часы на городской башне на несколько часов назад, и жители Одувана опоздали на работу. Все очень рассердились, когда узнали, что это сделал Одуванчик.

— Простите меня. Я больше не буду, — сказал жалобным голосом маленький Одуванчик и заплакал.

Ему поверили и простили.

А маленький Одуванчик пачкал белье, которое сушилось на солнце, разбивал стекла в окнах, тушил китайские фонарики, которыми жители Одувании пользовались как источником освещения улиц.

Вскоре маленький Одуванчик так вырос, что все говорили ему Одуванчик, а не маленький Одуванчик.

Одуванчик очень гордился своим ростом и презрительно относился к маленьким одуванчикам, забыв, что он тоже когда-то был таким же, как они.

Одуванчик не учился и не работал. Он веселился.

Ему было хорошо, когда он бездельничал, и плохо, когда он работал.

И в Одуване его стали называть Одуванчиком, который ничего

не делает, потому что жители Одувана были трудолюбивыми и не любили лентяев.

Однажды к Одуванчику пришел Одуван Одуваныч, самый старший и самый уважаемый в Одувании одуванчик. Он посмотрел на Одуванчика, который грелся на солнце, растянувшись под кустом, и пел какую-то песенку, и сказал:

— Одуванчик, который ничего не делает, тебе не надоело бездельничать?

— Нет, — беспечно сказал Одуванчик, который ничего не делает. — Мне очень не надоело бездельничать. Я могу все время, всю жизнь бездельничать.

— Очень жаль, — сказал грустно Одуван Одуваныч. — Я вижу, это правда.

— Правда, правда, — подтвердил Одуванчик, который ничего не делает, и засмеялся.

Но смех у него был нехороший.

— Жители Одувана просили меня передать тебе, что пока ты не станешь работать, тебе не будут давать есть.

— Вот еще! — фыркнул Одуванчик, который ничего не делает, и даже сел. — Буду я работать! Сами работайте!

— В таком случае, — вздохнул Одуван Одуваныч, — жители Одувана просили меня передать тебе, что они не хотят больше видеть тебя в нашем городе.

— Значит, вы меня выгоняете? — удивился Одуванчик, который ничего не делает. — Ну, что ж, я пойду в Одуванин. Они меня давно приглашали.

— Тебя оттуда тоже рано или поздно выгонят, — печально заметил Одуван Одуваныч. — Ведь ты не любишь работать.

— Ну и что? — засмеялся Одуванчик, который ничего не делает. — В конце концов, в Одувании много городов.

И Одуванчик, который ничего не делает, ранним утром ушел из Одувана.

Он шел в Одуванин.

Но там он недолго прожил. Жители Одуванина тоже не любили бездельников.

И ходил Одуванчик, который ничего не делает, из города в город, и везде его прогоняли.

Состарился Одуванчик, который ничего не делает. Поседела его голова, но он по-прежнему не хотел ничего делать.

Шел как-то Одуванчик, который ничего не делает, по лесу и думал, что идти-то ему больше некуда. Был он и в Тюльпани, и в Маки, и в Ромашки, но нигде не задерживался. Пошел бы в другие страны, да как слышали там об Одуванчике, который ничего не делает, и не захотели впускать к себе. Кому нужен бездельник?

«Почему я такой несчастный? Почему у меня нет теперь Одуванки, Одувана и улицы Одуванчиков? Ведь я там рос, жил, знал всех. Почему же теперь, когда я стар и уже не могу работать, меня по-прежнему гонят из страны в страну? Почему?..».

Думал так старый Одуванчик, который ничего не делает, жалко ему стало себя.

Одуванчик, который ничего не делает, пока шел, устал и сел отдохнуть под деревом. Уснул и не заметил, как наступил вечер, как пришла ночь...

Снился ему прекрасный сон.

Идет он себе по улице Одуванчиков, все ему дорогу уступают, кланяются, сердечно беседуют. А когда сел на скамейку, обступила его золотоголовая детвора, стала теребить, просить сказку рассказать. Стал он им сказку рассказывать, стал...

Тут проснулся от утреннего холода Одуванчик, который ничего не делает, и увидел, как важно и медленно поднимается над лесом солнце.

Забыл Одуванчик, который ничего не делает, о старости, хотел побежать встречать солнце да упал.

Заплакал старый Одуванчик, который ничего не делает. Вспомнил свое детство, вспомнил молодость, и жалко ему стало, что так быстро прошла жизнь...

...Они пришли на рассвете. Он и Она. У нее были смешные косички. Она все время смеялась так, что проснулись все птицы и

цветы. А Он смотрел на Нее и тоже смеялся.

— Смотри, одуванчики! — закричала Она и осторожно сорвала одуванчик.

А Одуванчик, который ничего не делает, с любопытством наблюдал за ними. Он стоял неподалеку, у самых Ее ног, и, запорокинув седую голову, тонко смеялся.

«Какие красивые и молодые! — подумал он. — У этих вся жизнь впереди!»

— Вся жизнь... — повторил он и вздохнул.

А Она поднесла ко рту одуванчик и дунула.

Ветер подхватил парашютики одуванчика и быстро унес.

Задрожал, увидев это, Одуванчик, который ничего не делает, стало ему страшно, кинулся он со всех ног от Нее и не услышал, как Она засмеялась и, отбросив голый уже стебель, сказала:

— Смотри-ка, один раз дунула и — ничего нет! Я буду счастлива: есть такая примета.

А Одуванчик, который ничего не делает, с тех пор стал трусливым и потому подозрительным.

Он прятался ото всех, никого не хотел видеть, и вскоре все забыли о нем.

Время шло...

Одуванчик, который ничего не делает, еще больше состарился. Он едва передвигал ноги.

Ему все время хотелось спать.

Однажды он прилег, как всегда, под кустом и заснул. Ему уже не снились сны. Он спал целый день.

А вечером лесом шла корова, которая отбилась от стада. Корова прошла мимо куста, под которым спал Одуванчик, который ничего не делает, и задела его. Одуванчик, который ничего не делает, был так стар, что уже не проснулся.

А на следующее утро мимо шли жители Одувана.

Они не сразу узнали Одуванчика, который ничего не делает, а когда узнали, то даже не пожалели старого Одуванчика.

Шло время...

Старого Одуванчика, который ничего не делает, не вспоминали.

А если кто-нибудь случайно вспоминал, то говорил: «А, вы говорите о том самом Одуванчике, который ничего не делал?..»

Такая осталась память об Одуванчике, который ничего не делал.

2002 г.

ЖАМБ ЦЕЦГ

Жамб цецгүдин орн-нутгин нег балһсна уульнд Бичкн Жамб цецг бээж. Эн нурһнь бичкн болсдан уульңар йовхларн цугтад-нь соңсулад:

— Арһулдтн, би — Бичкн Жамб цецг аашнав! — гиж ик холас дууһан өгдг бээсмн.

Төрүнэ жиңһсн дууһинь соңсад, цуһар энүнд хаалһ өгдмн.

Бичкн Жамб цецг йир альвн бээсмн: бичкдүдлэ ноолддг, тед-ниг үснэснь үмтэдг, сурһулян мууһар сурдг билэ.

Нег дэжж Бичкн Жамб цецг бүкл балһсиг уснд чивүлн гив. Ти-игхд олн гермүд уснд авгдсмн. Бичкн Жамб ээхлэрн үг алдлго тагчг бээв, тегэд кен эн зеткриг учрасинь күн медсн уга.

Түүнэ хөөн Бичкн Жамб балһсна цутхлң талвнд бээсн часын стрелксинь кесг час хооран кенэд, цуһар көдлмшэсн дутв. Эн үү-лиг Бичкн Жамб һарһсинь цуһар медэд, энүнд уурлв.

— Гемим тэвтн. Үүнэс хооран дэжж тиигшгов! — гийһэд гемэн сурад уульһлань цуһар энүнд иткв.

Зуг Бичкн Жамб альвдгн уурсн уга. Ээврт хагсахар өлгсн хувц-хунр будад, күүнэ терзин шил цокж күүлэд, уульңин шам хамхлад, цугтаднь һэ болдмн.

Тиигэд Бичкн Жамб өсэд, энүг Жамб цецг гиж нерэддг болв. Өндр нурһта болсарн бардмнад, эн бичкдүдиг дөөглж наад бэрдг болв. Цагтан эврэн бас тиим бичкн бээсэн эн мартчкж.

Жамб цецг юм кехдэн дурго болдмн: сурһуль чигн сурхш, көдл-мш чигн кехш. Хара бээхлэрн, амрад бээнэ. Тегэд цуһар энүг Хара бээдг Жамб гиж нерэддг болв. Юңгад гихлэ тедн бийснь көдлмшт дурта төлэдэн юм келго хара бээдг улст дурго болдмн.

Нег дэжж Жамб цецгүр хамгин тоомсрта көгшн Жамб цецг ирнэ. Хара бээдг Жамб нарнд бийэн эһһэд, ду дуулад кевтнэ.

— Хара бээдг Жамб цецг, юм келго яһж тесч бэнч? — гиж көг-шэ энүнэс сурв.

— Бийтн насни турштан чигн юм келго бээж чаджанав, — гиж тернь өмнэснь сөрсэв.

— Харм төрхд, келснчн үнн кевтэ. Эс көдлхлэ эдлх хот чигн

уга үлдхч. Терүгэн санн бэ. Хара бээхлэчн чамд хот-хол өгшго-видн, гиж манахс келүлв.

— Эврэн көдлцхэтн! Би тас юм кешгов!

— Не, тиим болхла мана балһснд бээһэд чигн чамд керго, гиж цуһар шиидсн билэ.

— Тадн намаг көөжөхмт? Тиигхлэ би талдан балһснд чигн бээхв. Намаг тедн иртхэ гисн билэ.

— Көдлмшт дурго чамаг тендэс чигн көөхнь маһд уга, — гиж көгшн Жамб саглв.

— Тендэс намаг көөвчн мана орн-нутгт балһсдас ик юмн уга.

Маһндур өрүнднь Хара бээдг Жамб эрт босад йовж одв. Талдан балһснд ирвчн, тенд бас удан торсн уга. Көдлмш кедго улст тенд чигн дурго болна. Хама йоввчн — цуһар энүг хээлнэ.

Жилэс жил давад, Хара бээдг Жамб үснднь буурл орад, көгшрэд ирв. Зуг тер кевтэн эн юм кехдэн дурго.

Нег дэж ө-шуһу модн дотраһур йовж йовад, эн уха тунһана: «Нанд нам оддг һазр чигн дэж уга болжана. Бамб цецгинд, Камб цецгинд, нань чигн һазрт удан бээж чадсн угав. Талдан цецгүдин орн-нутгур одхар седхлэ, тенд мини нерим соңсчкад, цуһар намаг көөнэ. Кенд кергтэ болжахмб би? Яһсн дуту хөвтэ бээсмб би? Жамб цецгүдин орн-нутг — төрскн һазрм билэ. Тенд би өсч бослав, цуһаранинь таньдг-меддг билэв. Ода көгшрх насндан чидлм хэрэд, көдлдг арһ уга болхларн юнгад би һанцарн үлдсн болхмб, юнгад намаг цуһар көөдв?» — гиж эн санна.

Хара бээдг Жамб йовж-йовж, муурад модна сүүдрт амрад суухларн доран үрглэд унтж одна. Өдрин гегэн тасрна, асхн болна, дарунь сө бууна — Жамб цецг серхш.

Унтсн Жамб цецг сээхн гисн зүүд зүүдлнэ: эн эврәннь Жамбин орн-нутгар йовсн болна. Цуһар энүнлэ мендлэд, ю-бис күүнднэ. Амрад суухлань, бичкдүд эргэд-бүслэд, тууль келж өгхинь сурна. Жамб цецг теднд эклэд тууль келнэ...

Жамб цецг даарад серв. Тиигн гихнь өрүн чиг һазрт буусн бээж. Орчлңгин шар нарн адһн уга деегшлж йовна. Көгшрсэн мар-

тсн Жамб цецг босч йовх нар тосхар гүүхлэрн, доран бүдрж унв. Хара бээдг Жамб санамр бичкндкэн, баһ цаган санад уульв.

Насн ирэд, хөөткнь холдад, өмнкнь өөрдсиг эн ода ирж медв.

...Нег өрүн, нарн һарад уга кемлэ күүкн көвүн хойр ирв. Күүкнэ байрта инэднэс эргндк шовуд боли цецгүд серцхэв. Көвүн күүкиг дахад инөһэд, сээхн чирэ-зүсинь һээхнэ.

— Хэлэ — жамб цецгүд! — гиһэд, күүкн нег цецг таслж авв.

Хара бээдг Жамб тедниг үзн: «Эдн сээхн баһ наста, эднэ жирһ-лин хаалһнь шинкэн эклжэнэ. Кех-күцэхнь олин», — гиж һундрхж саначлв.

Тер хоорнд күүкн бэржэсн жамб цецгиг көркхн урлдан өөрдхж үлэхэд, делвинь салькнд нискчкв...

Энүг үзсн Хара бээдг Жамб цецг сүрдэд, теднэс зулад гүүв.

Күүкнэ хартан бэржэсн цецгэн хоосн ишиг хооран хайчкад инөв:

— Би кишгтэ болхув, юнгад гихлэ нег үлэхэд, делвинь цугинь нискчкв. Йорнь тиим.

Жамб цецг түүнэ хөөн дангин юмнас чочад, цугтаһаснь бултдг болв. Тиигэд нам энүнэ тускар цуһар күн мартчкв.

Цаг дахад, Хара бээдг Жамб улм көгшрэд, эрэ йовдг болв. Оньдин үрглэд, сүүдрт эн кевтнэ. Нег дэжж эн бут дор кецөһэд сун сууж унтж одна. Өдртэн унтвчн зүүдн чигн орхш.

Асхнднь ө-шуһу моднд төөрсн үкр йовж йовад, бут дор унтж кевтсн Хара бээдг Жамб цецгиг ишкэд, цааран йовж одв. Көгшн Жамб цецг серсн чигн уга...

Түүнэ хөөн дала цаг давв. Жамб цецгин тускар цуһар мартчкв.

Хая-хая түүнэ тускар күүндхлэ, негнь келдмн: «А, тадн одак Хара бээдг Жамбин тускар келжэнт?» — гидмн.

Юнгад гихлэ эн Жамбас сэн нерн чигн үлдсн уга.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Росло в калмыцкой степи одинокое дерево. Состарилось, все время дремало, забыв, как его зовут. Под ветром кряхтело, но не сдавалось. Весной, когда появились на дереве вновь зеленые листья, остановилась возле него голубая машина. Из нее вышла маленькая девочка, подбежала к дереву и обняла его ствол. Она развязала розовый бантик на одной своей косичке и принялась крепить на ветку. Но ленточка вырывалась из рук.

— Ленточка, будь послушной, — попросила девочка. — Давай украсим дерево.

Подошла мама, стала помогать дочке.

— Есть такой народный обычай, — пояснила она, завязывая ленточку. — Путник должен остановиться у одинокого дерева, чтобы ему не было грустно, поговорить с ним, повязать ленточку желанья, и дерево обязательно исполнит его.

— Потому что доброе? — спросила дочка.

— Доброе, ведь это дерево жизни, — сказала мама. — Береги его.

Розовая ленточка весело поздоровалась с веткой и погналась за ветром.

17 марта 2020 г.

ЪАНЦ МОДН

Хальмг теегт һанц модн урһсмн. Медэрэд, мел нөөрин ард бээһэд, нам бийинь яһж нерлдиг мартсмн. Салькнд түңшв чигн, бийән өгл уга бээсмн. Хавртнь, модна ацмуднь шинэс бүчрлхлә, энүнә өөр гиигн көк машин зогсв. Терүнәс бичкн күүкн һарад, модн тал гүүж өөрдэд, энүг теврв. Эврә нег күкләсн оошк өңгтә бант тээлж авад, модна ацднь экләд боов. Зуг тернь һараснь алдрад бээв.

— Ооср бүч, соңсурч болхнчн, — гиж күүкн сурв. — Эн модыг кеерулий.

Экнь өөрдж ирэд, күүкндән нөкд болв.

— Мана улст тиим заңшал бээнә, — гиж бүчиг бооһа бээж, экнь цээлһв. — Йовдсн күн һанц модна өөр зогсад, эн бичә уйдтха гиж, энүнлә күүндж, күслин бүчән боох зөвтә, модн тегәд тер күслин эркн биш күцәдмн.

— Цаһан седклтә болдгтан? — гиж күүкн сурв.

— Цаһан седклтә болдгтан, яһад гихлә, энчн жирһлин модн, — гиж экнь келв. — Энүг хадһлх кергтә.

Оошк өңгтә бүч цеңглгәр модна ацла мендлж, салькнла урлдв.

КТО ГЛАВНЕЕ?

А и **Я** сидели на скамейке и спорили, кто из них главнее в алфавите.
— Конечно, буква **А**, — гордо сказала **А**. — **Я** начинаю алфавит, а ты завершаешь.

— Нет, главная буква **Я**, — возразила **Я**.

— Почему? — удивилась **А**. — Ты самая последняя буква русского алфавита — тридцать третья. А я — первая!

— Ты первая с начала алфавита, а я первая с конца алфавита.

— И что?

— Во-первых, мы равны, потому что открываем и закрываем все остальные буквы в рядах. Во-вторых, я все равно главнее, — повторила **Я**.

— Чем главнее? — не сдавалась **А**.

— Смыслом, — заявила **Я**. — **Я** — это местоимение, **А** — все-го-навсего союз.

— У всех букв свой смысл, — настаивала **А**.

Подошла буква **И**, села рядом с буквой **А**.

— Пересядь, — сказала ей **А**. — Первая по алфавиту я.

Буква **И** пересела.

— Пересядь, — сказала теперь ей **Я**. — Последняя буква алфавита не ты, а я.

Буква **И** уселась между буквами.

— Ты что — не знаешь алфавит? — спросила **А**. — Возле меня может сесть только буква **Б**.

— А передо мной может сидеть только буква **Ю**, — упрекнула **Я**.

— А этих букв сейчас нет рядом, — заметила **И**. — Сами неправильно сидите.

— Как это? — хором спросили **А** и **Я**.

— Сами только что сказали, кто должен быть рядом с вами. А я могу сидеть между любыми буквами, потому что **И** — соединительный союз.

А и **Я** от удивления упали со скамейки.

— Так что я главнее всех в алфавите, — довольно заключила буква **И**.

26 марта 2020 г.

ЬОЛЛГЧНЬ КЕМБ?

Ут сандл деер суусн **А** үзг **Я** үзг хойр кен цаһан толһан холлгчнь болдв гиж, зүткж бээнэ.

— Келлһән уга, **А** үзг, — гиж омглж **А** келв. — Цаһан толһаг эклдгнь би, чи болхла — төгсәнэч.

— Уга, холлгч үзгнь би, — гиж **Я** зүткв.

— Яһад? — гиж **А** өврв. — Орс цаһан толһан эцүсин — һучн һурвдгч үзгнь болһалмч. Би болхла — эклц үзгнь!

— Чи цаһан толһан нег захаснь, би болхла, цаһан толһан наадк захаснь ахлдв.

— Тегэд?

— Негдвэр, мадн цацувидн, юңгад гихлэ эн эрэдмүдин наадк цуг үзгүдинь эклж төгсәнэвидн. Хойрдвар, яһдг болв чигн, би холлгчв, — гиж **Я** давтв.

— Юуһарн холлгчвч? — гиж **А** бийән өглго бэев.

— Учр-утхарн, — гиж **Я** келв. — Би — орч нерн, чи болхла — эрэмтэ холва.

— Үзг болһн эврэ учр-утхта, — гиж **А** зүткв.

И үзг өөрдэд, **А** үзгин өөр суув.

— Цааран су, — гиж **А** терүнд келв. — Цаһан толһан эклцднь би бээдүв.

И үзг цааран суув.

— Хооран һар, — гиж ода **Я** үзгнь келв. — Цаһан толһаг төгсэдгнь би, чи биш.

И үзг тер хойрин хоорнд суув.

— Чи яһжахмч — цаһан толһа меддговч? — гиж **А** сурв. — Мини өөр зуг **Б** суух зөвтэ.

— Мини өмн болхла, зуг **Ю** үзг, — гиж **Я** землж келв.

— Тер үзгүдтн ода угалм, — гиж **И** келв. — Бийстн буру суунат.

— Яһад? — гиж **А** **Я** хойр дегц ормав.

— Тана өөр ямаран үзгүд бээдгин тускар тадн бийстн келвт. Би болхла, альк чигн үзгүдин хоорнд сууж чадхв, юңгад гихлэ би — ниилүлгч холва.

Эвр гидгэр өврсн **А** **Я** хойр ут сандласн унцхав.

— Тегэд цаһан толһан холлгчнь би, — гиж жирһлтэ **И** ашинь һарһв.

БЕЗЫМЯННЫЙ

Ночью все спали.

А ему не спалось.

Он толкнул коротышку:

— Спишь?

— Сплю.

— Все равно я тебя уже разбудил. Скажи, почему у вас есть имена, а у меня нет?

— Не знаю, — сонно сказал коротышка. — Отстань, я хочу спать. Спроси у соседа.

Сосед был повыше ростом, долго не просыпался. Наконец, отозвался:

— Что надо?

— Это я, безымянный. Почему я без имени?

— Какая тебе разница? — проворчал сосед. — Не знаю. Спроси у моего соседа.

Тот тоже спал, но быстро проснулся, громко зевнул:

— Ты кто?

— Безымянный. Хочу спросить, почему у вас есть имена: мизинец, средний, указательный, большой? А я без имени.

— Спроси у большого, — посоветовал указательный палец.

Большой палец уже проснулся, выслушал вопрос безымянного пальца.

— Что тебе не спится? Бери пример с брата-близнеца на правой руке. Он тоже безымянный, но не задает такие вопросы. Вообще безымянный — это тоже имя, если хочешь знать.

Безымянный палец задумался до утра...

А может, и правда?

26 марта 2020 г.

НЕРН УГА

Сөөд цуһар унтж кевтнө.

Зуг энүнэ нөр күрхш.

Эн оһтриг чичв:

— Унтж кевтнч!

— Э.

— Чи сергсн бээнэлмч. Тадн цуһар нертэт, нанд яһад нерн уга болжахмб?

— Меджэхшив, — гиж нөөрмүлсн дууһар оһтр хэрү өгв. — Би унтхар бээнэв, өөркөсн сур.

Хажудкнь өндр нуһрта болад, удан серлго бээв. Аштнь хэрүцв:

— Юн болв?

— Энчнь бив, нерн уга. Би яһад нерн уга болсмб?

— Чамд юн төрв? — гиж эн бурж сурв. — Меджэхшив. Хажуд-касм сур.

Тернь бас унтж кевтлэ, болв дарунь серчкэд эвшэв:

— Чи кембвч?

— Нерн угав. Би сурхар седлэв, тадн нертэ болнат: чигчхэ, дунд хурһн, хумха хурһн, эркэ. Бийдм юнгад нерн уга?

— Эркэхэс сур, — гиж хумха хурһн селвг өгв.

Эркэ хурһн серчксн, нерн уган сурвринь оньһж соңсв.

— Юнгад эс унтнач? Талдан һарт бээдг икр ахасн үлгүр ав. Терчн бас нерн угалм, болв чамла эдл юм сурхш. Йирин ашлж келхлэ, нерн уга гиснчн — бас нерн болдмн.

Нерн уга хурһн өр цээтл ухалж кевтв.

Хэрнь, эн келсн үнн болвза?

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Перекаати-поле катилось по калмыцкой степи, подпрыгивая на пригорках.

«Вольному — воля, — думало оно. — Куда хочу — туда и качу. Хочу вправо — качусь вправо. Хочу влево — качусь влево. Хочу назад — качусь назад. Хочу вперед — качусь вперед. Хочу остановиться — остановлюсь».

Мысль эта понравилась Перекаати-полю. И оно стало вслух повторять свои действия. Все получалось, и Перекаати-поле закричало от радости:

— Эге-гей! Кто видит, как я могу ловко управлять собою!

Никто поначалу не отозвался.

Перекаати-поле оглянулось — никого не было: от зноя все живое попряталось.

Только в небе высоко парил орел, но он не слышал.

— Вот так стараешься-стараешься, а никто и не похвалит, — вздохнуло Перекаати-поле и покатилося дальше.

— Стой! — вдруг сказал кто-то, и Перекаати-поле вздрогнуло от неожиданности.

— Это кто кому говорит? — осторожно спросило Перекаати-поле.

— Это я — Ветер, говорю тебе, Перекаати-поле.

— А-а, Ветер. Откуда ты меня знаешь?

— Я всех знаю, — сказал Ветер. — А тебя — с рождения.

— Надо же, — удивилось Перекаати-поле. — А что ты хочешь от меня?

— Признания.

— Какого признания?

— А того, что ты не волен в себе. Это я, Ветер, тебя качу, куда хочу.

— Размечтался! — засмеялось Перекаати-поле. — Я само по себе!

Ветер дунул — Перекаати-поле зацепилось за верблюжью колючку и застряло. Стало вырываться из колючего плена, но еще больше цеплялось.

— У тебя корней нет, — сказал Ветер. — Тебе не за что удержаться в земле.

— А у меня были корни? — спросило Перекаати-поле.

— Были, пока не оторвался от земли.

27–28 марта 2020 г.

ХАМХУЛ

Зурмна толһас деегүр һәрэдэд, зунн хальмг теегэр Хамхул долдарж йовна.

«Дурарн бээдүв, — гиж санжана. — Дурта талан йовдүв. Дурн күрхлэ — барун талан. Дурн бээхлэ — зүн талан. Керг кенэд — ар үзг темцдүв. Өмөрлх дурн күрхлэ — өмөрлдүв. Зогсхар седхлэрн — зогсдүв».

Тернь Хамхулд таасгдсмн. Тегэд үүл-йовдлан олдн соңсхад, терүгән күцэсмн. Сансн юмнь учрад бээснднь Хамхул байрлж:

— Хе-хей! Бийән залж йовх намаг үзжэнт! — гиж хээкрсмн.

Түрүн авгтан кен чигн хэрүһән өгл уга бээв.

Хамхул ардан хэлэв — күн уга: һаң халун тогтснас көлтэ хамг юмн бултж.

Хэрнь деер, теңгрт, тарвж хальж йовна, зуг Хамхулын дуут соңссн уга.

— Тиигхгов, ю эс күцэсн бийнь — күн үзхш, кен чигн бүлән үг келхш, — гиж Хамхул шугшч, цааранднь долдарв.

Генткн:

— Зогс! — гисн ду соңсад, Хамхул чочв.

— Энтн кен кендән келжэхмб? — гиж Хамхул арһулхн сурв.

— Энчн би — Салькн. Чамд келжәнэв, Хамхул.

— А-а, Салькн. Альдас намаг таньдвч?

— Би цугинь таньдүв, — гиж Салькн келв. — Чамаг болхла — төрсн өдрэсчн авн.

— Намый, — гиж Хамхул өврв. — Намас тегэд юн кергтэв?

— Үнн үг.

— Ямаран үнн?

— Бийдән эзн бишин туск. Чамаг би, Салькн, дурта үзгүрн долдарулдүв.

— Тииглго! — Хамхул инэв. — Би дурарн бээдүв!

Салькн үлэв — Хамхул нохан шеернд торад зогсв. Күгдлэд һархар седсн бийнь, улм торгдад бээв.

— Уңг угалмч, — гив Салькн. — Һазртан тордг арһ чамд уга.

— Тегэд уңг-йозур намд бээсмб? — гиж Хамхул сурв.

— Һазрасн тасрхас урд билэ.

АЛЬБИНОС

Когда сайгачонок появился на свет, мама-сайгачиха изумилась:

— Почему он не такой, как мы?

Белый сайгачонок лежал на траве, пытаясь поднять голову с горбатым носом.

Папа-сайгак, вожак стада, невозмутимо пояснил:

— Альбинос.

— Он совсем белый! А не коричневый, — растерялась мама, обходя малыша.

— Особенный у нас детеныш, — сказал папа. — Потому и белый.

— Больной? — с сомнением спросила мама.

— Нет, необыкновенный.

— И что теперь делать?

— Любить его! Ты же знаешь, белый — цвет чистоты. Бог сайгаков наградил нас.

Подошли другие сайгаки, окружили семью, разглядывая сайгачонка:

— Не такой, как все!.. Белый, как снег... С чего бы это?.. Быть беде... Уходите из стада! У нас тоже дети, мы беспокоимся за них!

Вожак, заслоня своего детеныша, возразил им:

— Я ваш вожак!

— Уже нет, — воспротивились сайгаки. — У нас будет новый вожак. Уходите!

Мама белого сайгачонка заплакала:

— Одни мы погибнем! Не прогоняйте нас! Зачем вы обижаете моего малыша?

— Он не такой, как все! Уходите! — повторяло стадо.

— Мы уйдем, — сказал вожак, поняв, что бесполезно спорить.

Вожак со своей семьей стал удаляться от стада.

Белый сайгачонок уверенно шел между родителями, радуясь синему небу, зеленой траве, красным тюльпанам. Он еще не знал, что не такой, как все.

А стадо увидело внезапно появившееся над семьей большое белое облако, похожее на сайгака-рогаля с короной, а впереди семьи — высокого старца с белой бородой и посохом в руке.

28 марта 2020 г.

АЛЬБИНОС

Цагдаг төрсн цагла, экнь эвр гидгэр өврв:

— Маниг яһад эс дурасмб?

Өвсн деер кевтсн цаһан зүстэ цагда өндөхөр седв.

Эцк-оон, сүргин ажрһ, төртөн авл уга:

— Альбинос, — гиж цээлһв.

— Энчн цууда цаһан болдмб! Бор биш, — экнь үүмж, бичкниг эргж хэлэв.

— Мана үрн ончта, — гиж эцкнь келв. — Тегэд цаһан.

— Гемтэ болхий? — гиж экнь самурад одв.

— Гемтэ биш, ончта.

— Яахмб тегэд?

— Хээрлх керг! Эврэн меднэлмч, цаһан гиснчн — цеврин темдг.

Гөрөсдин бурхн маниг ачлж.

Наадк гөрөсд өөрдж ирэд, эдниг эргэд, цагдаг шинжлж хэлэцхэв.

— Маниг дураж уга!.. Цасн мет, цаһан... Юунас кэлтэви?.. Зовлң үзгдвэ... Сүргэс заагртн! Мадн бас бичкдүдтэвидн, тедндэн сана зовжанавидн!

Оон эврэ үрэн халхлад:

— Би тана толһачв! — гив.

— Болдган уурвч, — гиж гөрөсд эсргүцв. — Мадн талдан толһачиг шүүнэвидн. Эрлтн!

Цаһан цагдан экнь уульв:

— Тадн угаһар мадн үкхвидн! Бичэ көөтн! Яһад мини бичкниг һээлжэхмт?

— Энчн маниг дураж уга! Эрлтн! — гиж сүрг давтв.

Зүткдг арһ угаһинь үзжэх ажрһ:

— Нэ, мадн йовनावидн, — гив.

Өрк-бүлэн дахулад, оон сүргэсн заагрж һарв.

Эк-эцкэн дахж, батар ишкж йовх цаһан цагда көк теңгрт, көрстө делкэд, бамб цецгүдт байрлж йовна. Олнас онц болдган ода деерэн эн медэд уга.

Титмтэ ооныг дурасн ик цаһан үүлн генткн эн бүл деер бууж йовхиг сүрг үзв, өрк-бүлин мацнаднь болхла — һартан тайган бэрсн ик нурһта, цаһан сахлта көгшэ йовна.

СУСЛИК

Суслик, как и положено, спал всю зиму в своей теплой норке. Он бы еще поспал, но что-то заставило его проснуться. Он потянулся, ударился лапками в изголовье своей кровати и сразу проснулся.

Было темно, но суслик уверенно дошел до своей кухни, нашел мешочек, пожевал зернышки.

— Еще поспать, что ли? — сказал сам себе суслик и прислушался.

Тишина.

Никто не отозвался.

— Пойду еще посплю, — обрадовался зверек. — Что-то рано я проснулся.

— Хватит, выспался! — сердито кто-то сказал в темноте.

— Ой, кто здесь? — испугался суслик. — Я тебя не боюсь!

— С чего бы ты боялся? Я — твой Внутренний Голос.

— А что раньше молчал? — растерянно спросил хозяин норки.

— Спал, как и ты, всю зиму, — сказал Внутренний Голос.

— А раньше почему не говорил вслух? — недоверчиво спросил суслик.

— Раньше ты меня слышал, а сейчас еще не проснулся.

— А надо проснуться? — осторожно поинтересовался суслик.

— Надо, суслик, надо! — сказал Внутренний Голос. — Заждались тебя.

— Меня-я? Кто? Зачем?

— Забыл, что ли, спросонья, — укорил Внутренний Голос. — Каждую весну тебе напоминать приходится.

— Напомни, пожалуйста, — робко попросил суслик. — Ой, это что-то страшное? Или опасное?

— Ни то, ни другое, — успокоил Внутренний Голос. — Выйди из норки, встречай весну.

— А она пришла?

— Пришла, пришла. Люди ждут, когда ты покажешься, — пояснил Внутренний Голос.

ЗУРМН

Тенгр заясар, зурмн ичэндэн орад, үвлин дуусн дулан нүкндэн бээв. Энтн цааранднь чигн унтх билэ, зуг нег юмн дотраснь хатхад серүлв. Энтн суняһад, саврмударн орнаннь дерндгтнь күрэд серв.

Харңһу бийнь, зурмн батар ишкж, замандан күрэд, түнгрцгэн олж авад, буудяһасн жажлв.

— Цааранднь унтхмб, яахмб? — гиж бийдэн келэд, чикэн өгв. Тагчг.

Кен чигн хэрүһэн өгчэхн уга.

— Цааранднь унтнав, — гиж байрлв эн. — Эрт серсн бээдлтэв.

— Болжана, нөөрчн ханв! — гисн халта дун харңһуһас сонсгдв.

— Ой, кемби? — зурмна сүмснь тарв. — Би чамас ээжэхшив!

— Юунаһн ээхмч? Би — чини Дотр Дунв.

— Урднь яһад э эс һарсмч? — гиж ю кехэн эс меджэх нүкнэ эзн сурв.

— Чамаг дахад, үвлин дуусн унтлав, — гиж Дотр Дун келв.

— Урднь яһад соңсхж эс келдг бээсмч? — гиж иткл угаһар зурмн сурв.

— Урднь чи намаг соңсдг билэч, ода болхла — серэд угач.

— Серх кергтэй? — гиж арһулхнар зурмн сурв.

— Кергтэ, зурмн, кергтэ! — гиж Дотр Дун келв. — Чамаг же гитлэн күлэжэнэ.

— Нама-а-г? Кен? Яахар?

— Дуту серсндэн мартвч, — гиж Дотр Дун землж келв. — Хавр болһн сергэдг, хавр болһн чамд келдг төр болжанал.

— Сергэхнчн, буйн болх, — гиж эмэжэх зурмн сурв. — Яа, терчн ээмшгтэ төр биший? Аль зеткртэ юмн болвза?

— Өэх юмн уга, — гиж Дотр Дун төвкнүлв. — Нүкнэһн һар, хавр тос.

— Терчн тегэд ирвий?

— Ирв, ирв. Бултаһичн эмтн күлэжэнэ, — гиж Дотр Дун цээлһв.

— Тииглго бээж болш угай? — гиж үрврэс зурмн заагрхар седв.

— Болш уга, — гиж Дотр Дун эрчмтэһэр келв. — Эмтнэ авъяһн тиим: нүкнэһн һарсн чамаг үзхлэ — хавр ирснэ темдг.

— А без этого нельзя? — попытался уклониться от приглашения зверек.

— Нельзя, — настаивал Внутренний Голос. — Такой обычай у людей: раз ты вышел из норки, значит, весна наступила.

— А без меня люди не поймут, что весна пришла? — удивился забывчивый суслик.

— А с чего бы они тебя ждали?

Суслик вздохнул: спать все равно хотелось, но, если люди не поймут без него, что пришла весна, придется помочь. Он вышел из норки, залез на крышу своего домика, выпрямился. Солнечный луч ударил прямо в глаз, суслик зажмурился, сложил лапки на груди по-буддийски, поклонился солнцу.

— Здравствуй, солнце! Здравствуй, весна! Здравствуйте, люди!

28 марта 2020 г.

— Намаг угаһар әмтн хавр ирсиг медхн угай? — гиж мартмха зурмн ормав.

— Нань тегәд чамаһар яахмб?

Зурмн шугшв: арһ уга, унтх дурн күрв чигн, кемр намаг угаһар әмтн хавр ирсиг әс медхлә, нөкд болдг төр. Әнтн нүкнәсн һарад, әврә гериннь ора деернь давшад зогсв. Нарни толян дигтә нүднднь тусв, зурмн нүдән чирмж, саврмудан намчлж, нарнд мөргв.

— Менд, нарн! Менд, хавр! Мендвт, әмтн!

ПЕРВЫЙ ТЮЛЬПАН

Красный тюльпан раскрыл свои нежные лепестки навстречу апрельскому солнцу.

Солнце взглянуло на первый тюльпан, взошедший в степи:

— Храбрец.

Ветер ласково потрепал зеленые листья цветка:

— Расти, красавец!

Журавль переступил с ноги на ногу возле растения:

— Прости, чуть не наступил на тебя. Сразу не заметил.

Тюльпан смутился:

— Я еще не вырос, как следует. Но подрасту обязательно.

Подошел старый чабан, опираясь на герлыгу, наклонился над цветком:

— Первый тюльпан! Это хорошо. Весна... Теплеет. Скоро вся степь покроется разноцветными тюльпанами.

Чабан приказал подпаскам отогнать отару в сторону от цветка.

Отара стала обходить тюльпан, повинувшись двум подпаскам.

Какой-то непослушный ягненок отбежал в сторону. Один из подпасков стал подгонять его, но проказник не послушался и побежал прочь.

— Стой, стой тебе говорю! — закричал подпасок. — Куда рвешься?

Маленький ягненок блеял, но не подчинился.

Подпасок увидел, как тот свернул к тюльпану.

— Стой! — с отчаянием прокричал подпасок, испугавшись, что животное может раздавить цветок. — Стой! Стой!

Кудрявый ягненок «затормозил» перед тюльпаном, стал разглядывать, тронул носом — цветок покачнулся.

— Привет! — сказал ягненок. — Как тебя зовут?

— Тюльпан. А тебя как?

— Ягненок.

— Ты такой большой, — цветок покачал головой.

— А ты такой маленький, — удивился ягненок. — У тебя одна нога. Как ты держишься и не падаешь?

ТҮРҮН БАМБ ЦЕЦГ

Улан өнгтэ бамб цецг энжүр эврэ делвсэн мөрн сарин нарнд зөрүлж делгв.

Нарн теегт урһсн түрүн бамб цецгүр хэлэж:

— Зөргтэ, — гив.

Салькн ээлтэһэр цецгин ноһан бүчрмүдинь илэд:

— Өсч-босч йов, көөркү! — гив.

Тоһрун шовун урһмлын өөр көлэн соляд:

— Буруһан суржанаһ, ишкн гивүв. Тер даруһан үзсн угав, — гив.

Бамб цецг башрдов:

— Би бүтэр өсэд угав. Хэрнь, эрк биш өсхв.

Медэтэ хөөч өөрдж ирэд, гирлгэн түшч, цецг деер өкөж:

— Түрүн алтн зул! Сэн йовдл. Хавр... Дуларчана. Удл уга тег төгэлндэн көкрж, оln зүсн бамб цецгүдэр бүркгдх, — гив.

Хажудан йовх нөкдиртэн хөөдөн эн цецгин хажуһар һарһтха гиж, хөөч закв. Хэрүлчнрин залсар, хөөднь бамб цецгин хажуһарнь һарв.

Соңсур уга нег хурһн сүрг хөөдэсн тасрв. Хэрүлчнрин негнь терүг өөрдхж авхар седсн бийнь, альвлда терүг соңсл уга, улм холагшан гүүв.

— Зогс гинэв, зогс! — гиж хэрүлч хээкрв. — Хааран тогльж йовхмч?

Бичкн хурһн мээлв, хэрнь соңслго бээв.

Тегэд хурһн бамб цецг тал хажисиг хэрүлч үзв.

— Зогс! — гиж цөкрсн дууһарн эн хээкрв, цецгиг ишкэд орквза гиж ээв. — Зогс! Зогс! — болв.

Отхта хурһн «түрд» гиһэд, бамб цецгин өөр зогсад, шинжлж хэләһэд, хоңшарарн түлкв — цецг нээхлв.

— Менд! — гиж хурһн келв. — Нернчн кемб?

— Бамб цецг. Чи кемч?

— Хурһн.

— Бийдэн зөв овртач, — гиж цецг толһаһан зээлв.

— Чи болхла, эрэмтэч, — гиж хурһн өврв. — Негхн көлтэ болдмч. Унлго яһж зогсчахмч?

— Я крепкий, — гордо сказал красный тюльпан. — У меня стель гибкий. А не слишком ли много у тебя ног?

— Сколько положено, — ответил ягненок, — четыре ноги. Я же бегаю, а не стою на месте, как ты. Жаль, что ты не можешь бегать со мной наперегонки. Это так весело!

— Но ты можешь ко мне приходиться, а я — нет. Придешь, ягненок?

— Конечно, приду, — пообещал ягненок. — Мы теперь друзья.

29 марта 2020 г.

— Би батв, — гиж улан бамб цецг омгль. — Мини иш уйн. Көл-мүдчн дегд дала биший?

— Тооһарн дигтэ, — гиж хурһн хэрүһән өгв, — дөрвн көл. Би гүүжәнэлм, чамла эдл нег ормдан зогсчахн угав. Харм төрхд, чи ма хойрин урлддг арһ уга. Тиигсн йовдл сүркэ серглң!

— Хэрнь, чи бий талм ирж чаджанач, намд болхла — тиигдг арһ уга. Ирхвч, хурһн?

— Ирлго яахмб, ирнэв, — гиж үгән хурһн өгв. — Ода мадн нээжнрлм.

БОЕВАЯ НИЧЬЯ

Желтому суслику захотелось прогуляться после сытного обеда. Он взошел на ближайший холмик и оглядел окрестности. Жара. Все попрятались в норки и гнезда. «Полезно растряссти свой жирок, — подумал суслик. — Скоро в свой дом не пролезу. На диету сесть, что ли?..». Он задумался, вспоминая свои припасы до потолка в кладовке. «Нет, не получится, — покачал головой. — Куда эту еду девать? Зря таскал все два месяца, что ли...». Он пощупал свои толстые бока: «Ого, прочная броня, однако. Не прокусишь».

Вдруг откуда ни возьмись выскочил, как из-под земли, степной хорь, кинулся на суслика.

— Ты что? — едва успел прохрипеть схваченный за горло суслик.

— А ты куда забрался? Это моя земля! — чуть ослабил давление хорь, вероятно, ожидая извинения или объяснения от неприятеля.

— Твоя? — взвизгнул под ним суслик. — С чего бы это? Это заповедник!

Хорь сцепился с сусликом. Они катались по пыльной земле, схватив намертво друг друга, попеременно оказываясь то вверху, то внизу под противником.

— Это общая земля! — прохрипел, уловив момент, свободолюбивый суслик.

Хорь оскалил острые зубы:

— Общая, да не для всех!

— А кто ты такой, чтобы командовать? — завопил придушенно суслик, вырываясь из цепкого захвата противника.

— Степной хорь!

— Хорек ты, а не хорь! — огрызнулся суслик, пытаясь задавить своим весом легкого зверька. — Отстань от меня, а не то получишь встряску!

Хорь с трудом выскользнул из-под суслика, пытаясь укусить соперника, стал на скакивать на него. Они вновь покатались кубарем. Хорь старался испугать суслика резкими воинственными криками, но тот не сдавался, молча давал сдачи. Силы у обоих стали ослабевать, но никто не хотел уступить.

ХЭМ

Геснь цадхлц шарвр зурмн үдин хөөн невчкн зуһалхар седв. Өөр-шидр толһа деер һарад, эргндэн хэлэв. Халун һаң. Өмгө тоот нүкндэн орад, үүртэн суулдна. “Невчк көндрх кергтэ, — гиж зурмн санв. — Удл уга нүкндэн багтдган уурхв. Хотан татхмн болвза?..”. Энтн уха тунһаж, хадһлндан хурасн шаласнь авн ора күртл дүүрн нөөцэн санв. “Уга, болшго, — гиж толһаһан зээлв. — Тиим дала хотан яахв? Өнгөр хойр сардан оочдан зөөсн биш...”. Энтн эврэ эрвңгэн бэрж үзв: “Пөө, бат хуйг, келхэс. Шүднд даагдшго”.

Генткн альдас ирснь медгдл уга, һазр дорас мет, күрн һарч ирэд, зурмн тал дэврв.

— Яһжанч? — гиж бахлуласн бэргдсн зурмн эрэ киһһән авч келв.

— Чи хамаран давшсмбч? Энчн мини нутг! — күрн невчкн бахлуринь сулдхв, санхас, хортн буруһан сурх, аль цээлһвр өгх гиж күлөж кевтэ.

— Чини? — гиж күрн дор бээх зурмн чишкв. — Тииглго? Энчн хөрүлин һазр!

Күрн зурмн хойр һазрин шора хураж, кег-негэн диилхэр седэд, селгәһэр негнь деер һарад, негнь дор орад, долдарад бээв.

— Энчн олна һазр! — гиж сул бээхдэн дурта зурмн сөөлңкдв.

— Зааврлад бээх кембвч? — гиж өшәтнә бәрәнәснь сулдхар седэд, ки эрә авч зурмн чишкв.

— Теегин күрн!

— Күрн биш, күрнин хорһсн! — гиж гиигн цогцта күрниг тарһн бийәрн дархар седэд, зурмн хоринь буслһв. — Йовж әрл гинәв, эс гиж гүвдүлн гижәнәч!

Күрн эрә гиж зурмн дорас һарад, өшәтән зуух санатаһар, шинәс дэврв. Эн хойр дәкнәс долдарлдв. Күрн зурмниг әәлһхәр седэд, дара-дарандан чишкәд бээв, хәрнь тернь сүрән геелго, ду һарлго хәрү цокад бээв. Эн хойрин чидлнь чиләд ирв, болв кен чигн бийән өгшго саната.

— Һаран өргхнчн, тарһлда! — гиж күрн хээкрв.

— Чамд, келкәтә нәәмн яснд, үкдг болвчн, бийән өгшгов! — гиж му келүлжәх зурмн хээкрв. — Бичә дөөгләд бә!

— Сдавайся, толстяк! — крикнул, наконец, хорь.
— Тебе, скелет, никогда! — рявкнул оскорбленный суслик. —
Не обзывайся!
— Тогда проваливай! Ничья! — предложил хорь.
— Заметь, это ты предложил, — сказал суслик. — Боевая ничья!
— Ладно, — согласился уставший хорь.
Довольный суслик с невиданной для толстяка скоростью скрылся с глаз.

31 марта 2020 г.

— Тиигхлэ уга бол цааран! Хэм! — гиж күрн келв.
— Чи эврэн тиим санл орулвч, — гив зурмн. — Йоста хэм!
— Нэ, болтха, — гиж цуцрсн күрн зөвшөрв.
Кедү тарһн бийнь, жирһлтэ зурмн жирд гинэд одв.

ЧЕРНОГОЛОВЫЙ ЖУРАВЛЬ

Журавленок лежал в полыни, закрыв глаза, и, казалось, не дышал. Он был совсем маленький. Матери рядом с ним не было. Наверное, улетела за едой для птенца. Несколько мальчиков лет пяти-семи, случайно обнаружив журавленка, тихо переговаривались:

— Спит?

— Живой?

— Может, умер? Совсем не шевелится.

— А ты тронь его, — сказал один из них.

— Сам трогай.

— Давай камнем в него бросим, — предложил малыш.

— А если в тебя камнем? — возмутился старший по возрасту.

— Надо взять его с собой, — предложил один из мальчиков. — Вдруг он раненый? Помощь нужна. Я бабушке отнесу его.

— А мы тоже можем своим бабушкам отнести, — возразили остальные.

Журавленок шевельнулся, как бы прислушиваясь к разговору людей.

— Вот, смотрите, живой! — обрадовался малыш.

— Слабый он, — вздохнул старший мальчик. — Но тяжелый все равно. Я сам понесу журавленка.

— А если его мамка не найдет, когда вернется? — малыш дернул старшего за рубашку. — Догонит нас и головы нам разобьет клювом. Я боюсь. Бежим отсюда!

— Мне бабушка говорила, что нельзя журавлей обижать, — сказал старший мальчик. — Они могут отомстить. Но мы журавленка не обидим. Мы ему поможем.

Журавленок в самом деле был нелегкой ношей. Мальчики сели рядом, трогая птицу и оглядываясь изредка по сторонам, не летит ли журавлиха. Но ее нигде не было.

— Какой у него смешной хохолок! — сказал малыш. — Давайте назовем его Хохолком!

— А может, Хвостиком? — засмеялся кто-то.

— Я черноголовый журавль, а не Хохолок и не Хвостик, —

ХАР КЕЛН ТОҮРУН

Нүдэн аньж, эмсхлэн эрэ авчач тоһруна һуужа шарлжн заагт кевтнэ. Энтн эрэмтэ. Экнь хажуднь уга. Санхд, һуужадан өлг олхар нисч кевтэ. Һуужаг генткн үзсн тавн-долан дүңгэ наста көвүд хоорндан арһулхн дуһарч бээнэ:

— Унтжий?

— Өмдий?

— Үксн болвза? Көндржэхн уга.

— Көндөж үзхнчн, — гиж негнь келв.

— Эврэн көндэ.

— Чолуһар шивж үзий, — гиж исэлэ үгэн хавчулв.

— Чамаг чолуһар шивхлэ, яах? — гиж элэднь уурлв.

— Энүгичн бийлэхэн авх керг, — гиж көвүдин негнь келв. —

Энчн шавта болвза? Нөкд болх керг. Би ээждэн күргж өгнэв.

— Мадн чигн ээжнртэвидн, — гиж наадкснь өрцлдв.

Өмтнэ келснд чикэн өгчөх кевтөһөр, һуужа невчкн көндрөд авв.

— Энлим, хэлэтн, өмд! — гиж исэлэ байрлв.

— Чинэн уга, — гиж элэднь келв. — Тер бийнь күнд. Эврэн энүгичн теврнэв.

— Кемр эргж ирсн экнь энүгичн эс олхла, яахмб? — гиж исэлэ элэдэн киилгиннь ханцнась татв. — Маниг күцэд, мана толһасиг цоолх. Өэжэнэв. Гүүцхэй!

— Тоһрун шовуг һундадгон тускар ээж сурһдг билэ, — гиж элэд көвүн келв. — Эднчн өшэтэжн. Хэрнь, мадн һуужаг һундахн угавидн. Мадн энүнд нөкд болхвидн.

Һуужа йосндан күнд бээж. Көвүд хажуднь жоралдад, шовуг бэрж үзэд, экнь ирж йоввза гиж, хая-хая ардан хэлэлдэд бээв. Зуг экнь үзгдсн уга.

— Энүнэтн залань инэдтэ гиһит! — гиж исэлэ келв. — Энүгитн Зала гиж нерлцхэй!

— Эс гиж Охр сүл гихмн болвза? — гиж негнь инэв.

— Би хар келн тоһрунв, Зала бишв, Охр сүл чигн бишв, — гиж генткн һуужа келв, дөкэд толһаһан өндөлһэд, бийинь бэрж йовсн көвүг һараснь чоңкв.

вдруг заявил журавленок, подняв голову, и клюнул несшего его мальчика в руку.

Тот от неожиданности выронил птицу.

Дети ахнули, наклонились к ней.

— А где твоя мамка? — спросил малыш. — Ты знаешь?

— Охотник застрелил, — сказал журавленок и заплакал, вытирая крылом глаза. — Собаке своей отдал мою маму.

— Не плачь, — стали утешать журавленка дети. — Мы все станем тебе мамами.

31 марта 2020 г.

Чочсн тернь шовуг уннав.

Бичкдүд аман бэрлдж, нуужаһур өкэлдв.

— Аакчн альдв? — гиж исэлэ сурв. — Меддвч?

— Аңһуч хаһад алчкв, — гиж ууляд, нульмсан живрэрн арчн бээж, нуужа келв. — Нохадан өгчкв.

— Бичэ ууль, — гиж бичкдүд нуужаг төвкнүлв. — Мадн цуһар чамд аак болнавидн.

ГЕРЮШ

Он появился в гер-кибитке откуда ни возьмись. Поначалу был невидим и неслышен, так как показывался только тому, кому доверялся. А доверял он малышам: они добрые и не обижали его, а рассказать о нем не могли, так как не умели говорить. Поэтому степного жильца не замечали, и он кочевал с этой кибиткой с места на место. Кочевка доставалась ему нелегко — кибитку разбирали на части: кошму отдельно, деревянные решетки отдельно, двери двухстворчатые отдельно, веревки, опоясывающие жилище, отдельно. Все это со скарбом погружали на верблюдов, на подводы, ехали долго, в тесноте и шуме. На новом месте всё сгружали и устанавливали мужчины, пока кибитка не обретала прежний вид. И тогда он, усталый и помятый после перекочевки, забирался туда, где были сундуки, чтобы отдохнуть. Проснулся в этот раз он от плача младенца. Все спали. Мать тоже не сразу проснулась. Поэтому он подбежал к деревянной люльке, висевшей на крюке, забрался в нее. Младенец от неожиданности замолчал, всматриваясь в пришельца при неярком свете очага.

— Я тебя вижу, — сказал младенец.

— Конечно. Потому что я этого захотел.

— А ты кто? — спросил любопытный младенец, раздумав плакать.

— Герюш, — ответил гость в люльке. — Дух кибитки.

— И что ты делаешь?

— Охраняю гер. Потому меня зовут Герюш.

— И меня охраняешь? — поинтересовался младенец.

— Всех, кто живет в этой кибитке, — пояснил Герюш.

— А как? — не унимался младенец, выпустив из ручонков кусок курдючного сала, который сосал перед сном.

— Храню кибитку и ее жильцов от всех бед и напастей, чтобы все были живы-здоровы, чтобы четыре вида скота не переводились, чтобы в подоле дети прибавлялись, чтобы пыль у порога не оседала от хороших гостей.

— Много у тебя работы, — с уважением заметил младенец. — А сам маленький. Тебе сколько лет?

ГЕРҮШ

Энтн ишкэ герүр альдас ирснь нам медгдсн уга. Түрүн авгтан үзгдл уга, соңсгдл уга бээсмн, юнгад гихлэ зуг итклтэ эмтнд бийән үзүлдмн. Иткдгнь тегэд бичкдүд болдмн: тедн сән заңтадан энүг төрүц хундадмн биш, нең үлү келндән орад угадан күүнд тас келдмн биш. Тер учрас теегин эн хошлгчиг күн үздмн биш, тегэд орж ирсн ишкэ герән дахад, энтн нааран-цааран нүүһэд бээдмн. Нүүдлин кемлэ энтн же гидмн — ишкэ гериг цуцад хайчкдмн: ишкәһинь салу, модынь салу, хойр талагшан татдг үүдинь салу, гериг бүслдг деесинь бас салу тэвдмн. Тегэд цуг тер тоотыг темэд, тергд деер ачдмн, энтн болхла, хавчгдж, шууган-ниргән заагт болмарн булрдмн. Шин бүүртән ирэд, залус хамг юмиг буулһж, ишкә гериг урдк бээдлтәһәрнь тэвж, хураж зогсадмн. Нүүдлин йовудт муурч цуцрсн энтн авдрмудын заагт орад амрдмн. Эн сө энтн нилхин уульһнас серв. Цуһар унтж кевтсмн. Нилхин экнь бас тер даруһан серсн уга. Тер учрас энтн өлгәтә модн дүүжңгүр гүүж одад, дотрнь орв. Тиигхинь эс күлөжәх нилх тагчгрж, гүүж ирсн энүг һулмтын дулвклсн герлд ширтж хэләв.

— Би чамаг үзжәнәв, — гив нилх.

— Ээлвш. Би бийән үзүлжәснд.

— Кембч? — гиж соньрж, уульхан мартсн нилх сурв.

— Герүш, — гиж дүүжңгин гиич келв. — Ишкә герин сәкүсн.

— Ю кежәхмбч тегэд?

— Гериг харжанав. Тегэд намаг Герүш гинә.

— Намаг чигн харжанчий? — гиж нилх соньмсв.

— Цуһараһинь, эн герт бээдгүдиг, — гиж Герүш цээлһв.

— Яһж хардвч? — гиж нилх тэвлго бээв, нам унтхиннь өмн көкжәсн хөөнә һоднган һарасн алдв.

— Цуһар эн-тер уга бээж, дөрвн зүсн малан өскж, хорма дүүрн күүкдтә болж, көнжл дүүрн көвүдтә болж, үүднәснь эмәлтә-һазарта мөрд бичә хөөһтхә гиж, эркнәснь ээмтә-далта залус бичә хөөһтхә гиж, эн ишкә гериг эздүдтәһинь зовлң-зөвүрәс харж халхлдув.

— Кедг көдлмш дала бээжл, — гиж күндлж, нилх келв. — Эврән болхла, бичкнч. Кедүтәвч?

— Не знаю. Но я тоже ребенок.

— А ты сам по себе? Или у тебя есть папа и мама, братья и сестры?

— Я сам по себе, наверное.

— Плохо одному, — вздохнул младенец. — У меня, видишь, сколько родни в кибитке и вне кибитки. А сейчас даже некому подойти меня успокоить. Спой мне колыбельную песню, чтобы я снова заснул.

Герюш, вспомнив колыбельную песню, которую слышал в кибитке, стал петь, как мог: «Баю-бай! Баю-бай!..».

Младенец вскоре заснул.

С ним в люльке уснул и Герюш.

2 апреля 2020 г.

— Меджэхшив. Би бас нилхв.

— Чи бийэрн бээнч? Аль аак-баавтавч, ахнр-эгчнртэвч?

— Санхас, би бийэрн бээх бээдлтэв.

— Ханц күн — күн биш, — гив нилх. — Гер дотр чигн, герин
наза чигн бээх мини элгн-садыг үзхнчн. Дала. Хэрнь, уульсн цагла
болхла тогтнулдг күн хархш. Намаг унтулад, бүүвэн ду дуулхнчн.

Герүш эн ишкэ герт соңсн бүүвэн дууна үгинь сергэж: “Бүүвэ-
бүүвэ! Бүүвэ-бүүвэ!” — гиж чадсарн дуулв.

Удан боллго нилх давсан ачв.

Терүг дахж, Герүш чигн дүүжнрд унтв.

УКРОТИТЕЛЬ ПЕСКОВ

Тамариск крепко стоял, упираясь мощными корнями вглубь и ширирь на десятки метров и доставая из почвы воду. Его коричневый морщинистый ствол нес ветви с разноцветными цветками — сиреневыми, розовыми, белыми. Пчелы с тихим жужжанием роились в цветках, собирая пыльцу для тамарискового меда — сладкого, чуть-чуть с горчинкой.

Желтые пески наступали на дерево, насыпая волнистые барханы:

— Сдавайся! Все равно мы победим!

Тамариск покачал своей развесистой кроной:

— Зря стараетесь! Вглубь ухажу корнями на тридцать метров, ширирь — на девяносто метров. Всегда напьюсь воды, когда захочу.

Пески подняли вокруг дерева бурю. Песчинки летали в воздухе, атакуя великана. Тот лишь кряхтел, отбиваясь ветвями.

— Скоро тебя повалим! — грозили пески. — Не посмотрим, что ты божественное дерево. Это наши владения! Всю степь завалим песками, задавим всю траву, высушим все деревья вокруг, засыпем колодец возле тебя!

Тамариск взглянул с высоты своего роста на желтые волны песков, на колодец, из которого путники пили воду, останавливаясь на краткий отдых в прохладной тени дерева.

— Да, я божественное дерево, — подтвердил тамариск. — Я дарю людям мед, лечу их от многих недугов, даю прохладу в зной, указываю, где под землей прячется вода, укрощаю пески, не давая погибнуть здесь живому. Я — укротитель песков! Я родом из Африки, из Сахары. В пустыне живу и в степи и не собираюсь сдаваться вам, пески.

Пески на время затихли...

В тишине было слышно, как осыпаются барханы: ш-ш-ш-ш...

— Нас много! — наконец сказали пески. — А ты один!

— И один в степи воин, — ответил тамариск. — Разве вы не знаете? А за теми холмами живут мои собратья-тамариски. Вы их тоже видели. Выходит, что я не один.

ЭЛСДИН ХӨРҮЛЭЧ

Назрин ус соржах суха хатурад, зузарсн унгарн арвад ишкмд утдан-өргндөн тулад, батар зогсчасмн. Зүсн-зүүл — цээвр, оошк, цаһан өнгтэ цецгүдтэ энүнэнти ацмудынь күдр, хурняста, бор ишнь даадмн. Өрэ дуутаһар эмтэхи амтта, эрвжго һашлта суха модна бал хуражаж зөг шавжс жиигжэсмн.

Шагшг модыг шар элсд эргүлж бүслэд, дольгалсн бөөргүдөн овалад:

— «Кишгчн» ирв! Диилвр бэрдгнь мадн! — гицхэв.

Суха модн салаһарн зээлв:

— Өңгэр чирмэжэнэт! Уңгм гүүндөн һучн ишкм, өргндөн — йири ишкм. Кезэд чигн ундан хэрүлхв, дурта цагтан.

Элсд модна эргнд бора учрав. Элсни хумкнь аһарт нислдэд, аврһтнур дэврцхэв. Хэрнь суха инцглж, ацмударн нөкд авв.

— Удлго чамаг унһахвидн! — гиж элсд ээлһсмн. — Бурхни модн болдгичн төртөн авхшвидн. Энчн мана һазр! Теегиг төгэлнднь элсэр бүтэнэвидн, өвсдинь бүгднь дарнавидн, эргндк моддынь хагсаж, хажуд бээсн худгинь нураж дүүргнэвидн!

Эврэ нурһни өндрэс эргнднь дольгалсн элсдиг харвж, ахр болзгт амрх саната йовдсн эмтн модни сүүдртнь сууж, ундан ханһадг худг тал суха хэлэв.

— Э, би бурхни моднв, — гиж эн батлв. — Би эмтнд бал белгдв, зүсн-зүүл гемэснь эдгэдв, халун һанла серү өгдв, худг альд малтхинь заадв, элсдиг номһрулж, эн һазра эмтэ тоотст эм залһдв. Би — элсдин хөрүлэчв! Уг-һарлһарн би Африкэсв, Сахара цөлэсв. Цөлд чигн урһдв, теегт чигн урһдв, тегэд таднд, элсд, бийән өгхэр бээхшив.

Элсд цаг-зуур тагчгрв...

Зуг: ш-ш-ш-ш... гиж бөөргүд асхржахнь соңсгдв.

— Мадн то угавидн! — гиж тедн келв. — Чи болхла, һанцарн!

— Һанцарн чигн тесч болна, — гиж суха хэрүһән өгв. — Тадн медлго бээсмт? Тер довңгудын ца мини төрлмүд бээнэ. Тадн чигн тедниг үзсн болхт. Тегэд һанц бишв.

Эгдүтсн элсд дэкнэс: ш-ш-ш-ш... — гиж шииглдв.

Пески от возмущения опять зашипели: ш-ш-ш-ш...
— Шипите, шипите, — засмеялся тамариск.
Пески уже от бессилия зашипели: ш-ш-ш-ш...
Но тамариск их не слушал, протягивая ветви-руки к летнему
небу.

8 апреля 2020 г.

— Шиигтн, шиигтн, — гиж суха инэв.

Элсд тегэд арh угадан хэрү: ш-ш-ш-ш... — гиж шииглдв.

Хэрнь суха тедниг төртөн авлго, һар-ацмудан зуни теңгр тал
суңһв.

ХРОМАЯ СТАРУХА

Майский дождь был веселым: брызгал в окна, поливал заборы и стены домов, поил цветы, кустарники и деревья, сбивая дневную пыль.

Он забирался под воротничок курточки трехлетней девочки, щекотал ее и не хотел оттуда выбираться, потому что Чима отдала свой зонтик маме и наклонилась над лужей, рассматривая в ней свое отражение.

— Держи свой зонтик, — сказала мама. — Простудишься. Смотри, ты вся мокрая.

— Не хочу под зонтик, — сказала дочка. — Из-под зонтика ничего не видно.

— Тогда под мой зонт иди, — позвала мама, беспокоясь за дочку. — Нам места хватит.

Девочка прищурилась, подставив свое лицо каплям дождя.

— Мама, дождь идет, хотя солнце выглянуло из-за тучки, — удивилась Чима.

— Такой дождь называется слепым, — объяснила мама.

— Слепой дождик? — обернулась дочка к маме. — Отчего он ослеп?

Мама задумалась, а действительно почему?

— Наверно, потому что солнце в глаза ему светит, дождь тоже щурится.

Дождь, как будто услышав их разговор, стих.

В небе появилась радуга.

— Посмотри, Чима, радуга в небе! — показала мама. — Правда, красиво?

— Красивая, красивая! — захлопала в ладоши девочка.

— Видишь, в радуге семь цветов? Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. А еще бывают радуги лунные, туманные, огненные.

Чима спросила:

— А почему радуга называется радугой?

Мама снова задумалась, сказала:

ДОҢЛҢ ЭМГН

Хөн сарин хур наадта болв: терзд усан цацад, назаа хаша болн герин эрс норһад, цецгүд, модд услад, хаалһин тоорм норһв.

Нурвн наста күүкнэ хувцна захар хурин дусал орад, терүг инэлһэд, дотраснь һархар седжэсмн уга.

Чима эврәннь чачран эздэн өгэд, хаалһд хурсн уснд ширтэд өкэнэ, бийиннь чирэ хэлэхэр седнэ.

— Мэ, бэр чачран, — гиж экнь келнэ. — Царцвзач, дегд норж одвч.

— Уга, чачр керго, — гиж күүкн келнэ. — Чачр дор юмн үзгдхш.

— Тиигхлэ наар, мини чачр дор ор, — гиж экнь күүкндэн зовж келнэ. — Хамдан багтхвидн.

Күүкн нүдэн бүрлзүлэд, чирэдэн хурин дусал дусхиг хавлна.

— Аак, нарн һарсн бийнь, хур оржана, — гиж күүкн өврнэ.

— Иим хуриг сохр гидмн, — экнь цөөлһнэ.

— Сохр хур? — күүкн эк талан эргнэ. — Яһад сохр болжахмб? Экнь ухалад, тагчг болна. Яһад?

— Нарн терүнэ нүднднь тусчадг болжана, чамла эдл... Хур бас бүрлзнэ.

Хур, теднэ күүндвр соңссн мет, зогсв.

Тенгрт солңһ һарв.

— Чима, хэлэ, тенгрт солңһ һарв! — экнь күүкндэн үзүлв. — Сээхн эсий?

— Сээхн, сээхн! — күүкн байрлж, альхан ташв.

— Үзжәнч, солңһ долан өңгтэ. Улан, оштв, шар, ноһан, цецкр, көк, чүүкл. Солңһ бас сарин, будта, һалын бөөдлтэ болдмн.

Чима сурв:

— Солңһ яһад солңһ гисн нертэв?

Экнь бас тагчг болжаһад келв:

— «Байр» гисн үгэс. Хур орад, цугтаһинь уһаһад, цеврлэд, серү орулснд солңһ байрлжана.

Дөкэд экнь ухалжаһад келнэ:

— Нарна бурхн бээнэ — Ра нертэ. Солңһ — нарна дуһу. Маднд холас, һазр деерэс тер дуһун бөөдлтэ болж үзгднэ. Хальмгаһар терүг солңһ эс гиж доһлң эмгн гидмн. Керм нег көлнь шавшлһд

— От слова «радость». Радуга радуется, что дождик все помыл, почистил, освежил.

Потом мама вспомнила:

— Радуга — это солнечная дуга. Есть бог Ра — бог солнца. Мы с земли видим радугу, как дугу. А по-калмыцки радуга называется «солнг», а еще и «догнг эмгн», то есть «хромая старуха».

— А почему радуга — это старуха, да еще и хромая? — снова удивилась девочка.

Теперь пришла очередь удивиться и маме: она не знала, что ответить.

...Ночью Чиме приснилась радуга.

— Ты хочешь знать, почему меня называют еще хромой старухой?

— Да, конечно.

— Слушай тогда, Чима. Когда я была молодой и не хромой, я чаще появлялась на небе. Но со временем я состарилась. Мне труднее взбираться на небо и рисовать семь цветов. Мне с собой надо брать семь ведер с разными красками и семь кисточек. Представляешь, Чима, сколько работать приходится?

— Как тебе тяжело, радуга! — посочувствовала девочка. — И некому тебе помочь?

— Некому, — ответила радуга. — Это моя забота. Когда не хватает сил, я отдыхаю: не заканчиваю рисунок, до горизонта не достаю. Иногда играю с красками, меняю их местами. Поэтому бывает перевернутая радуга — первая краска не красная, а фиолетовая, а седьмая, наоборот, красная. Правда, весело видеть такое?

— Весело! — согласилась Чима. — А бывают сразу две радуги?

— Да, когда приходит моя средняя сестра.

— А три радуги бывают?

— Да, когда приходит моя младшая сестра.

— А почему они не всегда приходят? Ты часто одна на небе.

— Когда дозовусь, тогда приходят, — вздохнула радуга.

— Понятно, — вздохнула и девочка. — Знаешь, я тоже иногда не отзываюсь, когда мама меня зовет. Теперь буду слушаться маму.

эс күрхлэ, күцц биш солңһ гиж нерэддг.

— Солңһ яһад «эмгн» болжахмб, деернь «дохлң» гидмб? — күүкн шинэс өврнэ.

Экнь бас өврэд, ямаран хэрү өгхэн медж чадад бээв.

...Сөөднь Чимэд солңһ зүүднднь орв.

Күүкнэс тер сурна:

— Намаг яһад доһлң эмгн гиж келдгинь медхэр седжэнч?

— Э-э, седжэнэв.

— Тиигхлэ соңс, Чима. Би баахн цагтан доһлң биш билэв, болв бээһэ бээж, би көгшрв. Теңгрт һарад, долан өңгтэ ширэр ширдхд күнд болад бээв. Бийлэхэн зүсн-зүүл ширтэ долан суулһ болн до-лан биир өргэд авч йовхд йир күнд. Ода медгджэнү, кедү көдлмш кех кергтэ?

— Солңһ, чамд күнд болдг бээж! — күүкн сана зовб. — Нөкд болх күн угай?

— Уга, — гиж солңһ хэрү өгв. — Энчнь мини көдлмш. Кемр чидл эс күрхлэ, би амрдув: көдлмшэн күцц келго үлдэхлэ, тегэд нег көлм шавшлһд күрхш. Зэрмдэн ширэр нааддув, теднэ орминь сольдув. Тегэд солңһ кемргдсн болна — түрүн ширнь улан биш, чүүкл өңгтэ. Доладгчнь хэрү улан болна. Тиим бээдл үзхд йир байр-та, эсий?

— Байрта, — гиж Чима келв. — Хойр солңһ дегц бээдв?

— Бээдм, мини дунд дү ирхлэг.

— Һурвн солңһ бээдв?

— Бээдм, мини бичкн дү ирхлэ.

— Тедн яһад чамта эс ирнэ? Чи теңгрт мел һанцарн үзгднэч.

— Кемр дуудсим соңсхлаг, ирцхэнэ, — гиж солңһ саналдад келв.

— Медгджэнэ, — гиһэд күүкн саналдв. — Би бас экм дуудхла, зэрмдэн хэрүһинь өгдгов. Ода экэн соңснав.

— Йир сэн, Чима, — солңһ буульв. — Кемр дууджахла, кергтэ болжанач.

...Өрүнднь хур орв.

Дарунь нарн терзэр шаһаһад, күүкиг серүлв.

Чима хувцан адһж өмсэд, һазаран гүүһэд һарв.

— Это хорошо, Чима, — похвалила радуга. — Если зовут, значит, ты нужна.

...Утром пошел дождик. Солнце заглянуло в окно, разбудив девочку. Она, торопливо одевшись, выбежала на улицу.

В небе появилась радуга и окликнула девочку:

— Здравствуй, Чима!

Девочка помахала радуге в ответ:

— Здравствуй, радуга! Здравствуй, радость!

10 мая 2020 г., 3 октября 2021 г.

Тенгрэс солнһ күүкиг дуудв:

— Чима, менд!

Күүкн солнһд харарн дайлад, хэрүднь хээкрв:

— Менд, солнһ! Менд, байр!

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

Пятилетняя Юлдаша подошла к маме, работавшей за компьютером, постояла, ожидая, когда на неё обратят внимание, и, не дождавшись, громко заявила:

— Хочу чёрного котёнка!

Мама не сразу отозвалась, занятая делом: она писала статью.

— Мама, хочу чёрного котенка! — нетерпеливо повторила дочка.

— Почему чёрного котёнка? — рассеянно спросила мама, думая над темой.

— Потому что хочу чёрного котёнка! — по-своему объяснила Юлдаша и потянулась к клавиатуре, зная, что тогда мама точно прервет работу.

Мама повернулась к дочке:

— Юлдаша, чёрный котёнок — это нехорошая примета.

— Примета? — удивилась девочка. — А что это такое?

— Как тебе сказать, — мама развела руками, — это... то, что подсказывает будущее, что случится — хорошее или плохое. Чёрный цвет — это нехорошо, мрачно. Давай возьмем котёнка другого цвета. Белого, например, как снег или молоко.

— А еще какие есть цветные котята? — поинтересовалась Юлдаша, озадаченная выбором.

— Рыжие, серые, голубые... М-м-м... — мама стала вспоминать. — Полосатые... Всякие... А еще разноцветные.

— Этот как? — удивилась дочка.

— Ну вот, скажем, чёрно-белый котёнок. Лапки, ушки, грудь у него белые, а сам чёрненький, как ночь. Или, наоборот. Удачный вариант.

— А где возьмем? — перешла к деловой части разговора Юлдаша.

— Возьмем где-нибудь, — пробормотала мама, возвращаясь к работе.

Через неделю подруга сообщила ей, что раздает котят: у их кошки появилось очередное потомство.

Мама потом привезла домой чёрно-белого котёнка. Он не сразу

МИИСИН ХАР КИЧГ

Тооцлурт көдлмшэн кежэсн эк талан тавн наста Юлдаша өөрдэд, күүндхэр седэд, невчкн зогсчаһад, чаңһар герчлв:

— Миисин хар кичг нанд кергтэ!

Экнь юм барлжасндан, тер кемлэнь хэрү өгсн уга.

— Аак, миисин хар кичг нанд кергтэ! — теслт угаһар күүкн дэжн келнэ.

— Яһад хариг авхар бээнэч? — кежэх көдлмшэн ухалн бээж, экнь сурна.

— Яһад гихлэ, нанд хар кичг кергтэ! — эврэхэр сурвран цээлһэд, товчлур тал һаран сунһна. Тиигхлэ экнь көдлмшэн зогсахиг меджэнэ.

Экнь күүкн талан эргнэ:

— Юлдаша, хар өңгтэ кичг — му йор.

— Йор? — күүкн өврнэ. — Эннь юмб?

— Чамд юн гиж келхв, — экнь альхан делгв, — эннь иргчиг тааж медүлнэ, сэн юмн болхинь, эс гиж му болхинь. Хар өңг — му, зүсн уга. Талдан өңгтэхэснь авхм. Цаһаниг, цасна, эс гиж үснэ өңгтэг.

— Дэкэд ямаран өңгтэ кичгүд бээдв? — тогтнж чадлого, Юлдаша сурна.

— Шар, бор, көк... М-м-м... — эк ухална. — Утулц эрэтэ... Зүсн-зүүл... Бас оln өңгтэ.

— Тернь ямарамб? — күүкн өврнэ.

— Нэ, үлгүрнь хар-цаһан кичг. Көлнь, чикнь, чеежнь цаһан, бийнь хар сөөһин өңгтэ. Эс гиж тас онданар. Тиигвчн, бас сэн.

— Альдас авхмб? — күүкн күүндвриг меджэсэр сурна.

— Альдас болв чигн, — гиж көдлмшэн цааранднь кехэр, экнь арһул хэрү өгнэ.

Дола хонад, үр күүкнь миисин кичгүд төгэхэд өгчэнэ гиж келв. Теднэ мис кичгүд һарһж.

Юлдашан экнь күүкндэн хар-цаһан өңгтэ кичг авч ирв. Тер кичг күүкнлэ шулун иждсн уга. Илхэр седхлэнь, маажв. Күүкн ууляд, эк талан һундлан келхэр гүүв.

— Күлэжэ, күүкн минь, — гиж экнь селгв өглэ. — Энчнь бичкн, чамла таньлдад уга, ээжэнэ. Энүнд эврэннь дуран үзүл. Хотынь өг, дуһар, үс кеж өг.

подружился с девочкой: когда она хотела его погладить, слегка поцарапал. Юлдаша заплакала и побежала к маме жаловаться.

— Потерпи, дочка, — посоветовала мама. — Он же маленький, тебя не знает, боится. Покажи ему свою любовь. Покорми его, дай молочка, поговори с ним.

Вскоре мама услышала, как дочка, ухаживая за котёнком, стала с ним разговаривать.

Потом Юлдаша спросила у мамы, а как зовут их питомца.

— Барсик, — сказала мама, рожденная в год Барса.

— Кис-кис, — возразила дочка.

— Как-как? — переспросила мама. — Это не имя.

— Ты же сама его зовешь: Кис-кис.

Юлдаша подошла к котёнку, игравшему с юлой, и спросила у него:

— А тебе какое имя нравится — Барсик или Кис-кис?

Котёнок лапкой остановил юлу, пожевал колбасную шкурку и ответил:

— Я об этом подумаю завтра. А чёрный котенок — всё равно что чёрный тюльпан.

19 мая 2020 г.

Удлго күүкн кичглэ наадад, күүнддг болв. Юлдаша экэсн кичгин нер ямаран болхмб гиж сурв.

— Барсик, — гиж экнь келв, бийнь барс жилд харла.

— Кис-кис, — гиж күүкн хэрүцв.

— Ямаран, ямаран? — гиж экнь сурв. — Энчнь нерн биш.

— Чи эврэн тиигж дууднач.

Юлдаша дүһрул көндөһөд наачасн миисин кичг тал өөрдөд сурна:

— Чамд ямаран нерн таасгджана? Барсик, эс гиж Кис-кис?

Барсик начасн дүһрулан зогсаһад, хажуднь кевтсн чиксн махна арсинь жажли бээж келнэ:

— Би энүнэ тускар маңдур ухалнав. Зуг хар кичг — хар бамб цецглэ мет.

ВЕРБЛЮЖЬЯ КОЛЮЧКА

Рыжий верблюд задумчиво жевал в степи верблюжью колючку, любуясь закатом.

Мимо шла гнедая лошадь по своим делам, остановилась.

— Вкусно, что ли? — спросила она, поморщившись при виде того, как верблюд, осторожно захватив очередную порцию, оторвал от кустарника и продолжил свой ужин.

— А ты попробуй.

Лошадь даже попятилась:

— Я?.. Я не смогу... И как ты ешь эту колючку и не поранишься?

— У меня толстые губы и шершавый язык. Смотри, как красивы розовые цветочки моей колючки! Вот в честь тебя названо растение?

— Нет, — честно призналась лошадь. — И не надо мне такой колючки!

— У тебя и горбов нет, — высокомерно заявил верблюд.

— На что мне такие горбы! — равнодушно сказала лошадь. — У тебя, наверное, в одном горбу вода, а в другом — еда. Прямо холодильник на спине.

— Сказки для детей, — сплюнул верблюд. — Хотя в горбах у меня действительно есть запас для дальних походов, поэтому я могу долго не пить и не есть в пустыне или степи, а перед походом много пью и ем. И горбы худеют в конце пути.

— А-а, то-то они висят, как пустые рукавицы, потом! — заржала лошадь. — И вообще не понимаю, почему тебя называют кораблём? Где море и где ты!

— Корабль пустыни, — аккуратно поправил верблюд, продолжая жевать. — Во-первых, я выше всех животных в пустыне, во-вторых, песчаные барханы, точно морские или океанские волны. И мои горбы, как мачты.

— А зато тебя нет в калмыцком календаре! Ни в годичном, ни в двенадцатилетнем цикле! — заносчиво напомнила лошадь. — А у меня есть и месяц коня, и год коня.

ТЕМЭНЭ ХАТХАНЧГ

Шарвцр өнгтэ темэн суужах нарна герл таасч, теегт хатханчг таслад жагжлана.

Төрүнэ хажууар кер мөрн эврәннь кергэр йовж йовад зогсна.

— Сэн амтга болвза? — гиж темэг хатханчг таслад, асхни хотан иджэсиг үзжэсн мөрн атысн бээдлтэһэр сурна.

— Чи эврэн идэд хэлэ.

Мөрн нам хооран харв:

— Би?.. Би тиигж чадшгов... Эн хатханчгиг чи яһж иддвч, шавтхларн, яһнач?

— Мини урл зузан, келм шүрүн. Хэлэлч, мини хатханчгин оошк цецгүд ямаран сээхн! Чини төлэ урһмл нерэдгджий?

— Уга, — мөрн үнэр келнэ. — Нанд тиим хатханчг керг уга!

— Чамд бөк чигн уга, — деерлкж темэн келнэ.

— Нанд тиим бөк керг уга! — эс керглсн бээдлтэһэр мөрн келнэ. — Чини нег бөкд усн, талданднь хот бээх бээдлтэ. Нам киитрүлөч нурһн деер болжана.

— Бичкдүдин тууль, — гиж келэд, темэн нульмна. — Тер бийнь мини хойр бөкд хол хаалһин йовдлд кергтэ көрч бээнэ. Тегэд чигн би удандан ус уулго, хот идлго көдө һазрар, эс гиж теегэр йовж чадхв. Зуг йовхиннь өмн икэр хот иддүв, ус уудв. Мини хойр бөк хаалһин чилгчд эцнэ.

— А-а, хэрнь хөөннь теднчь, хоосн беелэс мет, унжна! — гийһэд мөрн инцхэнэ. — Чамаг яһад керм гиж нерэднэ, нанд медгджэхш? Теңгс альд, чи альд!

— Көдө һазрин керм, — темэн мөрнэ келсиг жагжлн бээж чиклнэ. — Негдвэр болхла, көдө һазрт би хамгин өндр адусмб. Хойрдвар болхла, элсн довунс теңгсин, эс гиж далан дольгасла мел эдл. Мини хойр бөк харулмуд мет.

— Болв чигн чини нерн хальмг литд угалм! Жилин литд чигн, арвн хойр эргчин литд чигн угалм! — Мөрн караглж келнэ. — Мини нерн сарин литд, жилин литд бээнэ.

Темэн һундхларн, нам хахад одв.

— Мини толһа деер хулһн һарад, түрүлэд босчах нарна толя

Верблюду даже поперхнулся от обиды.

— Я не виноват, что мышка забралась мне на голову и первая закричала, что увидела солнечный луч, поэтому я и не попал в календарь. А это мое место было, все остальные одиннадцать были уже заняты. До сих пор не прошу мышку! — и верблюд снова сплюнул. — Нет меня среди барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи, мыши и коровы! Но зато у каждого из них есть какие-то мои признаки!

— Горб, что ли? — ехидно спросила лошадь и заржала, представив у себя горб на спине.

— Что ты сегодня такая вредная, лошадь? — удивился верблюд. — Я же не упрекаю тебя в том, что ты носишь седло и твои копыта подкованы.

Лошадь, виновато тряхнув поводьями, извинилась, что у неё плохое настроение, и пошла дальше.

А верблюд спокойно продолжил есть свою вкусную колочку, провожая взглядом уходящее за горизонт солнце.

21 мая 2020 г.

үзэд хээкрэнд мини гем уга. Тегэд би хальмгин литд орсн угав. Эннь мини орм билэ, талдан арвн негн ормнь сул биш бээж. Ода күртл хулһна геминь тэвжэхшив! — Темэн дэкр нульмна. — Барс, туула, лу, моһа, мөрн, хөн, сар-мөчн, така, ноха, һаха, хулһн болн үкр гидг адусдын нерд дотр уга болв чигн, цугтаднь мини нег шинж бээнэ!

— Бөк болвза? — гиж сурн, мөрн нурһн деерэн бөк бээсэр санад, тачкнад инэв.

— Мөрн, чи эндр мууха ууран һарһжахмбч? — гиж, темэн алң болна. — Чи эмэл зүүһэд, чини көл тахлата гиж, би чамаг гемшэжэхшлм.

Мөрн жолаһарн сегсрэд, му бээдлтэ бээсндэн гемэн сурад, цаарандан йовв.

Темэн болхла, эврәннь амтта хатханчган жажлн бээж суужах нариг хэлэхэд тогтнв.

ЛУЖА

Летний дождь шел с утра, не переставая.

Вскоре всюду появились лужи, которые обходили редкие прохожие, прячущиеся от дождя под зонтами, пакетами, газетами.

Детей на улице не было видно, иначе они залезли бы в лужу ногами, топали по ней, пытаясь разбрызгать воду подальше.

Все же показался один маленький мальчик, прыгнувший в лужу. Но его мама рассердилась, потому что брызги попали ей на платье, и сказала:

— Выйди из лужи! Простудишься!

— Да ведь лето же! — удивился сын.

— Ну и что? Все равно простудишься! Да и в луже микробов полным-полно! Я же читала тебе сказку Андерсена «Капля воды».

— Да не вижу я микробов этих, — возразил мальчик. — Раз не вижу, значит, их и нет. Вот ты их видишь, мама?

— Не вижу. Но это не значит, что их нет, — торопливо сказала мама, схватив ребенка за руку и вытаскивая его из лужи. — Сандалии у тебя мокрые. Пойдем быстрее домой, надо переобуться.

Они торопливо ушли, но мальчик на прощание успел еще раз топнуть по луже и получить шлепок от мамы.

Лужа облегченно вздохнула, успокоилась, вода в ней разгладилась.

— Микробы, — проворчала лужа, — микробы... Да в вас самих этих микробов не счесть, кто бы говорил! Миллионы микробов!

Она задумалась, представив себе эти миллионы микробов, пришла в ужас, потом окликнула лужу на крыльце здания архива.

— Эй, соседка! Как ты там?

Соседняя лужа всплеснула руками, повернулась на зов:

— Я? Хорошо. Во мне небо отражается, потому что надо мною в козырьковой крыше есть круг. Мне видны дождевые облака. На крыльце растет дерево, ветви его поднимаются выше козырькового круга. А я лежу вокруг дерева. Во мне отражаются небо, облака, дерево. Я, как зеркало, все вижу, и все меня видят!

Ворчливая лужа усмехнулась:

ЦАНДГ

Зунын хур өрүнэс авн зогсл уга орв.

Удл уга энд-тенд цандгуд тогтв. Хая-хая йовсн эмтн цандгудыг эргэд, чачр, орац болн газет толһа деерэн бэрэд оржах хурас хорһлт келднэ.

Хотн дунд бичкдүд үзгддго билэ, эс гиж тедн көлэрн орад, цандгт тавшлдад, усиг холагшан цацхар седцхэх.

Тер бийд нег бичкн көвүн цандгт һэрэдснь үзгдв. Зуг терүнэ экнь, бүшмүдтнь өрсн усн тусхла, уурлад келв:

— Һар нааран цандгас! Царцхич!

— Ода зунлм! — гиж көвүнь өврв.

— Нэ, тегэд? Йилһл уга царцхич! Цандгт олн буртг дала! Би чамд Андерсена «Усна дусал» нертэ тууль умшлалм.

— Би үзж бээхшив тер буртг, — гиж көвүн бурушав. — Эс үзгджэхлэ, буртг уга болжахов. Чи тедниг үзжэнч?

— Үзжэхшив. Тиим болвчн, тедниг уга гиж келж болшго, — гиж экнь адһмтаһар келэд, көвүһән һараснь шүүрэд, цандгас тач һарһв.

— Сандаљчн чииктэ. Шулуи болдгар хэрий, сандаљан сольх кергтэ.

Тедн адһмтаһар йовцхав, зуг көвүн сүүлдн дэкэд нег дэжж көлэрн цандгт тавшад, экэсн ташулад авб.

Эк көвүн хойр хэрснэ ард буртгудта цандг тогтнад, саналдад, уснь тинив.

— Буртгуд, — гиж цандг бурад, — буртгуд... Таднд бийсдтн эн буртгуд то-томж уга. Кесг сай буртгтат!

Цандг уха туңһаһад, дотран тер сай буртгиг санчкад, икэр сүрдв.

Дэкэд архивин герин давшурт тогтсн цандгиг дуудв:

— Эй, ямаран бэнч? — гиж сурв.

Хам-хоша бээдг цандг һарарн сажад, э һарсн тал эргв:

— Би? Сэн. Нанд теңгрин тољан үзгднэ, юнгад гихлэ мини деер сарвчта төгрг нүктэ ора бээнэ. Нанд хурин усн үзгднэ. Давшур деер модн урһж бээнэ, адмуднь сарвчта төгрг ораһас деегшән урһж

— Лужа, как зеркало? Ну и гордячка ты, подруга! Знай свое место! Солнце выйдет, ты высохнешь. И все — нет никакого зеркала!

— Но я была! — робко сказала лужа на крыльце и поглядела в небо сквозь круг козырьковой крыши. — И во мне отражались небо, облака, дерево...

— И я была, — согласилась соседняя лужа. — С миллионами микробов!

Но лужа на крыльце не отозвалась.

Она поймала солнечный лучик и следила, как он перемещается по ее поверхности...

10 августа 2020 г.

йовна. Би модна эргнд кевтнэв. Нанд теңгр, үүлн, модна толян үзгднэ. Би, нүрздг кевтэ, цугинь үзнэв, намаг бас цуһар үзнэ!

Бурмха цандг мусхлзад:

— Цандг, нүрздг кевтэ? Чи ик санатач, үр күүкн. Эврәннь бээрэн медхнч! Нарн герлтхлә, чи ширгхич. Болв — нүрздг уга болж одхговч.

— Зуг би билэв! — гиж эмэжэхэд, давшур деер кевтсн цандг сарвчта оран нүкэр теңгрүр хэлэжэхэд келнэ. — Нанд теңгр, үүлн, модна толян тустг билэ...

— Би бас билэв, — гиж хам-хоша бээсн цандг зөвшэрв. — Сай буртгта!

Зуг давшур деер кевтсн цандг хэрүһэн өгсн уга.

Нарна толяг хавлад, яһж бий деегүрнь көндрж бээхнь харжаж...

МАЛЬЧИК И ДРАКОН

Молодая семья с маленькой дочкой стояла перед городским фонтаном «Мальчик и Дракон», рассматривая скульптуру. Изможденный мальчуган держал за лапу зеленого дракона, чтобы тот взлетел, или, наоборот, держался за дракона, чтобы самому не упасть от жажды — фонтан не работал уже который день. Наверное, воду отключили во время ремонтных работ или давали в определенные часы.

— Хилый какой-то дракон, — скептически заметил папа. — Крылья, как у цыпленка, маленькие. Как он вообще мог летать?

— Потому и приземлился, — кивнула головой мама.

— Бедный дракончик, — вздохнула дочка. — Хорошо, что у него одна голова, а не три. Как бы он удержал их на своей шее...

— А что делают эти двое в центре города? — поинтересовался папа.

— Я слышала, что по калмыцкой легенде мальчик-меркит помогает Дракону взлететь на небо, так ребенок спасет землю от беды: ее не будут сотрясать громы и сжигать молнии.

— Не читал такую легенду, — сказал папа. — Это ты сейчас сочинила!

— Нет, читала в Интернете.

— А там написано, где взяли эту легенду?

— Нет, — призналась мама. — А какая разница?

— Действительно, — согласился папа. — Попробуй теперь проверить, была или не была такая легенда.

Девочка, пристально разглядывая скульптуру, обошла фонтан вокруг, сочувственно вновь вздохнула:

— Ножки у дракона маленькие. И мальчик в одних штанишках.

— Пить хочется, глядя на них, — сказала мама. — Пойдемте в кафе.

Молодая семья, не оглядываясь, ушла из парка...

Мальчик-меркит шевельнулся, заметив, что рядом нет любопытных глаз, перестал держать драконью лапу:

— Тяжелый ты все-таки, дракон. Лапа у тебя неудобная. Устал я.

КӨВҮН БОЛН ЛУ-

Баһ наста өрк-бүл бичкн күүктәһән «Көвүн болн Лу» гидг балһсна хагдурин өмн зогсад, урн бәрмл хэләжәнә. Цуцрсн көвүн ноһан өңгтә Лууһин көләс атхсн зогсчана. Лууг деегшән деләд нистхә гиһәдв, эс гиж цанһад муурсн көвүн бийнь унхасн саглад гихв — хагдур цөөкн өдртән усн уга бәәнә. Ясвр кегджәх учрар ус зогсасн болх, эс гиж кемжәләд цаглянь өгдг чигн болх.

— Өнг уга, турһа лу бәәжлм, — гиж эцкнь темдглв. — Живр-нь такан һуужмлын живрлә әдл, бичкихн. Яһж эн нисдг бәәсмб?

— Тегәд чигн эн нааран буусн болх, — гиж экнь толһаһан гекв.

— Көөрк, көөрк, эн лу, — гиж күүкн харм төрж саналдв. — Хурвн биш, нег толһата болад, сән болж. Яһж эн хурвнан иим нәрхн күзүн деерән дааж чадх билә?..

— Әдн хойр балһсна цутхлнд ю кежәхмб? — гиж эцкнь соньмсч сурв.

— Кезәнә миркт көвүн Лууд нисхднь нөкд болж, тегәд көвүн төрскн һазран һал дәәснәс харсч гиж хальмг домгт келгднә, — гиж эк келв.

— Тиим домг умшсн угав, — болж эцкнь хәрү өгв. — Чи энүг ода ухалад һарһсн болвзач!

— Уга, Сүлжәнд умшлав.

— Альдас эн домгиг авсан тенд бичәтәй?

— Уга, — гиж эк келв. — Терчн йилһм угалм?

— Тиимчн болтха, — гиж эцк зөвшәрв. — Тер домгин тускар ода яһж медхв.

Күүкн хагдуриг дәкнәс оныган өгәд эргж хэләчкәд, саналдж келв:

— Лууһин көльн йир бичкн. Ташр көвүн зуг негхн шалврта.

— Әдниг хэләһәд бәәхнь, ундасулна, — гиж эк келв. — Кафед одцхай.

Баһ наста өрк-бүл ардан хэләлго, паркас йовж одв...

Миркт көвүн көндрәд, хажуднь күн угаһинь медчкәд, Лууһин көлинь тәвв.

— Чи зөвәр күнд бәәжч, лу. Көлчнь эв уга. Муурад бәәвв.

Дракон, стоявший с открытой пастью, повернул голову к мальчику:

— Еще вопрос: кто кого держит тут. Привалился ко мне, скоро сам упаду. Ножки мои маленькие, неустойчивые. Девочка права.

— Воды бы, — с мольбой сказал мальчик. — Жара под сорок градусов.

— Воды! — хмыкнул Дракон. — Да где ее взять?

— Давай взлетай! — попросил мальчик. — Дождь пришлешь, а я отдохну от тебя.

— Да как взлетишь тут, — покачал головой Дракон. — На цемент посадили... Ох, к нам люди идут. Бери мою лапу, держи меня!

— Держусь, — пробормотал мальчик.

12 августа 2020 г.

Аман аңнаж зогссн Лу көвүн тал хэлэв:

— Кен кениг бэржэхнь йиллж медх кергтэ. Чамаг бийим түшснд, эврэн унн гижэнэв. Көлм бичкн, бат биш. Күүкнэ келсн чик.

— Цаңһжанав, — гиж көвүн ээрж сурв. — Дөчн кем халун болжана.

— Усн, — гиж Лу мусхлзв. — Альдас ода терүг авхмб?

— Деегшэн нис! — гиж көвүн сурв. — Хур авч ирхч, би чигн чамас амрхв.

— Нисч болшголм, — гиж Лу толһаһан зээлв. — Накур деер суулһгдсн бээнэлм... Ях, эмтн аашна. Көлим атх, бийим түш.

— Бэржэнэв, — гиж көвүн бурж хэрү өгв.

ЭХО

Он сидел на коленях, склонив бритую голову к домбре, словно прислушиваясь к исчезающим ее звукам. Казалось, он приготовился к исполнению следующего напева, то ли настраивая себя, то ли настраивая музыкальный инструмент...

— А почему у него внутри дыра? — спросил у отца маленький мальчик.

Отец, разговаривавший на ходу по телефону, сделал знак сыну, чтобы тот не мешал ему.

Мальчик же нетерпеливо дернул отца за рубашку:

— Ну, почему, почему?

— Что почему? Какая дыра? — оторвался от телефона отец, прервав разговор. — Ты что-то порвал?

— Да вон у него дыра в животе! — показал мальчик на скульптуру под фонарями.

Отец посмотрел в ту сторону:

— А-а, ты вот о ком говоришь! Это скульптура, памятник такой.

— Кому памятник? — не унимался сын.

— Кому? Джангарчи. Тому, который поет наш эпос «Джангар». Я же рассказывал тебе о богатырях хана Джангара.

— Зачем же, если он поет о богатырях, ему такую операцию сделали? — удивлялся мальчик. — Как же он поет?

— Как поет? — рассеянно переспросил отец, убирая телефон в портфель. — Как-то да поет... А-а, смотри, скульптура называется «Эхо».

— И что? — продолжал удивляться мальчик. — Дыру сделали, чтобы эхо появилось?

— Чтобы эхо откликнулось, нужна, наверное, какая-то пустота для резонанса, что ли, — сказал отец. — Вот он песню поет, а эхо откликается. Поэтому его пение слышно через века.

— Все равно непонятно, — упрямылся мальчик. — Как же он с дырой живет? Ему дышать нечем.

— Он же не живой, ему можно, — отмахнулся отец. — Пойдем скорее, опаздываем.

ДҮҮРЭН

Зевсгиннь зээнрж йовх дууһинь соңсчах метэр, халцха толһаһан домбр талан өкөлһж, энтн өвдг деерэн суусмн. Энтн дарани бадгинь дуулхдан белн бээх, эс гиж көгжмин зевсгтэн көг орулжах, аль бийэн белджэх бээдлтэ болдмн...

— Яһад энтн дотран нүктэвий? — гиж бичкн көвүн эцкэсн сурв.

Йовн йовж жиңнүрэр күүнджэх эцкнь бичэ саалтг бол гигч докъя көвүндэн өгв.

Теслт уга көвүн эцкиннь киилгэснь татад:

— Нэ, яһад, яһад? — гив.

— Юн яһад? Ямаран нүкн? — жиңнүрэсн заагрсн эцкнь күүндврэн зогсаһад: — Юуһан шуулувч? — гив.

— Хэлэ, энүнэ геснднь нүкн! — көвүн шамин дор суух көшө тал заав.

Эцкнь тиигэрэн хэлэж:

— А-а, үүнэ тускар келжәнчий! Энчн урн бэрмл, тиим бумб.

— Кенд бумбв? — көвүн тэвлго бээв.

— Кенд? Жаңһрчд. Мана «Жаңһр» дуулвриг дуулдг күүнд. Жаңһр-хаана баатрмудын тускар би чамд келж өглэлм.

— Баатрмудын тускар дуулдг энүнд яһад иим меслл кесмб? — гиж көвүн өврв. — Яһж дуулх күмбв?

— Яһж дуулх? — жиңнүрэн портфельдэн дүржэх эцкнь аңхунар сурв. — Яһад болвчн дуулдг болхгов... А-а, хэлэ, эн урн бэрмл «Дүүрэн» гидг нертэ, — гив.

— Тегэд? — көвүн цаарнднь өврв. — Дүүрэн учртха гихэд нүклемб?

— Дүүрэн хэрүһән өгхд, резонансин төлэ аль-бис көндө кергтэ кевтэ, — гиж эцкнь келв. — Энтн дууһан дуулхла, дүүрэн хэрүһән өгнэ. Тегэд энүнэ дууг кезэд чигн соңсч болна.

— Тер бийнь медгдхш, — гиж көвүн көзцнв. — Нүклэтэ эн яһж бээдг болхмб? Киһән авдг арһ угалм.

— Энчн эмд бишлм, — эцкнь адһв. — Шулун йовий, оратж бээнэвидн.

Джангарчи посмотрел им вслед, приподняв голову.

Проходившая мимо девочка, заметив это движение скульптуры, ахнула:

— Живая!

Джангарчи вновь склонился над домброй, словно не услышав. У него болела спина от постоянного сидения, приходилось по ночам вставать и прохаживаться по городской аллее. Сквозь дыру в его теле просвечивала луна, тень поэтому была дырявой. Однажды от этой тени шарахнулась пробегавшая собака.

Джангарчи задумался, словно перебирая струны домбры...

12 августа 2020 г.

Жаңһрч ардаснь хэлэж, толһаһан өндэлһв.

Хажуһарнь давж йовх бичкн күүкн көшэ көндрсиг үзэд:

— Өмд! — гиж өврв.

Эс соһссн метэр, жаңһрч дэһнэс домбр деерэн өкэв.

Даң суудгтан энүнэнтн нурһнь көшдмн, тегэд энтн сөөднь бо-
сад, нааран-цааран йовдндмн. Көврдгтнь бээх нүкэрнь болхла,
сар шаһадмн, тегэд энүнэ сүүдрнь бас нүктэ болдмн. Нег дэжж
тиим сүүдрэснь гүүж йовх ноха үргв.

Домбриннь чивһсинь көндэж үзжэх метэр, жаңһрч уха туһав...

ЗОЛОТОЙ ВСАДНИК, КОНЬ И ОРЕЛ

Они летели по небу вместе, не отставая друг от друга.

Степной ветер мешал лететь быстрее, засыпал глаза мелким песком, создавая пыльную бурю.

— Когда-нибудь он закончится или нет? — возмутился орел.

— Песок или ветер? — уточнил Золотой всадник.

— И то и другое! — закричал орел. — В кишках уже этот песок сидит.

Золотой всадник мужественно переносил все тяготы: он держал в правой руке наверху тяжелое знамя, а в левой, вытянутой в сторону, — огромный боевой лук.

Молча скакал и конь, наклонив голову. Ему уже и разговаривать не хотелось: серый песок скрипел у него на зубах, даже лень было выплевывать.

Стоя в стременах, Золотой всадник пытался разглядеть, что там впереди, но было бесполезно: узкие глаза как бы сами собой сжимались, превращались в щелочки.

Он опустил руку с оружием.

— Хозяин, люди заметят! — предупредил орел. — Не поймут, вы же богатырь, держите крепко свой боевой лук.

— Да рука устала, — пожаловался вдруг хозяин. — Не мог скульптор придумать что-нибудь полегче. И вообще — как это удобно, думаешь, удержаться в стременах во время езды, не потерять знамя, не выронить оружие. Да и кто так лук удержит!

— Крепитесь, богатырь! — поддержал всадника его конь. — Вы дали клятву, что, если я не доскачу до цели, снимете с меня шкуру для барабана, четыре копыта мои превратите в молитвенные чаши. А я вам поклялся, что, если упадете с меня по дороге, не вернусь за вами. Было такое, хозяин?

— Было, было, мой любимый конь, — согласился Золотой всадник. — Только когда это было? Уже и не вспомню, сколько скачем. Кажется, тринадцатый год, как установили этот памятник в Элисте.

— И тринадцатый год здесь нет даже таблички на пьедестале, кто мы такие, — возмущенно напомнил орел, перестал махать крыльями

АЛТН МӨРЧ, КҮЛГ БОЛН ҺЭРД

Эдн хамдан, нег-негнэсн хоцрлго, тенгрт нисч йовна. Теегин салькн тоос бүргүлэд, нүдиг шораһар дарад, хурдлж гүүхд харшл-на.

— Эн юмн кезэ зогсхмб? — гиж һәрд уурлв.

— Салькн, эс гиж элсн? — гиж Алтн мөрч нәрдүлж сурв.

— Хамдан! — гихәд һәрд хәәкрв. — Эн элсн муудм орв.

Алтн мөрч залу кевәр зовлңган дааж йовна: барун һартан эн күнд туган барж йовна, хооран татгдсн зүн һартнь — зөвәр ик дәәч саадг.

Толһаһан өкәсн мөрн тагчгар довтлж йовна. Энүнд күүндх дурн чигн уга: шүднднь наалдсн элсиг нульмж һарһхдан эн залхурна.

Дөрә деерән зогссн мөрч өмннь юн бәәхинь үзхәр чирмәнә, болв арһ уга: уутъхн нүднь улм хаагдад, бичкн татаснд хүврж. Зер-зевтә һаран эн буулһв.

— Эзн нойн баатр, әмтн үзх! — гиж һәрд саглулв. — Та баатр-лмт, дәәч саадган батлж бәртн.

— Һарм муурад бәәв, — гиж генткн эзнь зовлңган келв. — Урн бәрмлч невчк гиигн юм кесн болхнь яһна. Довтлж йовад, дөрә деерән йовх нанд туган бәрхд, зер-зевән эс геехд амр болһнч? Кен иим күнд саадган уданд бәрж чадх?

— Баатр, чидлән агстн! — гиж күлгнь дөңнв. — Кемржән заасн ормд би эс күрч чадхла, мини арсим шулад, кеңкрг кех, дөрвн кө-линм туруһас мөргулин ааһ кех андһаран өгләт. Кемржән та бий деерәсм көлврхләтн, тана ардас эргж иршгов гиж андһарллав. Тиим билүс, эзн минь?

— Тиим, тиим, эңкр күлг минь, — гиж Алтн мөрч зөвшәрв. — Зуг кезә нег цагт эн болсмб? Нам кедү цагтан довтлж йовхан медх-шив. Эн бумб Элстд тосхгдад, арвн һурвн жил болж йовна.

— Арвн һурвн жилин туршарт мадна тускар цәәлһж бичсн сам-бр сүүр деер угалм, — гиж һәрд уурлад, нам живрән сәвдгән уурад, унн алдв. — Альдас мадн нааран ирсинь әмтн сурцхана.

— Кемржән арвн хойр бодңгудта эзн богд Жәңһриг эс меддг болхла, сурад бәәтхә, — гиж мөрн келв. — Дәкәд, күн яһж тер

и чуть не ушел в штопор. — Люди гадают, откуда нас сюда занесло.

— Пусть себе гадают, если не знают хана Джангара и его богатыйрей, — снисходительно сказал конь. — Да и как прочтут? На холм, что ли, взберутся? Сразу полиция прогонит. Траву помнут весной и летом, а зимой скатятся, весной в грязи изваляются. На выбор... А ты, орел, под ногами не путайся, собью нечаянно. Шевели крыльями, повыше поднимись.

— Куда скульптор определил, там и нахожусь, — отмахнулся орел. — Как будто за сусликами охочусь в степи. Царь птиц, курам на смех...

Золотой всадник так стал смеяться, что чуть не выронил лук на голову орла.

Орел в последний момент успел увернуться, а всадник удержал оружие.

Конь тоже заржал, подпрыгнул, и всадник чуть не выпал из седла.

— Друзья, ведите себя прилично, — попросил всадник. — Не то все мы свалимся с высоты. Летим дальше.

12 августа 2020 г.

бичмриг умшхмб? Ова деер хархмб? Полиц эдниг көөх. Хаврар, зунар ноһаг ишкжэ давлалх, үвлэр дошч унх, хаврар бальчгт будгдх. Шүүһэд автн... Чи, һэрд, көл дор бичэ оралд. Медмжэн угаһар цокад унһачкхв. Живрэн көндө, өөдлж нис.

— Урн бэрмлч тэвсн ормдан бээнэв, — гиж һэрд хэрүцв. — Теегт зурмна ардас аңһучлж йовсар. Шовудын хан, такаст наадн...

Алтн мөрч таш-пиш хаһрад инэхлэрн, һэрдин толһа деер саадган алдн гив.

Сүл агчмд һэрд хажихэд, мөрч зер-зевэн бэрж чадв.

Күлг бас инцхэж һэрэдэд, мөрч киисн алдв.

— Үүрмүд, тогтнцхатн! — гиж мөрч сурв. — Эс тиигхлэтн, бидн цуһар деерэс нурад унхвидн. Цаарандан нисий.

ТРАВКА ЗЕЛЕНЕЕТ...

— Миша, какое стихотворение ты учишь наизусть? — спросила мама.

Второкласник вздохнул:

— Про весну...

— Ну и как?.. Выучил?..

— Не учится...

Мама заглянула в хрестоматию, над которой скучал сын.

— Травка зеленеет... — бодро прочитала она первую строку.
— Солнышко что делает?..

— Светит.

— Солнышко блестит... Смотри в текст! А ласточка с весною куда к нам летит?

— Куда-то там... — махнул Миша рукой.

— В сени к нам летит, — ткнула в книжку мама. — Что такое сени?

— Сеновал — там же сено.

— Какой тебе сеновал? Сени — это по-старинному, прихожая значит, — пояснила сердитая мама, дав сыну подзатыльник.

— Кто ее домой пустит? — засомневался заплаканный Миша.

— Ты не рассуждай, давай учи стихотворение! Ты сколько его учишь?

— Не помню, долго. Такое трудное задание учительница дала.

— И четыре строчки не можешь выучить! — возмутилась мама. — Там слов-то...

Миша склонился над книжкой, считая слова вслух:

— Раз, два, три, четыре... А предлоги считать? — спросил он, остановив палец на строчке.

— Ты еще запятые и точки посчитай мне! — возмутилась мама.
— Давай наизусть читай.

— Травка зеленеет... Ласточка летит... — начал мальчик.

— Сейчас у меня кто-то другой полетит! Читай! Сначала травка зеленеет, потом солнышко блестит, — поправила мама. — Смотри в книгу!

НОҲАН КӨКРЖЭНЭ...

- Миша, чи ямаран шүлг чеежэр дасчана? — гиж экнь сурв.
Хойрдгч классин сурхульч шуукрв:
— Хаврин тускар.
— Нэ, тегэд яһвч? Дасвч?
— Дасгдхш...
Көвүн уудьна.
Экнь дегтрүр шаһажана:
— Ноһан көкржэнэ, — гийһэд түргэр түрүн мөринь умшад
оркв. — Нарн ю кежэнэ?
— Герлтжэнэ.
— Нарн гилвкжэнэ... Бичсиг хэлэ! Харада хаврт маднур хама-
ран нисч йовна?
— Тиигэрэн... — гийһэд Миша һаран заһв.
— Сиинцүр нисч йовна, — гийһэд экнь дегтрүр заав. — Сиинц
гисн юмб?..
— Өвснэ хаша, тенд өвсн бээнэлм.
— Ямаран чамд өвснэ хаша? Сиинц гисн кезэңкэр өмнх хора
гисн юмн, — гийһэд уурта экнь цээлһэд, көвүнэ гижгэр чичв.
— Кен харадаг герүр орулхмб? — гийһэд уульсн Миша алң болв.
— Чи бичэ үгцэд бэ. Шүлгэн дас. Кедү цагтан дасчана?
— Меджэхшив, кесгэс нааран дасав. Иим күнд даалһвр багш
өгв.
— Дөрвн мөр тодлж эс чаджанч! — гийһэд экнь дурго болжана.
— Энд кедү үг..
Миша дегтрүр шаһаһад, кедү үг бээхинь тоолв:
— Негн, хойр, хурвн, дөрвн... Угтвр үгмүд тоолхмб?
— Чи нанд бас цеглгч цег хойр тоол! — гийһэд экнь цухл
төржэнэ. — Шүлгэн чеежэр дас!
— Ноһан көкржэнэ... Харада нисчэнэ... — гийһэд көвүн дэкснэ
эклв.
— Иигэд умшларн, чи эврэн нисн гижэнэч! Чикэр умш!
Ноһан көкржэнэ гиснэ хөөн нарн гилвкжэнэ, — гийһэд экнь чиклв.
— Дегтрүр хэлэ!

— Травка зеленеет... Солнышко блестит... Ласточка летит...
— С чем к нам ласточка летит? Смотри, что Плещеев написал!
— А это еще кто? — поинтересовался мальчик.
— Кто-кто? Не конь в пальто, а автор этого стихотворения! У меня уже терпения нет! Сколько можно одно и то же повторять! Уже час!

В окно стукнула клювом ласточка, что-то прочирикала.

Мальчик открыл форточку, чтобы отвлечься от зубрежки и от мамы.

— Миша, а Миша! — позвала ласточка. — Долго ты меня будешь мучить? Я уже прилетела, а ты все никак не можешь выучить стих!

И ласточка, потеряв сознание, упала на подоконник.

19 сентября 2020 г.

— Нохан көкржэнэ... Нарн гилвкжэнэ... Харада нисчэнэ...
— Харада маднур ю авч аашна? Хэлэ. Плещеев юн гижэхинь!
— Терчн кен болжахмб? — гинэд көвүн алң болжана.
— Кен-кен? Күлтгэ мөрн биш. Эн шүлгин зокъялч болжана!
Тесврэн геежэнэв. Нег келсэн кедү давтхмб! Частан давтж
бээнэвидн!

Эн саамла харада хоңшарарн терз цокад, нег юм келв.

Шүлгэн дасшгоһар көвүн терзин сальквч секв.

— Миша, а Миша! — гиж харада дуудв. — Чи намаг кедү цаг-
тан зовахмбч? Би нисэд күрч ирүв, чи болхла, шүлгэн дасад угач,—
гиж харада келэд, серлэн гееһэд, терзин ирмэгд киисв.

ЗАЙЧИХА

Зайчонок прибежал к маме и стал жаловаться:

— Мама, а почему старая ворона такая злая? Обзывает меня трусишкой, да еще и хвастунишкой?.. Разве я трусливый?.. Разве я хвастливый?..

Зайчиха, стелившая постель для сыночка, обняла его.

— Разве ты не знаешь, что ворона никому ничего хорошего не скажет?.. Плохой язык у нее. Только плохие вести приносит. Не слушай ворону. Ты у меня смелый, умный, послушный, Кирюля.

— Мама, а почему меня назвали Кирюля?

— Потому что ты родился поздней осенью, когда ночью появились первые заморозки. Твой имя означает Иней. А сестра Ногала родилась весной, когда зеленая трава стала расти, поэтому ее имя имеет зеленый цвет. А Девяля появилась на свет летом, когда вокруг были зеленые луга и поля. Ее имя означает зеленый луг — Девян. А Цагала у нас зимняя девочка, явилась зимой. Потому у нее белое имя — цаган.

— Получается у меня имя белое, как у Цагалы, а у других сестер имена зеленые? — удивился Кирюля. — Как интересно, мама!

— Да, Кирюля, — погладила зайчонка зайчиха. — У калмыков был культ зайца, в честь него даже один род назван — Локоть зайца. В калмыцком календаре есть и год Зайца. Стали бы в честь трусишки год называть?

— Наверное, нет, — неуверенно пробормотал Кирюля. — Значит, я не трусливый, а пугливый?

— Пугливый, даже звука упавшего в воду листа боишься, — засмеялась зайчиха. — Но и осторожный. У зайцев ведь много врагов — волк, лиса, орел. Нас можно назвать бегающими: быстрые ноги нас спасают. Вот как о нас говорят: «Бегающий заяц поднимает лежащего зайца», только пятки мелькают. И вообще стали бы кереиты, атакуя врага, кричать: «Заяц! Заяц!»? Заяц был покровителем войны в древности у монголов.

Кирюля снова удивился:

— Мама, ты шутишь? Первый раз слышу такое.

ТУУЛА

Аакурн гүүж ирсн Кирилэ:

— Аака, көгшн керэ яһад тиим уурта болжахмб? Намаг ээмтхэ гисн деерэн, көр гинэ... Би ээмтхэй?.. Би көрий?.. — гиж хундв.

Оринь ясчасн Туула үрэн теврэд:

— Керэ кенд чигн сэн үг келдгоһинь меднэлмч... Терчн хар саната. Му зэңг авч ирнэ. Бичэ соңс. Чи зөргтэ, ухата, соңсврч, Кирилэ.

— Аак, юңгад намаг Кирилэ гисмб?

— Чамаг намрин ора цагла, сөөднь кирү буудг кемлэ төрсндчнь. Чини нериг Цаң гиж цөөлһнэ. Чини эгч Ноһала хаврар, ноһан урһсн цагла төрлэ, тегэд терүнәнчн нерн ноһан өңгтэ. Девэлэ болхла, зунар, тегэлндэн өвсн урһад шавшжасн цагла төрлэ. Түүнэ нериг девэн гиж цөөлһнэ. Мана Цаһала — үвлин күүкн, цасн орсн цагла төрлэ. Тиигэд цаһан гидг нертэ болв.

— Мини нерн цаһан, Цаһалан нернлэ эдл, талдан эгчнрин болхла, ноһан өңгтэй? — гиж Кирилэ өврв. — Соньн гидгнь, аак!

— Э, Кирилэ, — экнь үрэн толһаһарнь илв. — Хальмг улс туулад шүтдг бээсмн, нам — Туулан тоха гидг нег төрл энәнэнтн неринь авсмн. Хальмг литд чигн Туула жил бээнэ. Ээмтхэ анд нерэдэд, жилиг нерлх билү?

— Санхас, нерлш уга билэ, — гиж Кирилэ келв. — Тегэд ээмтхэ биш, би үргмтхэй?

— Үргмтхэ, уснд унсн хамтхасна эәһэс эәнэч, — экнь инэв. — Хэрнь, саг эмтэч. Туулад хортн дала — чон, арат, һард. Гүүдгүд гиж, мадниг нерлж болна: мадниг хурдн көлмүд аврна. «Гүүж йовх туула кевтсн туулаг босхдмн» гиж, мадна тускар келнэ. Хортн тал дэврж йовх керэд яста улс хара зөндөн: «Туула! Туула!» гиж хээкрх билү? Туулатн аңхн цага моңһл улсин дээнэ евөгчнь бээсмн.

— Аак, шоглж бээвзэч? Түрүн соңсчасм эн, — гиж дэкнэс Кирилэ өврв.

— Ода деерэн бичкнч, кесг юм медэд угач.

— Эргү гихэрий? — Кирилэ башрдж эмэв. — Керэ бас тиигж келв!

— Ты еще маленький, многого не знаешь.

— Глупый, что ли? — обиделся Кирюля. — Ворона тоже так сказала!

— Не глупый, а еще мало знаешь, — успокоила зайчиха. — Заяйцы умные. В сказках с зайцем советуются. Когда путнику встретится заяц — это хорошая примета.

— А в хорошие приметы надо верить? — поинтересовался Кирюля.

— В хорошие приметы надо верить, — засмеялась зайчиха. — Ты у меня хорошая примета!

28 ноября 2020 г.

— Эргү биш, хэрнь меддгчн баһ, — гиж экнь тогтнолв. — Туу-
лас ухата. Туульст туулаһас селвг сурна. Хаалһдан мордж һарсн
күүнә өмнәс туула босхла — сән йор.

— Сән йорг иткх кергтэй? — гиж Кирулә сурв.

— Эрк биш иткх кергтә, — экнь инәв. — Чи мини сән йор!

ТРИ ЯГНЕНКА

Три ягненка вышли из кошары и пошли гулять по весенней степи.

Терпко пахло полынью. Дул легкий ветерок.

Ягнята шли друг за другом, посматривая по сторонам на всякий случай. Вдруг прибежит мальчик-чабан, спохватившись, что нет трех шалунов возле матери-овцы в кошаре.

Тот ягненок, который шел последним, все время оглядывался назад. Он думал, что хорошо бы вернуться к маме, которая, конечно, беспокоится, куда делись ее дети. Поэтому он стал тихо бляеть, призывая старшего брата. Тот остановился, развернулся и спросил младшего:

— Ну что еще?

— А куда мы идем? — робко поинтересовался ягненок.

— Куда глаза глядят.

— А куда... куда они глядят? — не унимался младший братец.

— И... чьи глаза глядят?.. Твои?..

— А чьи еще? — вопросом на вопрос ответил старший братец.

— Я же старший среди вас. Поэтому меня и зовут Первый.

— А мои глаза не в счет? — перебил второй ягненок.

— Твои глаза не в счет, потому что ты Второй!

— А я... а я... тогда... какой? — прошептал младший братец.

— А ты Третий!

Ягнята стояли кругом, переглядываясь и переступая с ноги на ногу.

— А кто это нас пересчитал? — возмутился Второй, который не хотел быть вторым. — Ты или чабан?

— Отец пересчитал!

— А по-другому нельзя было пересчитать? — проворчал Второй, понимая, что так и останется теперь Вторым.

— Это по старшинству. А чем ты недоволен? Вон Третий молчит.

— А ему все равно каким быть, хоть Десятым! — рассердился Второй.

ҺУРВН ХУРҢН

Һурвн хурһн хөөнә хашаһасн һарад, хаврин теегәр идшлж йовна.

Буурлдан үнрнһ кацкнад бөөнә.

Өрвжго салькн үләжәнә.

Нег-негән дахж йовх хурһд энд-тендән саглж хэләв. Экиннһ өөр һурвн альвлдаг эс үзсндән хөөч-көвүн генткн гүүж ирвзә.

Арднһ йовх хурһн дац ардан хэләһәд йовв. Хурһднһ яһсн болхмб гиж, келлгән угаһар зовнһжах экүрн эргж ирхләг сән болх билә гиж, эн санв. Тегәд, ахан дуудж, арһулхнар мәәлв. Тернһ зогсад, эргәд:

— Нә, юн болв? — гиж сурв.

— Мадн хамарлж йовхмб? — гиж хәрг хурһн сурв.

— Сансн талан.

— Хамаран... хамаран тегәд? — гиж дүнһ тәвлго бәәв. — Ташр... кенә сананв?... Чиний?..

— Кенәв тегәд? — гиж, ахнһ сурврарн сурвртнһ хәрү өгв. — Би тана ахв. Тер учрас намаг Түрүн гицхәнә.

— Би тоод ордм биший? — гиж хойрдгч хурһн орлцв.

— Чи тоод орш угач, юңгад гихлә чи Хойрдгчнһ!

— Би... тегәд... би болхла... кедүдгчнһ? — гиж дүнһ сурв.

— Чи болхла һурвдгчнһ!

Хурһд төгрлж зогсад, кәлән сольн ишкәд, нег-негән хәләлдв.

— Кен маниг тиигж тоолсмб? — гиж хойрдгчар үлдш уга сана-та Хойрдгчнһ эсргүцв. — Чи аль хөөч?

— Эцк тиигж тоолв!

— Талданар тоолж болшго бәәсмби? — гиж Хойрдгчарн үлдхән меджәх Хойрдгчнһ буржкнв.

— Энтн эк-толһата юмн. Чамд юн болв? Хәлә, һурвдгч тагч-глим.

— Энүндчн йилһл уга, Арвдгчар чигн үлдх! — гиж Хойрдгчнһ уурлв.

— Эн кевәрн тегәд цүүгхәрий? — гиж теслтән алджах Түрүнкнһ сурв. — Мадн ахнр-дүүнрлм, хоорндан ни бәәх йоставидн. Генткн чон һарч ирхлә яахмб!

— Так и будем ссориться? — нетерпеливо сказал Первый. — Мы, братья, должны жить дружно. Вдруг сейчас волк появится!

— И что?.. — стал нервно смеяться Второй. — Будем по очереди бежать от волка? Сначала ты, потом я... А он — последним?

Третий испуганно озирался по сторонам, подумав, что волк где-то рядом прячется, и стал искать защиты у Первого, встав за ним. Второй нарочно ткнул Третьего головой, Третий от неожиданности упал на землю.

— Зачем ты его уронил? — грозно спросил Первый.

Второй молча попятился, опасаясь последствий своего проступка.

— А если я сейчас тебя переименую? И ты станешь Третьим?

— Я больше не буду, — торопливо пообещал Второй. — Не буду, не буду.

Ягнята посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, пошли к кошаре...

28 ноября 2020 г.

— Тегэд?.. — гиж Хойрдгчнь мусг инэв. — Чонас чеерүдэри гүүхмби? Түрүлэд чи, хөөннь би... Эн болхла — аш сүүлднь?

Хол биш чон гетжэвзэ гиж сансдан үргсн һурвдгчнь энд-тен-дэн хэлэж, Түрүнәннь арднь ирж зогсв. Хойрдгчнь зөрц һурвдгчан мөргв, чочсн һурвдгчнь һазрт унв.

— Яһад энүг уңһаввч? — гиж чаңһ дууһарн Түрүнкнь сурв.

Һарһсн үүл эзэн темцвзэ гижэх Хойрдгчнь дун угаһар хоцрв.

— Би ода неричн сольхла яахмбч? Чи тегэд һурвдгчнь болхарий?

— Би дэжж тиигхшв, — гиж Хойрдгчнь адһсар үгән өгв. — Тигхшв, тиигхшв.

Хурһд нег-негән хэлэж, дун угаһар хөөнэ хаша тал темцв...

МУДРЫЙ ЁЖ

Ёж позвал своих ежат и спросил их:

— Так, дети, скажите, что вы будете делать, если появится враг?

Младший сын торопливо сказал:

— Убежим!

Его средний брат стал смеяться:

— Далеко ты на своих коротких ножках убежишь?

— Надо свернуться в клубок, спрятать ручки-ножки, — пояснил Ёж-отец.

— А наши иголки спасут нас, — добавил старший сын. — Враг уколется — сам пустится наутек.

Ёж-отец был доволен уроком выживания:

— А теперь покажите, как вы будете делать это, дети.

Ежата стали сворачиваться в клубок. Сразу не получилось. Маленький ежик скатился с тропинки в кусты. Средний сын зацепился за отца. Старший крутился, как юла, и не мог остановиться.

— Да, дети, не получается у вас, — строго сказал Ёж-отец. — Лёгкая добыча для врагов. Физкультурой надо заниматься. Кто из вас делает физкультуру?..

Ежата виновато молчали.

Маленький ежик еле-еле выполз из кустов.

Средний братец пытался отцепиться от отца.

Старший брат беспокойно ходил взад-вперед по тропинке.

— Ваши иголки — это не просто иголки, — назидательно заметил Ёж-отец. — Это ваше оружие, запомните, дети. Но это еще не все.

— А что еще? — хором спросили ежата.

— Мы умные — спасли людей!

— А разве у них тоже есть иголки? — удивился младший сын.

— Иголок у них нет, — ответил Ёж-отец. — Но давным-давно, когда люди стали болеть, меньше жить, потому что женились и выходили замуж за родственников, наш предок подсказал, как избежать этой беды.

ЦЕЦН ЗАРА

Зара эврэ бичкдүдэн дуудад сурна:

— Күүкд, хортыг үзхлэ, яахмбт? — гиж.

Отхн көвүнь:

— Орһад гүүхмн! — гив.

Дунд ахнь энүг наад бэрж инэв:

— Эн ахрхн көлтөһөн холд одхмбч?

— Көл-һаран бултулад, моһрцглх кергтэ, — гиж Зара-эцкнь цөөлһж келв.

— Зүүтэ арсн мадниг харсх, — гиж ахнь немв. — Хортн хатхгдад, ээһэд, эврэн гүүж эрлх.

Зара-эцк сурһмж өгсндэн бахтв:

— Нэ, күүкд, ода яһж энүг кехэн үзүлцхэтн.

Бичкн зарас эклэд моһрцглив. Түрүн экндэн чаджахн уга. Отхн зара зам хаалһас бут тал көлврэд унв. Дунд көвүнь эцкдэн торв. Ахнь зогсч чадлго, ормдан дунрад бээнэ.

— Э, күүкд, таднд юмн болжахш! — гиж Зара-эцкнь шүрүлкв. — Хортнд сэн олз болхмт. Чаңһ-чиирг болхин төлэд, бийин тамр кех кергтэ. Таднас кен бийин тамр кенэ?

Зарас, гем һарһсн мет, тагчг.

Отхнь бутас бийэн һарһж авхар күгдлнэ.

Дунд ахнь эцкэсн салж һархар татна.

Ахнь нааран-цааран замар йовдцнад бээнэ.

— Тадна зүн — йиринэ зүн биш, — гиж уха зааж Зара-эцкнь келв. — Энтн йосн тана зер-зев болжана, күүкд. Болв эн келсндэн немхэр бээнэв.

— Юуһан немхэр бөөхмбт? — гиж зарас нег дууһар сурцхав.

— Бидн ухата болад, эмт аврсн бээнэлм!

— Эмтнд бас зүн бээнү? — гиж отхн зара өврв.

— Теднд зүн уга, — гиж Зара-эцкнь хэрүцв. — Болв кезэнэ нег цагт эмтн гемнэд, оларн хордг болв, юнгад гихлэ, эдн элгн-садн хоорндан гер-мал боллдад бээдг бээж. Тиигхлэ, мана нег ухата өвк эмтнд эн үүлэс гетлгх селвг өгч.

— Ямаран селвг? — гиж ахнь тесч чадлго сурв.

— И как же? — не выдержал старший сын.

— Он посоветовал людям не брать в жены и не выходить замуж за родственников, а ехать к чужим. Люди послушались нашего мудрого предка, и с тех пор всё у них хорошо. Вот что значит мудрый совет, дети.

— Надо умных слушаться, да, папа? — спросил младший сын.
— А я умный?

— Умный, ты же Ёж.

— А я? А я? — наперебой стали спрашивать другие сыновья.

— И вы тоже, — успокоил их Ёж-отец. — Поэтому давайте тренироваться.

Вскоре на тропинке появилось четыре колючих клубка разной величины.

29 ноября 2020 г.

— Элгн-садн хоордан гер-мал боллго, хол назрас күүкд буулһтн гисн селвг мана өвк өгсмн. Өмтн терүг соңсад, тер цагас авн эдн эрүл-менд бээцхэдг болв. Цецн селвг гисн тер, күүкд.

— Ухатаг соңсх кергтэ, аав, тиимий? — гиж отхн көвүнь сурв.
— Би ухатай?

— Ухатач, чи Зара бээнэлмч.

— Би бас? Би бас? — гилдж көвүднь цугтан дегц хэрглдж сурв.

— Тадн бас ухатат, — гиж Зара-эцкнь эднөн төвкнүлв. — Зуг моһлцг болдгар дасх кергтэ.

Удлго зам хаалһ дээр кемжәһэрн ондан дөрвн моһлцг үзгдв.

СОРОКА

Прилетела сорока во двор и села на голую ветку дерева.

— Что это ты такая черная, ветка? — спросила сорока.

— На себя посмотри, сорока, — обиделась ветка.

— А я черно-белая, — гордо сказала птица и качнула хвостом.

— Посмотрю на тебя, когда перья твои полетят во все стороны, как мои листья поздней осенью. Зима пришла!.. А ты всех деток кашей накормила?

— Какой кашей?

— Сорока-сорока кашу варила, кашу варила, деток кормила. Этому дала, тому дала... Так же говорят? — напомнила ветка.

— А-а, ты об этом, — махнула крылом сорока. — Детки выросли, вылетели из гнезда. Летают где-то в окрестностях города.

— Мать навещают?

— О чем ты спрашиваешь? — Сорока даже подпрыгнула на ветке. — Кому мать нужна? Каша кончилась... Вот тебе хорошо — все вы сидите на стволе своего дерева, прямо коммунальная квартира. Удобно устроились!

Электрический столб неожиданно оборвал их разговор:

— Сорока, сорока, сколько можно трещать? Голова уже от тебя болит!

Сорока взглянула с иронией на столб:

— Какая у тебя голова? Бе-тон-на-я! Ай-я-я! С чего бы ей болеть?

— От тебя хоть бетон, хоть гранит треснет, — недовольно сказал столб. — Не видишь, сил набираюсь. Вечером всем свет нужен. И тебе тоже, между прочим. Врежешься в меня на лету в темноте, мало не покажется!

— Ой-ой-ой! — запрочитала сорока. — Ой-ой-ой! Да я с закрытыми глазами летать могу!

— То-то говорят, что сорока — ведьма!

— Кто ведьма? Я ведьма? — сорока завертелась на ветке. — Я вещунья.

— А разница? — расхохотался столб, даже искры от него посыпались.

ШААЗНА ШОВУН

Шаазна шовун нег хашад нисч ирэд, цаһан уласна ац деер сууна.

— Чи, ац, яһад иим хар болсмбч? — гиж эн сурна.

— Бийэн хэлэ, шаазна, — гиж ац өөлв.

— Бийчнь хар-цаһанлм, — гиж шовун цорхаж, сүүлэн көндөв.

— Намрин ора цагла хамтхасдм киисснлэ эдл, чини өдд сарваж нисхлэ, хэлэсүв. Үвл ирв!.. Чи күүкдтэн цугтаднь хаш өгвч?

— Ямаран хаш?

— Шаазна-шаазна, хашан чанв, хашан чанв, күүкдэн хотлв. Энүнднь өглэ, терүнднь өглэ... Тиигж келнэлм? — гиж ац тодлж келв.

— А-а, чи терүнэ тускар, — шаазна живрэн сэвнэ. — Күүкд өсөд-босад, үүрэсн нисэд эрллэ. Балһсна эргнд эдн бээршлж нислднэ.

— Экэн санж ирцхэнү?

— Ю суржахмбч? — шаазна нам ац деер һэрэдэд авв. — Эк кенд кергтэв? Хаш чилж одв... Чамд йир сэн — тадн модна иш деер сууцханат, мел коммунальн патър мет. Таварн бээцхэнэт!

Генткн эднэ күүндвриг цаклһани бахн таслв:

— Шаазна-шаазна, кезэ бурдган уурхмбч? Чамас көлтэ толһам өвджэнэ!

Шаазна деегүр санатаһар бахниг хэлэв:

— Толһачнь ямарамб? Бе-тонн! Ай-я-я! Юунас тер өвдхмб?

— Чамас бетон чигн, боржн чолун чигн шуурх, — шүрүлжэ бахн хэрү өгв. — Чидлэн хоршажахим үзжэхшийч? Асхндан цугтаднь шамин герл кергтэ. Чамд чигн бас кергтэ болх. Харһуд нисч йовад, нанла харһхла, үүлэн үзхч!

— Ой-ой-ой! — гиж шаазна һуңшв. — Ой-ой-ой! Би нүдэн аньчкад чигн нисч чаднав!

— Хэрнь, шаазнаг алмс гиж нерэднэлм.

— Кен алмс? Би алмс? — шаазна ац деер эргэд бээв. — Би — ээлдэчв!

— Терчн йилһм угалм! — гиһэд бахн очн һартлан хаһрад инэв.

Сорока подпрыгнула на ветке, приглашая заступиться за нее.

Но ветка не вмешивалась почему-то в их перепалку. Может, была согласна со столбом.

— Развесил тут свои провода! Ни сеть, ни пролететь! — разозлилась сорока.

— А ты присядь, сорока! Поджаришься! — пообещал столб. — Такой шашлык получится!

— Я-то поджарюсь, а тебя перемкнет! Вот тебе и вся вещая весть! Не надо быть электриком! — застрекотала птица.

Ветка качнулась.

Сорока ткнула ее острым клювом.

— Что молчишь? Слышишь, как столб мне угрожает? Убить хочет! Будешь свидетелем! Хочет из меня шашлык сделать!

Ветка сказала, что сорока утомила ее своей болтовней и вздорным характером.

Птица обиделась, повертела хвостом и улетела прочь.

Столб и ветка с облегчением вздохнули.

3 декабря 2020 г.

Шаазһа ац деер һәрэдэд, терүнд бийинь харстха гиж докъялв.
Болв ац эдн хоорнд орлцсн уга. Бахнла эн зөвшәржәсн чигн биз.
— Эврә сунһуган энд-тенд өлгәд, суудг чигн, нисдг чигн арһ
уга! — гиж шаазһа уурлв.

— А, чи, шаазһа, сууж үзлч! Шаргдад унхч! — гиж бахн келв.
— Тиим шимтә шарсн махн болхч!

— Би шарсн махн болхв, болв чи — эвдрхч! Цаклһач биш
болвчн, тиим зәрлг болжанав! — гиж шовун жаагв.

Ац көндрхлә, шовун терүг шовһр хоншарарн чоңқад:

— Яһад тагчг бәэхмбч? Бахн нанд күч үзүлжәхинь соңсчах-
шийч? Алхар бәәнәлм! Герч болхмч! Нанар шорлһ кехәр бәәнә!

Шаазһа бийинь бурад-буслдг хоосн үгәрн зоважана гиж, ац
хәрү өгв.

Шовун өөләд, сүүлән шарвадад, нисәд әрлв.

Бахн ац хойр төвкнж амрцхав.

ШЛАГБАУМ

Шлагбаум стоял, подняв свою полосатую красно-белую стрелу. Воробей, сидевший на соседнем дубе, спросил у шлагбаума:

— Ты чего, инвалид, свою руку не опустишь? Машины уже проехали во двор.

Шлагбаум покосился на птицу:

— Инвалид говоришь? Впрочем, так и есть. Зовут меня Шлагбаум. По-немецки Schlagbaum — «упавшее дерево». Я бываю горизонтальным или вертикальным. В любом случае принимаю горизонтальное положение, поэтому и упавшее дерево. Раньше меня из дерева делали.

— Да, не позавидуешь, — чирикнул воробей. — Одна рука, одна нога. Трудно тебе приходится, наверное.

— Трудно, — подтвердил Шлагбаум, — попробуй повертись днем и ночью, поднимая и опуская единственную руку. Я, как часовой, сторожу границу — чужих не пускаю, своих встречаю. Достается от хулиганов — пытаются поиграться со мной. Но у меня с ними разговор короткий.

— Дерешься? — отскочил воробей.

— Нечаянно руку не удержу. Еще Пушкин опасался: «Иль мне в лоб шлагбаум влепит / Непроворный инвалид». Я вроде бы автоматический, но автоматика тоже иногда ломается, когда озорничают со мною.

Воробей нервно запрыгал по веткам дерева.

Шлагбаум громко засмеялся, смех у него был жестяной.

— Не бойся, воробей. Я на тебя не обижаюсь. Я знаменитый много веков. Раньше возле меня дежурный офицер стоял, документы проверял у путников. Полосатую будку для дежурного человека рядом ставили. Про меня стихи сочиняли, картины писали. Картину Перова видел — «Сцена у железной дороги»? Вот у художника Касаткина картина так и называлась: «У шлагбаума». Представь, что меня нет? Это сколько аварий, катастроф приключится!

У воробья даже хохолок на голове поднялся, когда он попытался представить себе такое происшествие. Он походил взад и вперед по дубовой ветке.

ШЛАГБАУМ

Улан-цаһан цоохр харан өргсн шлагбаум зогсчана.

Өөрнь хар модна бүчр деер суусн богшурһа шлагбаумас сурна:

— Чи, эрмдгтэ юмн, юнгад эс харан буулһнач? Машид давж одвлм.

Шлагбаум шовун тал хэнэхэд:

— Эрмдгтэ юмн гинч? Тиим болжана. Мини нерн Шлагбаум. Немш келнд шлагбаум — «унсн модн» болжана. Би кевтдүв, эс гиж зогсдув. Кезэнэ шлагбаумиг модар кедг бээсмн.

— Э-э, чамд үлү үзж болшго... Өрәсн һарта чамд күнд болдг болхов, — богшурһа гижэнэ.

— Тиим болжана. Өдр сө уга өрәсн харан өргнәч. Би, харулч метәр, межәһән харнав. Хажуһин улсиг орулдгов, эврәхсэн тостув. Азд-аля улс нанар наад кехәр седнэ. Би теднлэ таардгов.

— Теднлэ ноолддвч? — гийһэд богшурһа өсрүв.

— Генткн өрәсн харан уһадув. Цагтан Пушкин келсн болдг: «Аль мини маһнаһар шлагбаум цокх, шамдһа биш эрмдгтэ юмн». Би автоматическ болдг болвчн, зәрмдән бас эвдрнәв.

Богшурһа үүмэд, хар модна бүчр деегүр цервв.

Шлагбаум төмр инэдәр инәв.

— Богшурһа, бичэ эәһэд бә. Би чамд өөлж бәэхмн угав. Би кесг зун жилин туршар бәәжәнәв. Кезэнэ болхла, мини өөр цервн күн зогсад, давсн улсин бәрмт бичгүд хэләдг билә. Шлагбаумин өөр харулчин цоохр бугнг зогсадг бээсмн. Мини тускар бичәчнр шүлг үүдәдг, зурачнр зург зурдг билә. Перовин үүдәсн «Төмр хаалһин өөр болсн үүлдвр» гидг зург үзлч? Зурач Касаткинә «Шлагбаумин өөр» гиж нерәдгднә. Нама угаһар бәәж болхий? Кедү эәмшгтә, зет-кртә йовдл учрх бәәсн!

Тер йовдлын тускар санчкхла, богшурһан толһа деерк залань босч одв. Богшурһа хар модна бүчр деегүр цервжәһэд келжәнә:

— Кемр шлагбаум эвдрж одхла, яахмб?

— Дарунь ясчкх, — гиж шлагбаум тевкнүнәр келв.

— Тиим болхла, сән, — гийһэд богшурһа зөвшәрв. — Нег ор-мдан даңгин зогсна гисн, уудврта болхгов. Нисх дурн күрхший?

— А если ты сломаешься?

— Починят, — спокойно отозвался Шлагбаум.

— Ну это другое дело, — согласился воробей. — Но тяжело на одном месте стоять. Одно и то же кругом видеть. Летать не хочется?

Шлагбаум от смеха чуть не сложился пополам:

— Воробей, воробей, а где ты видел летающий шлагбаум?

Воробей смутился. Помолчал. Попрыгал на ветке. Почесал крылышком свой затылок. Да, рожденный стоять — летать не может. Каждому — свое.

— А помечтать нельзя? — пробормотал воробей, вспорхнул и улетел.

7 декабря 2020 г.

Шлагбаум инэнэ бээж хуһрж одн гив:

— Богшурһа, богшурһа, нисдг шлагбаум чи альд үзлэч?

Богшурһа эмэнэд, тагчг болж одв. Бүчр деегүр цервжэнэд, живрэрн хуухан маажв... Тиим болжана... Зогсхин төлө төрснь — нисч чадшго болжана. Юн чигн заята...

— Күсл тэвж болшгов? — гинэд бурад, богшурһа нисч одв.

БАРАНЬЯ ЛОПАТКА

Рыжая овца отбилась от отары, заблудилась в степи и стала думать, куда идти.

Степь была ровной, глазу не за что было зацепиться, чтобы найти ориентир.

И тут овца споткнулась.

Перед ней лежала пожелтевшая баранья лопатка.

— Не видишь, куда идёшь? — рассердилась баранья лопатка. — Так и поломать можешь меня.

— А что ты лежишь на дороге? — проворчала овца. — Тоже потерялась?

— А ты меня не узнаёшь? — спросила баранья лопатка.

— А должна? — поинтересовалась овца.

— Я твоя лопатка, — уточнила баранья лопатка.

Рыжая овца попятилась:

— Как это моя лопатка? Моя лопатка на месте.

Баранья лопатка подпрыгнула, как будто хотела, чтобы овца лучше ее разглядела.

— Ты, наверное, лопатка кочкара старика Кеди, — догадалась овца. — Знаю ваши уловки. Слышала, как Кедя нашел баранью лопатку в степи, ударил своего кочкара в нос, чтобы намочить его кровью кость. А когда хотонцы предложили сварить её вместе с мясом, сказал им, что эту лопатку может съесть мясо в котле. Калмыки не поверили и пообещали в этом случае отдать ему всё сваренное мясо. Так и вышло. Лопатка ведь в котле раскрошилась.

Баранья лопатка несколько раз подпрыгнула от смеха.

— Ты себя слышишь? Сама же сказала, что лопатка кочкара раскрошилась в котле. Её нету. А я, твоя лопатка, здесь.

Овца испуганно попятилась, жалобно заблеяла.

— Почему ты на дороге валяешься тогда? А не в моём теле находишься?

— Потерялась, — сказала баранья лопатка.

Овца, не зная, что делать, потопталась и стремглав бросилась прочь.

ХӨӨНЭ ДАЛ

Шар нооста хөн сүргэсн хоцрад, теегт төөрөд, альдаран одхв гиж уха тунһаж зогсв.

Наласн тег тиньгр-тегш, үзг медүлх нег чигн темдг уга.

Мел эн кемд хөн бүдрнэ.

Өмннь хөөнэ шарлж одсн дал кевтнэ.

— Альдаран йовж йовхан үзжэхшийч? — гиж хөөнэ дал уурлв.

— Иигэд бийим хамхлхч.

— Чи яһад хаалһ деер кевтхмч? — гиж хөн бурж келв. — Бас геедрвч?

— Чи намаг таньжахшийч? — гиж хөөнэ дал сурв.

— Таньх зөвтэви? — гиж хөн хэрүцв.

— Би чини даллм, — гиж хөөнэ дал цээлһв.

Шар нооста хөн алц болад цухрв:

— Далм яһад болжахмбч? Мини дал ормдан.

Хөөнэ дал, хөн бийинь сээнэр үзтхэ гисн кевтәһәр, өөдән һәрәдв.

— Чи Кеедә өвгнә хуцин дальнь болх бээдлтәч, — гиж хөн бодж келв. — Тана һарһдг мекитн меднәв. Нег дәкж Кеедә теегт кевтсн хөөнэ дал олж авсинь соңслав, терүгәрн хуцин хоңшаринь цокад, һарсн цусарнь далыг норһла. Хотна улс тер далан хээснд чангджах махнлань чанултн гихлә, тана махнтн далым идчкх гиж, Кеедә хэрүцж. Хальмгуд итклго келцхәв: кемржән далынь махн идчкхлә, махан бүклднь Кеедәд өгх болна. Кеедән келсәр болв. Далнь хээснд буслад, үүрч одж.

Хөөнэ дал инәһәд, дөгж һәрәдв.

— Чи бийән соңсчанч? Хуцин дал хээснд урсч одла гиж, эврән келвч. Терчн уга. Би, чини дал, эн бәәнәлм!

Хөн эәж цухрад, мәәлв.

— Яһад чи цогцдм биш, эн хаалһ деер кевтхмч?

— Геедрүв, — гиж хөөнэ дал келв.

Хөн яахан медж чадлго, доран эргжәһәд, гүүһәд әрлв.

— Э, — гиж хөөнэ дал инәмскләд, — хөөг өнгәр әргү гинә. Кеедә, һарч ир!

— Да, — пробормотала баранья лопатка, — а еще говорят, что овца глупая. Кедя, вылезай.

Из-за бугра поднялся старик с плёткой, подошел, поднял баранью лопатку с земли, засунул за пазуху.

— Теперь куда пойдём? — высунулась баранья лопатка.

Кедя молча стукнул по бараньей лопатке, чтобы не мешала думать, и не заметил, как обиженная баранья лопатка выскользнула из бешмета и упала в пыль.

Вскоре на нее набрели два брата, искавшие пропавшую овцу.

— О, это наша овца! — крикнул старший, схватив лопатку и разглядывая кость. — Вот что от неё осталось после волка!

Младший брат прищурился, всматриваясь в баранью лопатку:

— Это точно лопатка от нашей овцы?

— Точно наша. Других нет — ни овец, ни лопаток. Пойдем деду покажем.

Баранья лопатка тихо хихикнула, но ее никто не услышал.

13 марта 2021 г.

Бичкн өөдм hatцас ташмган бэрсн өвгн нарч ирэд, хөөнэ далыг өргэд, өвртэн дүрнэ.

— Ода альдаран хэлэж йовхм бидн? — гинэд шаһаж, хөөнэ дал сурв.

Кеедэ хөрэд, тагчгар хөөнэ далыг чичэд орксн, өөлсн тернь бүшмүдэснь шувтрад, өвгнэс медмжэн угаһар һазрт унв.

Удлго геедрсн хөөһөн хээж йовсн ах дү хойр энүг олж авв.

— О, энчн мана хөн! — гиж ахнь далыг өргэд, шинжлж хэлэн хээкрв. — Чонын хөөн үлдснь энлм!

Дүнъ бас хөөнэ далыг ширтж хэлэчкэд:

— Энчн мана хөөнэ дал мөн болхий? — гив.

— Мөн, мана. Энд нань ямаран чигн хөн, дал угалм. Йовад аавдан үзүлхмн.

Хөөнэ дал арһул инэмсклв, болв энүг күн соңссн уга.

ДОЗОРНАЯ ВОРОНА

Сидела черная ворона на бетонном столбе с утра у пешеходного перехода. Внизу ехали разноцветные автомобили, шли пешеходы под мокрыми зонтами. Все по своим делам. Одна ворона никуда не торопилась, оглядываясь по сторонам. Заметила рядом с собой на столбе видеокамеру дорожного наблюдения.

— Так-так, — сказала ворона, — наблюдаем за движением. Буду сейчас дозорной вороной.

Полчаса она вертелась на столбе, наблюдая за движением машин и людей. Притомилась вскоре, стала отдыхать. Мимо пролетала другая ворона:

— Кар-кар! Что сидишь, подруга?

— Дозорная я сегодня, — приосанилась ворона на столбе.

— Хочется тебе под дождем мокнуть, — махнула крыльями другая ворона и полетела дальше.

Ворона на столбе потопталась, задумалась: а действительно, зачем? Она облетела столб.

— Ты куда собралась? — спросила видеокамера ворону.

Ворона спикировала на столб, заглянула в видеокамеру.

— Это ты мне, что ли?

— Тебе, тебе. Вдвоем веселей. А то все одна и одна тут.

— Да я-то и правил дорожного движения не знаю, — призналась ворона. — Что зря здесь торчать?

— А я тебя научу. Ты же мудрая ворона, быстро освоишь эти правила, — пообещала видеокамера и подмигнула птице. — Без таких правил беспорядок на дорогах. Лишь бы ветра не было, забьет песком камеру, мало что увидишь. Надеюсь, ветер в этот раз не позовешь, ворона?

— Какой ветер? — спросила ворона.

— Забыла, что ли, как ветер позвала, чтобы наказал твоих обидчиков? Как старухи детей побили, дети — кошку, нойон — табунщиков, табунщики — волка, волк — козу, а коза терн стала кусать.

— Когда это было! — отмахнулась ворона. — И не я это была, а старшая сестра моя. Злая была. От злости долго и не прожила.

ХАРУЛЧ КЕРЭ

Өрүн өрлэ йовһн күн йовдг һазрин хажуд бахн деер хар керэ сууна. Дора олин зүсн өнгтэ машид гүүлднэ, норсн чачрта улс йовлдна. Цуһар эдн эврэ кергэн күцэлдхэр адһж йовцхана.

Зуг һанцхн керэ альдаран чигн адһлго, нааран-цааран эргж хэләһэд сууна.

Генткн эн хажудан бахнд торһсн хаалһин видеокамер үзнэ.

— Э-э, намий, — гинәд керэ, — хаалһд болжах йовлһиг эн бүрткж хэләжәнэ. Ода би харулч керэ болсув.

Өрэл частан эн хаалһин машид болн адһж йовх улсиг хэләж, бахн деер хултхлзж эргв. Удлго эн муурад, амрад суув.

Өөрнь талдан нисч йовсн керэ:

— Кар-кар! Үр шовун, чи яһад энд суухмч? — гинә.

— Эндр би харулчв! — гиж керэ урмдв.

— Хурт норад суух дурн күрчәнү? — гиж живрән сөвчкәд, талдан керэ нисәд йовж одна.

Бахн деер суусн керэ дор ормдан нүүхлзжәһэд, сана орсар: «Э, гинич, яһад энд хур дотр суухби?» — гинәд бахниг эргж нисв.

— Чи альдаран нисхэр бәэхмбч? — гиж видеокамер керәһәс сурв.

Керә бахн деер сууһад, видеокамериг хэләв.

— Нанас суржанч?

— Чамас, чамас. Хоюрн бәэхд сергмжтәлм. Һанцаран энд бәэхд эвго.

— Би хаалһин зокал медхшлм, — гиж керә зөвән келв. — Энд тегәд юуһан кехв?

— Би чамаг дасхнав. Чи күңкл ухата керә, зокалыг дарунь дасад авхч, — гиж видеокамер шовунд чирмв. — Тиим зокал угаһар хаалһд диг-даран уга болх. Зуг салькн уга болтха, терчн элсәр камериг дарад, үздгән уурнав. Эн саамд, керә, сальк дуудшго болхвч?

— Ямаран сальк? — гиж керә сурв.

— Бийичнь һундасн тоотсиг шоодхар сальк дуудсан мартвч? Эмгд күүкдиг цокхла, күүкд — миисиг, нойн — мөрчнриг, мөрчнр — чоһныг, чон — ямаг, яман көгл хазсинь мартвч?

— Разберешь вас, все черные, как ночь. Никаких опознавательных знаков, — сказала видеокамера. — Ну что, работаем?

Покосившись на видеокамеру, ворона захлопала крыльями:

— На пост заступила.

— Смотри в оба! — напутствовала видеокамера помощницу.

К обеду видеокамера вышла из строя.

Ворона окликнула ее, заглянула в объектив, клюнула стекло, потом сорвалась со столба и улетела.

14 марта 2021 г.

— Терчн кезэнэ болсн йовдл, — гиж керэ живрэн сэвнэ, — терчнь мини эгч билэ. Ууртан бүтхлэрн, харһсн йовдл. Уурта болсндан эгчм удан бээсн уга.

— Тадн цуһар нег бээдлтэт, харһу сөөһин өңгтэт. Йилһдг темдг угалмт, — гиж видеокамер келв. — Нэ, көдлий?

Видеокамериг хэлэчкэд, керэ живрэн сэвнэ:

— Харулд зогсув.

— Онһж хэлэ! — гиж видеокамер селвгэн өгв.

Үдин алднд видеокамер хамхрв.

Керэ энүг дуудад, нүдинь хэлэж, хоңшарарн шилинь чоңкчкад, бахн деерэс нисэд йовж одна.

ДВЕ МЫШКИ

Мышка вылезла из норки. Огляделась по сторонам: куда попала? Заблудилась. Не туда пошла. Она при свете лампы на столе увидела комнату, спящего мальчика на кровати и удивилась: что ей здесь делать? На всякий случай мышка убедилась, что ей ничто не грозит: дверь закрыта, мальчик спит, кошки, видимо, в доме нет, иначе бы она уже появилась.

Мышка осмелела, прогулялась по комнате и чуть не застряла в домашних тапочках ребенка, запуталась в его носках, брошенных на полу.

— Убираться надо за собой, мальчик, — проворчала мышка. — Учи вас, учи.

Она залезла на стул, уцепившись за детскую одежду. Увидела на столе какие-то книжки, тетради, карандаши — все несъедобное. Понюхала экран компьютера: пахло пластмассой. Экран засветился голубым цветом: мальчик забыл выключить, а мышка случайно хвостиком тронула какую-то вещь, лежавшую рядом на коврике. Из режима ожидания компьютер перешел в режим работы, недовольно даже загудел: вероятно, задремал, а тут разбудили.

Мышка отскочила на край стола. Какая-то опасность? Но ничего не случилось. Тогда она медленно приблизилась к экрану, нечаянно задела коврик.

— Ну и долго ты будешь здесь гулять? — неожиданно раздался чей-то тихий голос. Он шел из какой-то круглой серой коробочки на коврике.

— Эй, кто тут говорит? — осторожно поинтересовалась мышка.

— Я, — пискнула коробочка.

— А ты кто? — спросила гостья, настороженно пригнувшись.

— Мышь.

— Мышь? — удивилась мышка. — Ты не похожа на меня. Какая же ты мышь?

— Компьютерная, — пояснила коробочка. — Видишь, у меня тоже есть хвостик? Это провод, он соединен с компьютером. Я им управляю: бегаю там по экрану, куда захочу. А мальчик со мной дружит. Только забывчивый он: опять не выключил нашу игрушку.

ХОЙР ХУЛЬН

Хулһн нүкнэсн һарв. Энд-тендэн хэлэв: альдаран туссмб? Төөрч. Буру үзг темцж. Ширэ деерк панрин герлднь хора, ордан унтж кевтх көвү үзэд, алнтрв: эндэс үксэн хээсмб? Хара бээхэр хулһн саглад, ээх-чочх юмн бээх-угаһинь шинжлв: үүдн хааһата, көвүн унтата, мис уга кевтэ, эс гиж тер даруһан һарч ирх билэ.

Хулһн санамрдв, хораһар зуһацв, көвүнэ чэргднь торн гиһэд, тээлэд шал деер хайчкхн терүнэ өөмснднь оралдв.

— Хувц-хунран ахулх кергтэ, көвүн, — гиж хулһн яңшв. — Сурһнач тадниг, сурһнач.

Бичкнэ хувцнас бэрэд, сандл деер эн һарв. Ширэ деер аль-бис дегтр, девтр, харнда үзв — мердг юмн уга. Цакм тооцлуриг үнрчлв: хувцнрин үнртэ. Делгц цээв: көвүн унтрахан мартж, хулһн болхла хажудк денвэ деер кевтх аль-нег юмиг санмср угаһар көндөһэд оркв. Цакм тооцлур күләврин бээдлэсн көдлмшин бээдлдэн орв, дургоцж дүүгв: «дуг» гижэсиг серүлснднь дурго болж кевтэ.

Хулһн ширэн зах тал өсрв. Аль-нег ээмшг? Хэрнь, юмн учрсн уга. Тиигхлэ эн тооцлурур арһул өөрдв, санмср угаһар деңвэ көндөһэд оркв.

— Нэ, кедү удан энд зуһацхар бээхмбч? — гисн дун генткн һарв.

Тер дун денвэ деерк бор хээрцгэс сонсгдв.

— Эй, кен келжэхмб? — гиж хулһн арһул соньмсв.

— Би, — гиж хээрцг гиңшв.

— Чи кембвч? — гиж, саглж үнрчлн бээж, гиич сурв.

— Хулһн.

— Хулһн? — гиж хулһн өврв. — Чи намаг дураж угач. Тегэд юн хулһнвч?

— Цакм тооцлуриг, — гиж хээрцг цээлһв. — Би бас сүүлтэв, үзжәнч? Энчн суңһуг, би цакм тооцлурта холватав. Би үүгэрчн залдув: тооцлурар гүүдүв, дурта талан. Көвүн болхла нанла нээжлнэ. Зуг мартмха гидгнь: хэрү унтрахан мартж.

— Чамла наач болхий? — гиж хулһн сурв. — Иим наад би төрүц наадад угав.

— А мне можно поиграть с тобой? — попросила мышка. — Я никогда в такие игры не играла.

— Еще бы! — сказала заносчиво хозяйка. — Бегаешь по мусорным бакам, где тебе ума набраться!

Мышка, застеснявшись, не стала возражать. Ей так хотелось поиграть, что она даже не обиделась на упрек.

— Ну ладно, — милостиво согласилась коробочка. — Только тихо, а то мальчика разбудим. Не даст тогда поиграться.

Две мышки до утра изучали разные игры, перешептываясь и посмеиваясь.

Мальчик спал, и во сне видел, как две мышки играли на его столе...

22 июня 2022 г.

— Э биший! — гиж эзнь деегүрдв. — Хотын үлдл хээһэд хог-богин күвмүд эргдг чамд юн ухан бээдв!

Эмэсн хулһн эсргүцсн уга. Наач үзх дурнь дегд ик болдгт энтн нам энүнэ земллд өөлсн уга.

— Нэ, болтха, — гиж хээрцг өршэв. — Зуг тагчгар, эс гиж көвүн серх. Наадх өгшго.

Хойр хулһн өр цээтл зүсн-зүүл наадд шинжлэд, шимлдэд, инэмсклэд хонв.

Унтж кевтх көвүнэ зүүднднь ширэ деернь наачах хойр хулһн орв...

III

Герюш

РАССКАЗЫ

Белорусский перевод

САН САНЫЧ

Апавяданне

“Паважаны таварыш пісьменнік!

Піша вам былы партызан. Ведаю, што вы таксама ваявалі, а пасля вайны збіраеце ўспаміны ветэранаў, каб напісаць яшчэ адну кніжку. Не ведаю, ці спатрэбіцца вам мая гісторыя, якую хачу расказаць, ці не, але ўсё ж падзялюся, паколькі не дае яна мне спакою да гэтай пары. Прайшло з таго часу нямала гадоў, а здаецца, што гэта здарылася нядаўна.

Думаю, атрымліваеце вы пісьмаў шмат, але прашу дачытаць і маё пасланне да канца.

Не буду паведамляць пра сябе падрабязнасці, як і дзе ваяваў, справа не ўва мне. А ў хлопчыку. Сустрэў я яго ў чэрвені 1944 года, калі вызвалілі Беларусь. Далі нам тады заданне — узарваць мост праз адну раку, каб не даць немцам папоўніць свае боезапасы, якія яны падвозілі па чыгунцы. Выйшлі мы да патрэбнага месца дзвюма групамі: адна пайшла на другі бераг, а мы засталіся на гэтым баку. Заляглі надоўга. Мост моцна ахоўваўся, цягнікі ішлі адзін за другім. Не падабрацца нам аніяк.

Дык вось, калі пераходзілі лінію фронту, з намі быў адзін хлопчык, гадоў можа дзесяці-дванаццаці. Нічым не прыкметны. Бялявы. Хіба што трымаўся дужа незалежна. З намі ў размовы не ўступаў, ды і мы яго не даймалі. Разумелі: раз яму дазволілі з намі пайсці — значыць, таксама сваё заданне мае. Кшталту разведчыка. З сабою ў яго былі нейкія навалачкі, на прадукты памянцъ, ці што. Маскіроўка, відаць. Гэта пасля я ўжо даведаўся, што такія навалачкі на верхавіны дрэў вывешвалі для нашых самалётаў-раз-

ведчыкаў, паказвалі квадрат бамбардзіроўкі.

Як толькі перайшлі нейтралку, наш сусед знік. Ды нам і не да яго было. Усё ламалі галаву, каб нейкім чынам заданне выканаць.

На трэці дзень хлопчык знайшоў нас. Быццам і схаваліся, але глядзі ж ты — знайшоў. Лёг за кустамі з намі, за аховай назірае, як быццам і яму трэба. Не пытаецца нічога, глядзіць і глядзіць.

А гэтым часам на станцыю прыйшоў адзін цягнік і перад аховай і спыніўся. На суседні шлях адразу ж за ім падыйшоў санітарны эшалон. Адчыніліся дзверы, сталі некага выгружаць, кагосьці загружаць, мітусня, адным словам. Ахова падыйшла да санітарных вагонаў, пачала распытваць, цікавіцца нечым, як гэта заўсёды бывае.

Хлопчык наш раптам і гаворыць: “Дайце ВР”.

ВР, самі ведаеце, таварыш пісьменнік, скарочана выбуховае рэчыва называецца. Мы разгубіліся, адразу не знайшліся, што і сказаць. Я яму сунуў ВР, не думаючы, як яно спатрэбіцца.

А хлопчык праз хвіліну-другую выйшаў на перон, прайшоўся няспешна, і раптам — сігануў пад цягнік. У гэты час пачуўся свісток, і цягнік стаў крататца. Ну, думаем, усё — раздавілі! Ды не! Убачылі, як падлетак паспеў перабрацца ў скрыню пад вагонам, дзе вугаль возіць.

Цягнік стаў набіраць ход. А наперадзе ў яго — мост, той самы, які нам трэба ўзарваць. І вось цягнік ужо на мосце. І недзе на сярэдзіне маста пачуліся выбухі, вагоны сталі адзін на другога наезджаць, грукатня, крыкі.

“Узарваў і сябе!” — зразумелі мы, аслупянеўшы на хвіліну. Але трэба было хутка сыходзіць. І мы зняліся з месца, пакуль нас не выявілі.

Праз паўгадзіны дагнаў нас сувязны групы, што знаходзілася на другім беразе. Яна таксама стала адыходзіць да леса. Сувязны расказаў нам, што яны бачылі, як перад выбухам з маста ў раку кінуўся чалавек. Яго заўважыла ахова, паслала туды кацер, каб вылавіць уцекача. Уцягнулі яго на кацер і некуды павезлі.

Мы вырашылі адбіць палоннага, злучыўшыся з другой групай. Немцы прывезлі яго ў суседнюю каравульную вартоўню. Іх было

няшмат — чалавек шэсць-сем. Мы іх паклалі адразу, калі ўварваліся ў памяшканне. Яны не паспелі нават адказаць, не чакалі.

А мы ўсё адно спазніліся. Немцы прыбілі хлопчыка да дзвярэй, а адзін з іх біў малатком па пальцах, усе рукі былі ў крыві.

Мы асцярожна знялі яго з дзвярэй, неяк перавязалі, загарнулі ў плашч-палатку і сталі адыходзіць. Нас хутка выявілі. Пачалася страляніна. Згубілі шасцярых. Але здолелі адыйсці ад пагоні на некаторы час.

Хлопчык увесь час трызніў, прасіў выклікаць нейкага Восьмага. Відаць, начальства сваё. Называў невыразна свой маскоўскі адрас. Казаў, што маці працуе ў Наркамфіне, усе яе там ведаюць, што ён уцёк на вайну з трэцяга класа. Пасля заціх.

Нас загналі да ракі. Мы знайшлі ў чароце падтопленую лодку без вёслаў, неяк пагрузілі параненага разам з двума партызанамі. А самі пачалі прыкрываць іх адыход. Патроны ўжо заканчваліся...

Праз некаторы час немцы нас згубілі з поля зроку.

Мы стомлена ішлі да партызанскай базы і думалі, кожны пра сваё, пра сябе, пра тое, а як там нашы таварышы? Ці ўдалося адарвацца ад пагоні? Што з хлопчыкам? Ці выжыве з такімі ранамі?

А як прыбылі, далажылі, што ды як. Паведамлілі і пра маленькага разведчыка чалавеку са штаба. Той моўчкі выслухаў, нешта ўдакладніў, пасля сумрачна памаўчаў, махнуў рукою і паехаў.

А таварышаў тых мы не дачакаліся. Так і не ведаем, які іх лёс. Што з імі сталася. І з хлопчыкам таксама.

Калі нашы войскі вызвалілі Мінск, атрад наш затрымаўся ў горадзе. Я хадзіў па вуліцах, як быццам нешта згубіў. Выпадкова натрапіў на фотастудыю. Гэта надзвычай здзівіла. Але вырашыў і я сфатаграфавалі на памяць. І раптам убачыў у вітрыне фотаздымак нашага хлопчыка. Не паверыце! І я таксама спыраша не верыў, калі ўбачыў здымак. Забег, схапіў старога фатографа за руку і пацягнуў на вуліцу да вітрыны. Тыцкаю пальцам на здымак і пытаюся, а хто гэта? А той нічога не разумее, разгубіўся, глядзіць на мяне, як на вар'ята. А я ледзьве розум не страціў ад радасці: усё, думаю, зараз даведаюся, што за хлопчык, як завуць яго, адрас хатні. Кажу, дзе квітанцыя, што там напісана. А стары адказвае, няма

квітанцыі, хлопчык сам забраў свой здымак, а гэтая картка — на вітрыне — для кліентаў. Прыходзіў з танкістамі, з імі і сыйшоў пасля здымак. Звесткі на квітанцыі не памятае, канешне, — шмат людзей здымаецца для дакументаў, для сябе, для сяброў.

Я спытаў, як да хлопчыка звярталіся танкісты, імя, відаць, называлі. І тут фатограф стукнуў сябе па ілбе, сказаў, што ўспомніў, так, звалі яны яго Сан Санычам.

Значыць, Аляксандр Аляксандравіч. У дзесяць-дванаццаць гадоў — па бацьку клічуць.

Пасля вайны я хацеў паехаць у Маскву, таварыш пісьменнік, паспрабаваць знайсці Сан Саныча ці маці яго, як давядзецца. Але так і не атрымалася. Жаніўся, дзеці, праца. Не-не ды і ўспамінаю лета сорок чацвёртагак года, беларускую станцыю, падрыву цягніка, каравульную вартоўню, хлопчыка ў плашч-палатцы.

Таварыш пісьменнік, можа быць, вам давядзецца ў сваёй Маскве даведацца, дзе цяпер Сан Саныч? Ці жывы ён?

Хацелася б верыць, што не дарэмна мае таварышы паляглі, вызваляючы тады з палона хлопчыка.

Пісьмо дапамагла напісаць мне старэйшая дачка-студэнтка. Яна чытала вашы кніжкі пра вайну. Цяпер чытаю іх і я. Цяжка ўспамінаць вайну, але не ўспамінаць яшчэ цяжэй.

Подпіс мой, канешне ж, неразборлівы, таму што двух пальцаў на правай руцэ няма пасля адной нашай вылазкі на чыгунку. Ды подпіс і ні пры чым. Размова ж не пра мяне”.

BESLAN QƏLPƏSİ
hekayə

On yaşlı oğlan palataya girən moskvalı həkimə baxdı, onun suallarına təmkinlə cavab verdi, sonra maraqlandı:

— Siz Vakulevsiz?

Həkim təəccübləndi, soruşdu:

— Niyə Vakulev?

— Axı bu elmi mərkəz Vakulev adınadır. Deməli, siz də Vakulevsiz, — deyə balaca pasiyent uşaq sadələvhlüyü ilə bildirdi.

— Yox, balaca, mən Vakulev deyiləm, Bokerinəm. Və mən səni sabah əməliyyat edəcəm. Hər şey yaxşı olacaq.

Oğlan anlayırmış kimi başını tərpətdi, qara gözlərinin baxışları uzaqlara zilləndi.

...Bakurin uşaq ürəyinin rentgendən çıxmış şəklinə artıq neçənci dəfə idi ki, diqqətlə baxırdı, burada qəlpənin kölgəsi apaydın görünürdü. İnanmaq olmurdu ki, belə bir yaradan sonra uşaq ürəyi necə sağlam qalıb! Axı ürəyə girən qəlpə çox isti olub, görəsən buna görəmi yaranın ətrafındakı qanı laxtalandarıb?

Əməliyyat zamanı Bokerin bir anlıq yerində donub qaldı, uşaq ürəyini diqqətlə nəzərdən keçirtirdi, orda qəlpə yox idi. Görəsən qəlpə hara yoxa çıxıb? Kardiocərrah ürəyi işığa tutdu, onun kapilyar əzələləri sıxıldı və qəlpə yerə düşdü. 18mm! Uşaq ürəyi üçün iriydi!

Reanimasiyadan sonra uşağı palataya gətirdilər, Bokerin qəlpəni onun ovcuna basdı. Uşaq əliylə qəlpəni qoxladı, bu qəlpə onu orada, Beslanda öldürə bilərdi! Sentyabrın əvvəlində Beslanda oğlan məktəbin idman zalından silahlı terrorçuların əlindən qurtulub qaça bilmişdi; terrorçular böyükləri və uşaqları girov götürmüşdülər, idman zalında saxlayırdılar. Yadına düşdü ki, üç gün susuz qalmışdı, içmək istəyirdi, su yox idi; məktəbə gətirilmiş müxtəlif rəngli qızılgül bağlamalarından gül ləçəklərini qoparıb yeyirdi; ləçəklər solmuşdu, dadsız idi, tikanlar onun barmaqlarını deşirdi. O qorxsa da, yatmaq istəyirdi.

— Anan səni köynəkdə doğub, Bəy! — Bokerin dedi və qəlpəni

oğlandan aldı ki, ürək-damar cərrahiyyəsi Elmi Mərkəzinin muzeyinə versin. Bu eksponat daha bir talenin eksponatı olacaqdı!

— Necə yəni, köynəkdə doğulmuşam?

— Yəni bu o deməkdir ki, sən xoşbəxtsən. On sentyabrda sən ikinci dəfə doğulmusan, deməli çox yaşayacaqsan. Böyüyəndə kim olmaq istəyirsən?

Oğlan düşünmədən cavab verdi:

— Atam kimi milisioner!

...Bəy Vladıqafqazda Tibb İnstitutunu bitirəndən sonra Elmi mərkəzdəki ordinaturada öz xilaskarıyla rastlaşdı, o burada təhsilini davam etdirmək istəyirdi. Ürək cərrahı onu dəstəklədi.

— Kardiocərrah olmaq çox çətindi, — Bokerin dedi. — Lakin əgər qərarın qətidirsə, onda aspiranturaya girməyi məsləhət görürəm...

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ»

ХАТУЧ МЕКЛЭ

(*Ойротск тууль*)

Нег дэжж меклэ наадхар хэрэдэд харад йовна. Хэрэдэ-хэрэдэ йовж гер талан хэрх хаалхан геечкж. Ө-шуһу модн дотраһур төөрө йовтлнь генткн шорһлжна цувг хаалһ харһна. Кесг оһн шорһлжн нурһн деернь харад, кесг зун шорһлжн элкн бийднь наалдж одна.

— Өлсэд үкж йовх нэмэг зуухдан ичцхахнтн! — гинһэд меклэ уульна.

Тиклэнь шорһлжд нам үнэртэн ичцхана. Тедн цуһар меклэ деерэс бууһад өмнь харад геклдцхэв: «Таниг мадна герүр оддха гиж суржэнэвдн. Манас хот идтн. Бал уутн».

Меклэ зөвшэрнэ. Ямаран хот идсэн медхш. Хот уужаһад ю күндсэн сээнэр бийнь медхш, — тиим икэр хот ууж.

Өрүнднь нег шорһлжнас иигж сурна:

— Буйн болтха эн модн деер давшж харад, мини гер альк үзг тал бээхинь хэлэлчн, — гинэ.

Шорһлжн модн деер шавшж харад, цегэн уста нур үзнэ.

— Меклэ, нааран йовтн, би хаалһитн зааж өгсв, — гинэ.

— Йовий! — гиж меклэ зөвшэрнэ. — Болв хойюрхн биш. Цуһар нан тал цуглрцхатн. Тадн цуһар нэмэг гиич кевт, ода би тад-ниг цуһараһитн гиич кехэр бээнэв.

Тер кевтэн шорһлжд бээсэрн цуһар цуһлрж авад меклэг дахад харцхана. Меклэ өмн бийднь өсрэд, хэрэдэд йовна. Түүнэ ардас шорһлжд цүврэд цувад йовна. Нуурин өөр күрч ирцхэнэ. Меклэ ардан хэлэнэ, шорһлжд дегэд оһнд һазрин өвсн үзгдго болна.

— Тадн, шорһлжд, үүнд үлдцхэтн. Би одад хот белдүлчкнэв, — гиж меклэ келчкэд, хэрэдэд уснур орж одна.

Шорһлжд усна көвэд үлдцхэнэ. Нег өдр күлөһэд, хойр өдр күлөһэд оркна. Доладгч хонг деерэн шорһлждин экнь, бүсэн чаңһур тач бүслчкэд, хэрэд йовж одна:

— Меклэн тоовр күлэхлэ — харһнж үкх бээдлтэ!

Тер кевтэн, шорһлжд цуһар бүсэн чаңһаж бүслэд, экинь ардас харад йовцхана. Шорһлжд ода чигн гесэн цадхад уга, тегэд чигн цуһар мегдэһэд йовдгнь тер.

ЖАДНАЯ ЛЯГУШКА

(по мотивам ойратской сказки)

Лягушка однажды гулять в лес пошла,
Напрыгалась вволю, домой уж пора.
Дорогу к себе в чаще той не нашла.
Куда же податься? Хоть жди до утра.
И вдруг увидала она муравьев —
Те шли по тропинке соседней гуськом.
Они облепили лягушку: живьем
Хотят ее съесть, что ли, тут целиком?
Лягушка заплакала сразу навзрыд:
— Ква-ква, умираю от голода я,
А вы, муравьи, позабыли про стыд —
Кусаете гостью. А я вам родня!..
Какая родня?.. На каком киселе?..
Мурашки смутились, но слезли с нее,
Рodne поклонились уже веселей,
Они пригласили на ужин, ей-ей:
— Отведайте меду! Вкушайте еду.
Ой, как же мы рады узнать про родню!
Лягушка же ест, и в ответ ни гу-гу —
Торопится: трапеза ей по нутру.
Устала, теперь бы еще и поспать.
Наутро мурашку она позвала:
— Заданье тебе, малышок, хочу дать —
На дерево влезь, посмотри, где моя
Сторонка родная. Прошу я тебя!
Полез муравей, торопясь, по стволу,
Залез на верхушку и в дали взглянул:
— Лягушка, лягушка, я вижу — не лгу —
Там озеро чистое. Путь укажу.
Довольна лягушка. Сказала ему:
— Пойдем. Не вдвоем. А все вместе ко мне.
У вас погостила. Теперь почему

И вам не отправиться в гости к родне?..
Направились в гости к родне мураши
На озеро дальнее дружной ордой.
Лягушка-квакушка прыг-прыг впереди,
За ней муравьи, как волна за волной.
Вот берег озерный, вблизи камыши.
Лягушка глядит: а вокруг муравьи,
Не видно под ними травы — все дошли:
Вот это орава — куда ни гляди!
— Вы ждите меня, муравьи, прямо тут, —
Сказала лягушка. — Едой я займусь. —
И прыгнула в воду, в родной свой закут. —
А вы не скучайте, пока приберусь.
...И ждут муравьи первый день у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
И ждут муравьи второй день у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
И ждут муравьи третий день у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
Четвертый уж день они ждут у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
И пятый уж день муравьи у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
И ждут муравьи шестой день у воды —
Но нету лягушки и нету еды.
Седьмой день настал. Муравьиная мать
Живот свой стянула ремнем напоказ:
— Увы, угощения нам не видать.
Умрем, ожидая родню... Мой приказ:
Живот свой потуже стянуть ремешком
И всем потихоньку за мною гуськом.
...И так потянулись за мамой пешком
Все дети ее что есть сил и молчком...

***

С той давней поры муравьи с ремешком,
С той давней поры худощавы. И в том
Заслуга лягушки, не знавшей родни:
Откуда в роду у нее муравьи?

К лягушке ойратской бы в гости сходить,
Ремень муравьиный себе одолжить...

2 июня 2021 г., 22 июля 2024 г.

КАК БЫЛ НАКАЗАН МЕДВЕДЬ

(Тофаларская сказка на новый лад)

Раньше медведь никому покоя не давал. То громко рывкнет, то придавит маленьких зверят, то сломает дерево и разорит гнездо. Пытались звери договориться с медведем по-хорошему, но он и слушать их не хотел.

Тогда они устроили над медведем суд. Много претензий предъявили ему большие и маленькие звери. Медведь такого не ожидал, даже не оправдывался и признал свою вину. Вынесли звери приговор — запретить медведя в берлоге на всю зиму. Подсудимый не стал подавать апелляцию.

С тех пор медведь всегда спит зимой в наказание за нарушение общественного порядка.

Английский перевод

*Памяти моей сестры
Эльзы Михайловны Ханиновой
(1956—2012)*

HOW THE BEAR WAS PUNISHED

(A Fairy Tale)

Ages ago the bear did not leave in peace anybody. He would bellow loudly, press hard on small animals, break a tree or ruin a nest. The other animals tried to come to a peaceful agreement with the bear, but he wouldn't listen to them.

The bear was committed for trial. Big and small animals lodged a lot of claims against him. As the bear did not expect that, he didn't even try to justify himself and pleaded himself guilty. The animals brought in a verdict that the bear should be locked in his den for all winter. The defendant did not file an appeal.

From that time on the bear always sleeps in winter as a punishment for infringement of public peace.

KAKO JE KAŽNJEN MEĐED

Tofalarska priča

Prije međed nikome nije davao mira. Čas jako rikne, čas male zvijeri prignječi, čas slomi drvo i razuri gnijeздо. Pokušavale zvijeri da se lijepo dogovore sa njim, ali on nije htio ni da ih čuje.

Tada su organizovale suđenje međedu. Velike i male zvijeri iznijele su mnoge primjedbe. Međed to nije očekivao, čak se nije opravdavao i priznao je svoju krivicu. Zvijeri su izrekle presudu — zatvoriti međeda u jazbinu svu zimu. Optuženik nije uložio protest.

Otada međed uvijek spava zimi za kaznu zbog narušavanja javnog reda

MASLAČAK

U zemlji Maslačkovaniji, u gradu Maslačkova-nu, u ulici Maslačkovanskoj živio je mali Maslačak. Bio je tako majušan, da je, kada je išao ulicom, unaprijed upozoravao:

— Opreznije! Idem ja, mali Maslačak!

I, začuvši zvonki Maslačkov glas, svi su se razmicali i ustupali mu put.

Mali Maslačak je bio strašan vragolan. Čupao je za kosu manje maslačke, tukao se sa njima, loše učio u školi, prkosio odraslima. Jednom je čak u Maslačkovaniji izazvao poplavu od koje su se mnogi njeni stanovnici jedva spasili, a pola svih kuća bilo je srušeno. Niko nije znao da je to uradio Maslačak, a on je, uplašivši se, oćutao.

Ali, poslije nekog vremena, Maslačak je, na gradskoj kuli, vratio sat za nekoliko časova unazad, i stanovnici Maslačkovanije su zakasnili na posao. Svi su se veoma naljutili kada su saznali da je to uradio Maslačak

— Oprostite mi. Neću više, — rekao je žalosnim glasom mali Maslačak i zaplakao.

Povjerovali su mu i oprostili mu.

A mali Maslačak je prljao rublje, koje se sušilo na suncu, razbijao stakla na prozorima, ga-sio kineske fenjerčice, kojima su se stanovnici Maslačkovanije koristili kao izvorom za osvjet-ljavanje ulica.

Ubrzo je mali Maslačak toliko porastao, pa su ga svi zvali Maslačak, a ne mali Maslačak. Veoma se ponosio svojim rastom i sa prezrenjem odnosio prema malim maslačcima, zaboravivši da je nekada takođe bio baš takav kao oni.

Maslačak nije učio i nije radio. Radovao se. Bilo mu je dobro kad je besposličio i loše kad je radio. I u Maslačkovaniji su ga počeli zvati Maslačak koji ništa ne radi, zato što su stanovnici Maslačkovanije bili trudoljubivi i nijesu voljeli lijenštine.

Jednom je kod Maslačka došao Maslačak Maslačković, najstariji i najpoštovaniji Maslačak u Maslačkovaniji. Pogledao je na Maslačka koji se grijao na suncu, opruživši se ispod grmena, i pjevao neku pjesmu, i rekao:

— Maslačku koji ništa ne radiš, je li ti dosadilo ljenstvovanje?

— Nije, — reče bezbrižno Maslačak koji ništa ne radi. — Nije mi uopšte dosadilo ljenstvovanje. Mogu sve vrijeme, sav život da besposličim.

— Mnogo mi je žao, — rekao je tužno Maslačak Maslačković. — Vidim da je to tačno.

— Tačno, tačno, — potvrdio je Maslačak koji ništa ne radi i zasmijao se. Ali njegov smijeh je bio izvještačen.

— Stanovnici Maslačkovanije su me zamoilili da ti saopštim da ti neće davati da jedeš dok ne počneš da radiš.

— Koješta! — prasnuo je u smijeh Maslačak koji ništa ne radi, i čak je sio. — Ja da radim! Radite sami!

— U tom slučaju, — uzdahnio je Maslačak Maslačković, — stanovnici Maslačkovanije su me zamolili da ti saopštim da neće više da te vide u našem gradu,

— Znači, vi me ćerate? — začudio se Maslačak koji ništa ne radi. — E, pa poći ću u Maslačkograd. Oni su me odavno zvali.

— Tebe će otuda takođe, prije ili kasnije, išćerati, — tužno je rekao Maslačak Maslačković. — Ta ti ne voliš da radiš.

— Pa što? — zasmijao se Maslačak koji ništa ne radi. — Na kraju krajeva, u Maslačkovaniji ima mnogo gradova.

I Maslačak koji ništa ne radi rano ujutro otišao je iz Maslačkovana. Krenuo je u Maslačkograd. Ali tamo je kratko proživio. Stanovnici Maslač-kograda takođe nijesu voljeli neradnike.

I išao je Maslačak koji ništa ne radi iz grada u grad, i svuda su ga proćerivali.

Ostario Maslačak koji ništa ne radi. Osijeđela mu glava, ali on, kao i prije, nije htio ništa da radi.

Išao Maslačak koji ništa ne radi po šumi i mislio će neđe više da ode. Bio je u Tulipaniji, i u Makovaniji, i u Kamilicaniji, ali niđe nije ostajao duže. Pošao bi i u druge zemlje, ali kad bi tamo čuli za Maslačka koji ništa ne radi nijesu šćeli da ga puste. Kome je potreban neradnik?

— Zašto sam tako nesrećan? Što nemam sada Maslačkovaniju, grad Maslačkovan i ulicu Mas-lačkovansku? Pa tamo sam rastao, živio, znao sve. Ta zašto sada, kada sam star i već ne mogu da radim, mene kao i

prije éeraju iz zemlje u zemlju? Zašto? — mislio je tako stari Maslačak koji ništa ne radi i počeo je da žali sebe.

Maslačak koji ništa ne radi neko vrijeme je išao, umorio se i sio da odmori ispod drveta. Zaspao je i nije primijetio kako je nastupilo veče, kako je stigla noć...

Uonio je predivan san. Ide ulicom Maslačkovanskom, svi mu ustupaju put, klanjaju se, srdačno govore. A kad je sio na klupicu, opkolila ga je zlatokosa dečurlija, počela da dosađuje, moli da ispriča priču. Počeo je da im priča priču, počeo.

Tada se Maslačak koji ništa ne radi probudio od jutarnje hadnoće i ugledao kako se iznad šume važno i polako uzdiže sunce. Zaboravio je na starost, htio je da potrči da sretne sunce i pao. Zaplakao je stari Maslačak koji ništa ne radi. Šetio se svog éetinjstva, éetio mladosti, i zažalio što je život prošao tako brzo ...

...Oni su došli u svitanje. On i Ona. Ona je imala smiješne pletenice. Sve vrijeme se smijala tako da su se probudile sve ptice i cvijeće. A On je gladao u Nju i takođe se smijao.

— Pogledaj, de, maslačci! — povikala je Ona i oprezno otkinula maslačak.

A Maslačak koji ništa ne radi radoznalo ih je posmatrao. Stajao je nedaleko, pored samih Njenih nogu i, zabacivši sijedu glavu, prefinjeno se smijao.

«Kako su lijepi i mladi! — pomislio je. — Pred njima je éitav život!».

— Éitav život... — ponovio je i uzdahnuo.

A Ona je približila maslačak ustima i dunula. Vjetar je prihvatio padobrančice maslačka i brzo ih odnio.

Kad je to opazio, zadržtao je Maslačak koji ništa ne radi, bilo mu je strašno, pobjegao je iz sve snage od Nje i nije čuo kako se Ona zasmijala i, odbacivši već golo stabalce, rekla:

— Pogledaj, de, jedanput sam dunula i — nema ničega! Biću srećna: takav je znak.

A Maslačak koji ništa ne radi od toga vremena postao je bojažljiv i stoga sumnjičav. Skrivao se od svih, nikoga nije htio da vidi, i uskoro su ga svi zaboravili.

Prolazilo je vrijeme. Maslačak koji ništa ne radi još više je ostario. Jedva je pomicao noge. Sve vrijeme mu se spavalo. Jednom je, kao vazda, privilegao ispod žbuna i zaspao. Ništa više nije sanjao. Spavao je čitav dan. A uveče je kroz šumu išla krava koja se odvojila od stada. Prošla je pored žbuna ispod koga je spavao Maslačak koji ništa ne radi, i dodirnula ga. Maslačak koji ništa ne radi bio je tako star da se nije ni probudio.

A sljedećeg jutra pored žbuna su prolazili stanovnici Maslačkovana. Nijesu odmah prepoznali Maslačka koji ništa ne radi, a kada su ga prepoznali, tada se čak nijesu ni sažalili nad starim Maslačkom.

Proticalo je vrijeme. Staroga Maslačka koji ništa ne radi nijesu se šććali. A ako bi ga se neko slučajno šćtio, tada bi rekao:

— A, vi govorite baš o tom Maslačku koji nije ništa radio.

Tako je ostalo šććanje na Maslačka koji nije ništa radio.

АНТОЛОГИЯ СКАЗКИ «ГЕРЮШ»

Абазинский перевод

ГЕРЮШ

ЛокI

Ауи дахъагIайызгьи рымдыруа ачатыр апны дгIаншатI. Апхъ-апхъа ауи заджвгьи дгъйымбузтI йгьи дгъйымгузтI, йыззхъайцIуз ракIвын зыла тшгIацIайыршвуз. ЙыззхъайцIуз асабиква ракIвын: ауат хIальальын, йгвгьи йгъгIамсуазтI, йхабаргьи заджвгьи йгъйа-рымхIвуазтI — йгъзымчважвузтIи щта. Ауи йгIалцIла архъа апны тшгIарцIразхIваз асас заджвгьи гвы гъйыйымтуазтI, йаргьи ауат йъ-ацалакIгьи дрыцквачуан. Айтыпараква йгвы йалсуан – зны ачатыр амцIырхуан: агъатан кIьыдата, ацIарысква кIьыдата, ашIахIвагаква кIьыдата йщтIарцIун. УацIыхъван ауат зымгIва ахIапчыпквагьи рылата амахтшаква, ауандырква йырнырцIунта мгIва йыквылу-ан, ауырата йымгIвайсуан — йаларщцы, дауыш ду рхъадзгыла. ЧIварта шIьцкI ангIалырхрыз ахъачваква ауат абыртхуанта ача-тыр йшаъаз апш йдыргылхуан. Ауи агIан йаргьи — айтыпара йак-внащыз, йаланаркъвчIыз — ашвындыкъвараква ъагылаз зджъара дкIылащцуанта тшпсишарныс дщтIалуан.

Ари азын ауи саби чIвыуабыжъкI дгIанаршIыхатI. ЗымгIва ычван. Ангьи зынла ачва дгъгIалымкъбатI. Ауи йгIалцIла йара агара дазыгIвын дтащцытI. Асаби зынла дашIасын йызгIайыз дгIайгвнымгIвуа атшгIва агIылахIва йгIанарылашаруз алащцара дылапшуан.

— Сара уызбитI, — йхIватI асаби.

— Щта, субарныс стахъхан акIвпI сзубауа.

— Уара узачIвуда? — дазцIгIатI ачIвыуара зхъаштылхыз ах-выщ.

— Герюш, — йджъауапхатI агара йгIатащщыз асас, — ачатыр апсы сакIвпI.

— Йучпауа ачIвийа?

— Ачатыр, агер схчитI. Ауи акIвпI Герюш-хIва йызсыпхъауа.

— Саргьи сухчума? — йымагIальаматхатI ацIай.

— Араъа йыгІвну зымгІва схчитІ, — йрытамамтІ Герюш.

— Йшпаухчауа? — дгъашІамсхуазтІ асаби, дандрычвхуаз йщІичвгІарныс йгІайыргыз акІапа тшытгги йнапІыщІшвтхын.

— Ачатыргги ауи йщІабзазауа зымгІвагги апхаста йачвысхчитІ, ауат йшабга-йшызгІвадазлуш, рырахв пщтлапкъкІ йшырылымдзгІуш, ачвартагъвы апны апхІвыспачкІвынква, ахъыза апны ачкІвынчвахвыщква йшгІарылахІуш, асасчва бзиква рызгІай-уамцара ршвхъымса апыхъ асаба шымчІвалуш апшта.

— Уыс ущардапІ, — йджбайщатІ ацІай. — Йара хвыщкІ уакІ-впІ. Зъара уыртайа?

— Йгъсыздырам. Ауаса саргги ссабипІ.

— Уара-уара убазума? МомкІва аны, аба, айщчва, ахщчва уы-
муа?

— ЙсхъазызапІ.

— Йанухъазу баргвыпІ, — йпсыщІа йщтитІ ахвыщ. — Сара йубума аргваныта йсымадзу — ачатыр ауацІагги, уджвылцІтагги. Ауаса йшаъугги йгІасыдгылта сзыртынчра дгъгІарылцІуам. Гара ашвакІ сзыуымхІвума сшычвхуаш апш.

Герюш ачатыр ауацІа зны йгІаз агара ашва гІайгвалашвахын йшизыхІвуз апш йджвыквцицІатІ: «Баю-бай! Баю-бай!..».

Асаби зынла дашІачвхтІ.

Ауи дйыкІва агара апны дывхтІ Герюшгги.

Аскви 2020, апрель а 2.

O alaçıqda hardansa birdən-birə peyda oldu. Əvvəlcə gözə dəymirdi, eşidilmirdi, belə ki, yalnız inandığı adamların gözünə görünürdü. O isə yalnız uşaqlara inanırdı: uşaqlar xeyirxah olurlar, onu incitmirdilər, onun barəsində isə danışa bilmirdilər, çünki danışmağı bacarmırdılar. Buna görə də çöl sakinini heç kim görmürdü və o yerini tez-tez dəyişir, bir yerdən başqa yerə köçürdü. Köçmək ona asan başa gəlmirdi — alaçıq ayrı-ayrı əşyalardan ibarət idi: keçələr, taxta barmaqlıqlar, ikilaylı qapıla, kəndirlər, yurd yerini əhatə edən digər yaşayış vasitələri və daha nələr... Bütün bu yaşayış vasitələrini dəvələrə, at arabalarına yükləyirdilər, uzun yol gedirdilər, sıxlaşa-sıxlaşa, səs-küylə gedirdilər. Yeni məskəndə kişilər hər şeyi boşaldır və təzədən qururdular, alaçıq da öz yeni gökəmini alırdı.

Bir dəfə o, üzücü köçdən sonra yorğun-argın vəziyyətdə gözünü yummaq üçün sandığı içinə girdi. Bu dəfə yuxudan onu körpənin ağlamaq səsi ayıldı. Hamı yatmışdı. Körpənin anası da ayıla bilməmişdi yuxudan. Buna görə də o, qarmaqdan asılmış taxta beşiyə sarı qaçdı, özünü beşiyin içinə saldı. Körpə ocağın kəsif işığında naməlum qonağı görüb qəflətən susdu.

— Mən səni görürəm, — körpə dedi.

— Əlbəttə, çünki bunu mən özüm istədim.

— Bəs sən kimsən? — körpə ağlamağını kəsib maraqla soruşdu.

— Geryuş, — qonaq dedi. — Alaçığın ruhu.

— Bəs sən nə işlə məşğulsan?

— Evi qoruyuram. Yəni, “ger” ev deməkdi, elə buna görə də adım Geryuşdu.

— Məni də qoruyursan? — körpə maraqlandı.

— Bu alaçıqda kimlər yaşayırsa, hamını...

— Bəs necə qoruyursan? — körpə dinc durmadı, yuxudan qabaq ağzına alıb sorduğu quyruq yağını çıxartdı.

— Alaçığı və onun sakinlərini bütün bəlalardan və hücumlardan qoruyuram ki, onlar sağ- salamat olsunlar, dörd növdə saxladıqları mal-

qara məhv edilməsin, çarpayılarda daha çox qız, ədyalların altında daha çox oğlan uşaqları yatsın, yaxşı qonaqlar kandardan içəri girəndə toz-torpaq olmasın.

— Hə, sənin çox işin var ki! — körpə rəğbət hissiylə dedi. — Özün isə lap balacasan. Neçə yaşın var?

— Bilmirəm. Amma mən də uşağam.

— Tək yaşayırsan, yoxsa ata-ana, bacı-qardaşların da var?

— Təkəm, hə, belə görünür...

— Hə, təklük pis şeydi, — körpə ah çəkdi. — Görürsən də, mənim alaçıqda və ondan kənarda nə qədər qohum-əqrabam var! Amma indi məni sakitləşdirməyə heç kim gəlmədi. Mənə bir beşik laylası oxu, yenə yuxuya gedə bilim.

Geryuş vaxtilə alaçıqda eşitdiyi bir beşik laylasını xatırladı, başladı oxumağa, bildiyi kimi oxudu: "Lay-lay-lay-lay! Lay-lay..."

Az sonra körpə yuxuya getdi.

Geryuş özü də beşikdə körpəylə birgə yatdı.

GHERYOOSH

A Fairy Tale

No one knew where he came from or when he appeared in the gher, a round portable dwelling covered with felt. At first he was unseen and unheard, because he revealed himself only to those he trusted. And he trusted small children: they were good to him and couldn't tell anyone about him, because they hadn't learned to talk. So no one noticed the little steppe dweller, and he travelled here and there along with the gher. Moving from place to place wasn't easy for him: The gher was taken apart and loaded with the family's belongings onto carts and camels. The felt cover and wooden frame were loaded separately, the double doors separately and the encircling ropes separately. The long ride was cramped and noisy. At the new location, the men unloaded and set everything up until the gher looked just as it had before. By now rumpled and worn out from the move, he would climb onto the trunks to rest. This time he was awakened by the crying of a child. Everyone was asleep. The child's mother hadn't woken up yet either, so he went over to the wooden cradle hanging from its hook and climbed in. The sight of this visitor was so unexpected that the child became quiet and peered at him in the dim light from the hearth.

"I see you," said the child.

"You do because I want you to."

"Who are you?" asked the child, losing interest in crying.

"Gheryoosh," replied the guest in the cradle, "the spirit of the gher."

"What does a spirit do?"

"I watch over the gher. That's why I'm called Gheryoosh."

"You watch over me too?" the child wanted to know.

"Over everyone who lives in the gher," explained Gheryoosh.

"How?" asked the child, still curious, tiny hands letting go of the piece of tail fat that children sucked on as they went to sleep.

"I protect the gher and those within from troubles and afflictions, see that all are safe and sound, that the four kinds of domestic animals multiply, that there are always a growing number of girls in their beds

and boys in their blankets and that the dust kicked up by friendly guests crossing the threshold never settles.

“You have a lot to do,” noted the child with respect, “but you’re not very big. How old are you?”

“I don’t know, but I’m a child too.”

“Are you all by yourself? Or do you have a mother and father, brothers and sisters?”

“I’m all by myself, I guess.”

“It’s not good being alone,” sighed the child.

“You see all the family I have here in the gher and outside, but there’s no one to comfort me right now. Sing me a lullaby so I can get back to sleep.”

Gheryoosh, remembering a lullaby he had heard in the gher, sang as best he could: “Hushaby, hushaby ...”

The child was soon fast asleep.

Beside the child in the cradle, Gheryoosh fell asleep too.

April 2, 2020

ГЕРЮШ

Әкиәт

Ул қапыл ғына әллә қайзан гер-тирмәлә пәйзә булды. Тәүзә күренмәй зә, ишетелмәй зә ине, сөнки ул кемгә ышына – шуға ғына күренә. Ә ул бәләкәйзәргә ышана: улар бик изге һәм уны қыйырһытмайзар, ә уның турала һөйләй алмайзар, сөнки һөйләшә белмәйзәр. Шуның өсөн дә дала йән әйәһен абайламайзар, һәм ул был тирмә менән урындан-урынға күсеп йөрөй. Күсенеп йөрөү уға ауырма тура килә — тирмәне айырым-айырым һүтәләр: кейеззе тәүзә, ағас қоршаузы һуңғарак, ике яклы ишектәрзе лә, уратып бәйләгән арқанды ла айырып алалар. Быларзың барыһын да шатыр-шотор дөйгә, арбаға тейәнеләр зә, озак, шау-шыулы һәм тығызлыкта барзылар. Яңы урында тирмәне бушаттылар за, ир-егеттәр қороп қуйзылар, ә әлегә тирмә әлекке қиәфәткә инмәгәйне. Һәм шул мәлдә күсенгәндән һуң арыған, йонсоған ул һандықтар янына ял итергә менде. Сабый илауына уянып китте. Барыһы ла йоклай. Әсәһе лә шундук уянманы. Шуның өсөн дә ул ырғакта асыулы ағас бишәккә йүгереп килде лә, юғарыға менде. Усақтың базық қына яқтыһында көтәлмәгән қанаққа бағып, сабый тынысланды.

— Мин һине күрәм, — тине сабый.

— Әлбиттә. Сөнки мин шулай теләнем.

— Ә һин кем? — тип қызықһынды сабый, иларға ла уйламай.

— Герюш, — тип яуапланы сәңгелдәктәге қунақ. — Тирмә әйәһе.

— Һин нимә эшләйең?

— Герзы һаклайым. Шуға ла минең исемем Герюш.

— Һәм мине лә һаклайһың? — тип қызықһынды сабый.

— Кемдәр бында тирмәлә йәшәй, барыһын да, — тип аңлатты Герюш.

— Ә һисек? — қулынан кистән, йоклар алдынан сәйнәгән қудюк майын ысқындырып, аптыраны сабый.

— Барыһы ла имен-аман, дүрт төрлә мал үрсәһен, қыззар

карауатта, малайзар түшөктө үрсөһөндөр, якшы кунактан ишек тууһаһында саң ултырмаһын өсөн тирмәне һәм унда йәшәүселәрзе барлык кайғы-хәсрәттәрзән һаклайым.

— Хәтәр эшең күп, — хөрмәтләп билдәләһөне сабый. — Ә үзең бәләкәй гөнә. Нисә йәш һиңә?

— Белмәйем. Мин дә бала ғына.

— Ә һин япа-яңғыз? Әллә һинең ата-әсәйең, ағай-апайзарең бармы?

— Бер үземдер моғайын.

— Бер үзеңә кыйындыр, — тип көрһөндө сабый. — Ә минең тирмәлә гөнә күпме туғандар, тирмәнән тышта ла. Ә әле бер кем-дең дә мине йыуатырға вакыты юк. Мин кабаттан йоклар өсөн сәңгелдәк йыры йырла әле миңә. Герюш, тирмәлә ишеткән бишек йырын исләп, нисек йырлай алды, шулай йырлай башланы: «Баю-бай! Баю-бай!..».

Сабый йокоға талды.

Уның менән бергә Герюш тә йоклап китте.

2.04.2020.

ГЕРУШ

Казка

Ён з’явіўся ў гер-кебітцы адкуль ні вазьміся. Спачатку быў нябачны і нячутны, бо паказваўся толькі таму, каму давяраў. А давяраў ён малым дзецям, бо тыя былі добрымі і не крыўдзілі яго, і расказаць пра яго не маглі, бо не ўмелі гаварыць. Таму стэпавага жыхара не заўважалі, і ён качаваў з гэтай кібіткай з месца на месца. Вандроўка давалася яму нялёгка, бо кібітку разбіралі на часткі: кашму асобна, драўляныя рашоткі асобна, двухстворкавыя дзверы асобна, вяроўкі, што апярэваюць пабудову, асобна. Усё гэта з астатнім скарбам грузілі на вярблюдаў, на падводы, ехалі доўга, у песнаце і шуме.

На новым месцы мужчыны ўсё разбіралі і ўсталёўвалі, пакуль кібітка не набывала ранейшы выгляд. І тады ён, стомлены і пакамечаны пасля чарговага качэўя, залазіў туды, дзе былі скрыні, каб адпачыць.

Прачнуўся на гэты раз ён ад плачу немаўля. Усе спалі. Маці таксама не адразу прачнулася. Таму ён падбег да драўлянай калыскі, якая вісела на круку, залез у яе. Немаўля ад нечаканасці змоўкла, пры бяжкім святле агменю пачало ўглядацца ў незнаёмца.

— Я цябе бачу, — сказала немаўля.

— Безумоўна. Таму што я гэтага захацеў.

— А ты хто? — спытала цікаўнае дзіця, якое перастала плакаць.

— Геруш, — адказаў госьць у калысцы. — Дух кібіткі.

— І што ты робіш?

— Ахоўваю гераў. Таму мяне завуць Геруш.

— І ахоўваеш мяне? — пацікавілася немаўля.

— Усіх, хто жыве ў гэтай кібітцы, — патлумачыў Геруш.

— А як? — не суніралася немаўля, выпусціўшы з ручаня кавалак курдзючнага сала, якое смактала перад сном.

— Ахоўваю кібітку і яе жыхароў ад усіх бед і няшчасцяў, каб усе былі жывыя-здоровыя, каб чатыры віды жывёл не пераводзілі-

ся, каб у ложку дзяўчынкі, а ў коўдры хлопчыкі прыбаўляліся, каб пыл ля парога не асядаў ад добрых гасцей.

— Шмат у цябе працы, — з павагай заўважыла немаўля. — А сам маленькі. Табе колькі гадоў?

— Не ведаю. Але я таксама дзіця.

— А ты сам па сабе? Ці ў цябе ёсць тата і маці, браты і сёстры?

— Я сам па сабе, напэўна.

— Дрэнна аднаму, — уздыхнула немаўля. — У мяне бачыш колькі радні ў кібітцы і па-за ёй! А цяпер нават няма каму падысці да мяне, каб супакоіць. Праспявай мне калыханку, каб я зноў заснула.

Геруш, успомніўшы калыханачку, якую чуў у кібітцы, пачаў спяваць, як мог: «Баю-бай! Баю-бай!..»

Дзіця неўзабаве заснула.

З ім у люльцы заснуў і Геруш.

2 красавіка 2020 г.

ГЕРЮШ

Онтохон

Тэрэ мухалигтай тэргэ соо хаанаһаашьеб даа бии болобо. Эхин дээрээ хүнүүдтэ харагдадаггүй, дуулдадаггүй байһан. Юундэб гэхэдэ, тэрэ ехэ найдалтай зондоо харагдадаг һэн. Найдалтай зо-ниинь гэхэдэ үхибүүд һэн. Тэдэ сэбэр сэдхэлтэй тула тэрэниие до-ромжолодоггүй бэлэй. Хэлэндэ ороогүйһөө боложо, тэдэ тэрээн ту-хай зугаа гаргадаггүй. Тиимэһээ талын зондо обёоруулагдаггүйһөөн дулдыдажа, мухалигтай тэргэтээ хамта нэгэ газарһаа нүгөө газарта нүүлсэдэг һэн. Нүүдэл бүхэниинь Герюштэ зоболонтой — мухалиг-тай тэргээ сусаха: шэрдэгынь амяаран, модон хайсынь аминдань, үүдэнүүдынь аминдань, байрынь тойруулан уядаг ооһорынь баһа амяаран. Бүхы эдэ барааень тэмээнүүдтэ ашаад, шаг шуяатайгаар аяншалбад. Шэнэ газарта хүрээд, эрэшүүл эдэ бүгэдэ барааень буул-гажа, суглуулжа мухалиг тэргэдэнь түрүүшэнхи шарайень олгуулба. Тэрэ үедэнь эсэһэн сусаһан Герюш ханзануудай хоорондо хорожо, амархаяа хэбтэбэ. Үхибүүнэй бархирхада тэрэ һэрибэ. Булта эсэн-хэйнүүд бүхөөр унташанхай. Эжынь һэрибэгүй. Үлгэсэдэ үлгөөтэй модон үлгэдэнь гүйжэ ошоод, Герюш хажуудань хэбтэбэ. Галай нула гэрэлдэ Герюшы обёороод, үхибүүн уйлахаа болибо.

— Би шамай харанаб, — гэбэ үхибүүн.

— Шамда харагдахаа ханааб, — гэбэ тэрэ.

— Ши хэмши? — һонирхоһон үхибүүн уйлахаа болёод асууба.

— Герюш, — үлгын айлшан бээ нэрлэбэ. — Мухалиг тэргэнэй сахюбусам.

— Эндэ юу хэнэш?

— Гэр харууһалнам. Тиимэ хадаа Герюш гэжэ нэрэтэйб.

— Намайе харууһална гүш? — гэжэ үхибүүн һонирхобо. — Энэ тэргэ соо байдаг бултаний?

— Бултаний, — гэжэ Герюш тэрээндэ ойлгуулба.

— Хайшан гэжэ? — асуугаад халаба хандабагүй үхибүүн.

Асууха үедөө хүхэжэ байһан хониной тарган һүүлэй өөхээ гарһаа алдаба.

— Энэ тэргэ соо болон тэргэнээ гадуур амидырдаг бүхы хүнүүды гэнтэн аюулнууднаа ба баршад тодхорнууднаа абаржа, амиды мэндэ, элүүр энхэ ябахыень, табан хушуун малыень үсөөрүүлхэгүйн түлөө, унтари соогоо басагад, хүнжэл дороо хүбүүд олон боложо байгыт гэжэ, хайн айлшанууднаа богоһын шорой бү буураг гэжэ харууһалнаб.

— Ажалшни ехэл байна, — хүндэмүүшээр үхибүүн тэмдэглэбэ. — Бэеэр багаханши, хэдытэйбши?

— Мэдэхэгүй. Харин би үхибүүнби.

— Ши гансаараа гүш? Али шамда аба эжы, аханар ба эгэшэнэр бии гү?

— Гансааранби.

— Гансахан байхада муу, — гээд, үхибүүн ханаагаа алдаба. — Түрэлнүүдни энэ мухалиг тэргэ соо олон. Харин нэгэнииншые дүтэ хүрэжэ, намай хамааруулнагүй. Нойр барихымни тула үлгын дуу дуулыш. Тэргэ соо дуулаһан дууе ханаад, Герюш дуулажа оробо: “Бааюу, бааюу, бааюухан!”

Уданшыегүй үхибүүн унташаба.

Тэрээнтэй хамта үлгы соо Герюш нойрто дарагдаба.

2020 оной апрель.

ГЕРЮШ

Фаблг

Мичахъара ваьлар а ца ховш чуваьлар из чаьтар-гудалкхача. Цкъарчоа из цхъаннена бларагагуш а, хозаш а вацар, хлана аьлча, ше тешачунна мара ше бларгавайтацар цо. Хлаьта теша-м берех тешар из: уж догдика дар, цар цунна халахетар а дицар, хлаьта из нахага длавувца цар влаштгехъ а далацар, хлана аьлча, царна къамаьл дувца хацар. Цудухъа из раьглен вахархо, цхъанне зе а ца зувш, цу чаьтар-гудлакхаца лелаш вар, из ях-яхача дла-хъа а водаш.

Моттиг хувцаш хилча чоагга хало хулар цунна — чаьтар-гудлакх влашаггйоаккхар: истингаш шоаш хулар, дахчан цхаралаш шоаш хулар, ши гарг дола налараш шоаш хулар, фусама гоннахъа хьерчаду мушаш шоаш хулар. Уж ерригаш я кхыча фусама кхоачамца инкалаш тла йоттар, вордаш тла йохкар, никъ блаьха хулар, глараш хулар, ер ула моттиг готта хулар. Кердача моттиге малача наха из беррига боахам лобоасса а бий, юха влашаггйооллар чаьтар-гудлакх, ше хьалха хиннача тайпара. Паккха кляьдвенна а дукха халонаш лайна а вола ер шийна салага мегаргдолча глоаргацашча длавуужар.

Хланз ер сомаваьннавар, зламига бер делхаш хеза. Берригаш тхьайса бадар. Нана а сомаяланзар. Цудухъа ер ведда длатлавахар мларак хьальэлла ула дахчан ага долча, длачуваьлар цу чу. Зламига бер, сов цецдаьнна, сецар ца делхаш, кхуврча баьдеча сердалах укх хьатлавеначоа блара а хьежаш.

— Сона бларгагу хьо, — аьлар бери.

— Хов сона. Са безам хиннадаь хьона се бларгавайта.

— Малав хьо? — хаьттар зламигача бери, цаделхаш сеца а сеца.

— Герюш ва со, — жоп делар хьаьшо. — Чаьтар-гудлакха са да со.

— Фу деш ва хьо? — хаьттар бери.

— Ер ца лорадеш ва со. Цудухъа Герюш оал сох.

— Со а лораву ла? — хаьттар бери.

— Укх чаьтар-гудлакхача мел вахар лораву аз, — длакхетавир из Герюша.

— Мишта лорабу ла уж? — хьттар бери, ше длатхьовсалехьа лувшаш ший бе ялла думе чегилг дла а хийца.

— Ер чьтар-гудлакх а укх чу мел бахараш а лорабу аз масса-долча балех а халахетарех а, берригаш могаш-маьрша хурглолаш, биь тайпара бож хадаргбоацаш, маьнгеш гла йишаш а юврглашта юкье клаьнкаш а бербарглолаш, хьаухача дикача хьаьшаша наларга айбу дом бижа ха йоагларгйоацаш.

— Дукха болх ба ла бер-м, — лоархламца аьлар бери. — Длатхьежача-м зламига ва хьо. Масса шу даьннад хьа?

— Хац сона-м. Цхьабакьда, бер-м да со.

— Хье цхьаь ва хьо? Е да-нана а, йиша-воша а ба хьа?

— Хетаргахьа, се цхьаь ва со-м.

— Цхьаь хилча во да, — доккха са даьккхар бери. — Гой хьона, са мел дукха гаргалнах ба укх чу а ара хьа а. Хлаьта хланз хьатла а вена со теве саг вац. Ага илии ала сона, со юха длатхьовсаргволаш.

Укх чьтар-гудлакхача шийна хьалхагла хеза ага илии дага а деха, ший влаштлехьдоаллача тайпара из илии ала волавелар Герюш: «Баю-бай! Баю-бай...!».

Бер, дукха ца говш, длатхьайсар.

Цунца цун ага чу длатхьайсар Герюш а.

2020-ча шера апрель бетта 2-гла ди.

ГЕРЮШ

Ертегі

Ол аяқ астынан жолым үйде көрініп қалды. Бастапқыда ол көрінбеді және естілмеді, өйткені тек өзі сенген адамға ғана көрінеді. Ал ол балаларға ғана сенді: балалар мейірімді және оны ренжітпеді, бірақ олар ол туралы басқаларға айтпады, өйткені олар әлі сөйлей алмады. Сондықтан басқалары дала тұрғынын байқамады және ол осы жолым үймен бір жерден екінші жерге көшті. Көшу оған оңай болған жоқ — жолым үйді бөліктерге жықты: киізді бөлек, ағаш торларды бөлек, екі жармалы есіктерді бөлек, үйді қоршап тұрған арқандарды бөлек. Мұның бәрін үй бұйымдарымен қоса түйелерге, жүк арбаларына тиеп, ұзақ уақыт, тарлықта және шуылмен жүрді. Жаңа көшіп келген жерде жолым үйді бұрынғы келбетін алғанға дейін ер адамдар бәрін түсіріп, орнатты. Содан кейін ол қоныс аударғаннан кейін шаршап, мыж-мыж болып, демалу үшін сандықтар бар жерге шықты. Бұл жолы ол нәрестенің жылауынан оянды. Барлығы ұйықтап жатыр еді. Анасы да бірден оянған жоқ. Сондықтан ол ілгекке ілінген ағаш бесікке жүгіріп барып, оған көтерілді. Бала ошақтың күңгірт жарығымен өзге әлемнен келген адамға қарап, таңданыспен үнсіз қалды.

— Мен сені көремін, — деді сәби.

— Әрине. Себебі мен мұны қаладым.

— Ал сен кімсің? — деп сұрады әуестікпен бала жылауын қойып.

— Герюш, — деп жауап берді бесіктегі қонақ. — Жолым үй періштесімін.

— Ал сен не істеп жүрсің?

— Мен герді қорғаймын. Сондықтан менің атым Герюш.

— Ал сен мені қорғайсың ба? — деп сұрады бала.

— Бұл жолым үйде тұратындардың барлығын қорғаймын, — деп түсіндірді Герюш.

— Ал қалай сонда? — нәресте ұйықтамас бұрын сорып жатқан құйрық майының бір бөлігін қолынан босатып, тыныштанбай сұрады.

— Мен жолым үйді және оның тұрғындарын барлық қиыншылықтар мен бақытсыздықтардан сақтаймын, сондықтан бәрі аман-есен, малдың төрт түрі түгел болуын, қыз балалардың төсегіне, ал ұл балалардың көрпеге қосылуын, табалдырықтағы тозаң жақсы қонақтардан басылып қалмауын қадағалаймын.

— Сенің жұмысың көп екен, — деді сәби құрметпен. — Ал өзін кішкентайсың. Сенің жасын нешеде?

— Білмеймін. Бірақ мен де баламын.

— Ал сен өзін ғанасың ба? Әлде әкең мен анаң, бауырларың бар ма?

— Мен өзіммен өзім шығармын.

— Жалғыз болу жаман, — деп күрсінді нәресте. — Көрдің бе менде жолым үйдің ішінде және үйден тыс қанша туғандарым бар. Енді мені қазір келіп жұбататын ешкім де жоқ. Мен ұйықтау үшін маған бесік жырын айтшы.

Герюш жолым үйде естіген бесік жырын есіне алып, мүмкіндігінше ән айта бастады: «Баю-бай! Баю-бай!...».

Көп ұзамай нәресте ұйықтап кетті.

Онымен бірге Герюш бесікте ұйықтады.

2 сәуір 2020 жыл.

ГЕРҮШ

Тууль

Герт эн генткн үүдв. Түрүн авгтан эн, зуг таасгдсн күүнд үзгд-хэс биш, кенд чигн үзгддго, соңсгддго билэ. Таасж, иткдгднь бич-кдүд бээсмн. Эдн хар санан уга болсн деерэн, энүнэ тускар күүнд келдг чигн арн уга. Тегэд энүг, герт бээршлсн теегин сүмсиг, кенчн үздго бээсмн, эмт дахад, ишкэ герлэнь хамдан эн нүүһэд йовдмн. Нүүлһн энүнд амр биш болдмн — эмтн ишкэ гериг салвлж цуцдмн: ишкэһинь, уньһинь, үүдинь, гериг ораж боодг деесинь салу-салу йилһж тэвдмн. Цуг эн тоотыг талдан эдл-ахула хамдан темэн деер ачад, тергн деер овалад, шууган, хээкрлһн дотр удан йовдмн. Шин һазрт ирэд, залус эдл-ахуһан буулһад, гериг дэһнэс хураж тэвдмн. Тиигхлә, муурад цуцрсн гериннь сүмсн тэвгдсн гертнь орад, үкүг тэвгдсн ормд күрэд, амрдмн. Ода эн нилхин уульһнас серв. Цуһар унтж кевтнэ. Эһнь бас даруһь серсн уга. Тегэд эн өлгэтэ модн өлг-гәһүр живэд, дотрнь орад кевтв. Нилх урһтсн һулмтын герлд бий-инь ормаж хэләһэд, тагчг болв.

— Би чамаг үзжәнэв, — гиж нилх көвүн келв.

— Э-э, тиим, мини дурар чи намаг үзжәнэч.

— Чи кембвч? — гиж уульһан мартсн нилх соньмсж сурв.

— Герүш, — гиж шин гиич хэрү өгв. — Би эн ишкэ герин эзһв.

— Тегэд, чи энд ю кедвч?

— Эн гериг харж хэләнэв. Тегэд Герүш гидг Һертэв.

— Намаг бас хадһлж хэләдвч? — гиж нилх соньмсв.

— Эн герт бээдг цуг улсиг харһав, — гиж Герүш цөөлһв.

— Яһж чи харһач? — гиж көвүн, шимжәсн хөөнэ сүлиг көркхн һарасн алдн, мөшкж сурв.

— Эн герт бээдг улсиг зовлң-һемәс гетлгж хэләнэв, дөрвн зүсн малнь бичә ширгж чилтхә гиж, хормаһар дүүрң күүкдтә болтха гиж, үүдн хоорнд сән гиичһрин тоосн бүргтхә гиж зальврад, энд бэәнэв.

— Көдлмшчнь дала, — гиж көвүн күндлж келв. — Бийчнь бич-кһвч. Кедүтэвч?

— Меджэхшив. Би бас нилхв.

— Чи ханцармбч, аль чамд эк-эцк, ахнр-дүүнр бээнү?

— Ханцарн бээх бээдлтэв.

— Ханцарн бээнэ гисн эвго. Нанд элгн-садн оln, эн гер дотр чигн, герин цаад бийд чигн. Ода болхла, бийим саатулдг күн чигн уга. Өлгэһин ду дуулад, намаг дэknэс унтулж үзлчн.

Герүш энүнд өлгэһин ду яһж дуулдгинь тодлад, эклэд дуулв.
“Бүүвэ-бүүвэ! Бүүвэ-бүүвэ!..”.

Нилх көвүн удлго сүүкнв.

Хажуднь Герүш бас духуцад унтв.

Мөрн сарин 2, 2024 жыл.

GERIUŠAS

Pasaka

Jis atsirado kibitkoje netikėtai. Iš pradžių buvo nematomas ir negirdimas, nes pasirodydavo tik tiems, kuriais pasitikėjo. O pasitikėjo jis mažyliais: jie buvo geri ir neskriaudė jo, o papasakoti apie jį negalėjo, nes nemokėjo kalbėti. Todėl stepių gyventojų nepastebėdavo, o jis su savo kibitka keliavo iš vienos vietos į kitą. Kelionės buvo nelengvos — kibitką tekdavo išardyti dalimis: košmą atskirai, medines groteles atskirai, dvivėres duris atskirai, virves, juosiančias būstą, atskirai. Visa tai su visais namų reikmenimis kraudavo ant kupranugarių, į vežimus, važiuodavo ilgai, ankštai ir triukšmingai. Naujoje vietoje viską iškraudavo ir įrengdavo vyrai, kol kibitka dar neįgavo ankstesnio pavidalo. Ir tada jis, pavargęs, ne visai tvarkingas po ilgos kelionės, eidavo ten, kur buvo sukrautos skrynios, kad galėtų pailsėti. Šį kartą jis pabudo nuo kūdikio verksmo. Visi sukilo. Motina irgi prabudo ne iš karto. Todėl jis pribėgo prie medinio lopšio, pakabinto ant kablo, įlipo į jį. Kūdikis iš netikėtumo nurimo, ėmė žiūrėti į ateivį, apšviestą neryškios židinio šviesos.

— Aš tave matau, — tarė kūdikis.

— Žinoma. Todėl, kad aš taip noriu.

— O kas tu? — paklausė smalsus kūdikis, nustojęs verkti.

— Geriušas, — atsakė svečias lopšyje. — Kibitkos dvasia.

— Ir ką tu veiki?

— Saugau namus. Todėl mano vardas — Geriušas.

— Ir mane saugai? — pasidomėjo kūdikis.

— Visus, kurie gyvena šioje kibitkoje, — paaiškino Geriušas.

— O kaip? — nerimavo kūdikis, paleidęs iš rankelių kurdiukinių lašinių gabalėlių, kurį čiulpė prieš miegą.

— Saugau kibitką ir jos gyventojus nuo visų bėdų ir negandų, kad visi būtų gyvi ir sveiki, kad gyvulių keturios veislės būtų išsaugotos, kad lovose gimtų mergaitės, o pataluose — berniukai, kad dulkių neatsirastų ant slenksčio geriams svečiams apsilankius.

— Tu turi daug darbo, — pagarbiai pastebėjo kūdikis. — O pats esi mažas. Kiek tau metų?

— Nežinau. Bet aš dar vaikas.

— O kaip tu pats vienas? Ar turi mamą, tėtį, brolių, seserų?

— Aš turbūt pats vienas.

— Blogai vienam, — atsiduso kūdikis. — Matai, kiek mano artimųjų kibitkoje ir šalia jos. O dabar net nėra kam priėti prie manęs nuraminti. Padainuok man lopšinę, kad aš užmigčiau.

Geriušas, prisiminęs lopšinę, kurią girdėjo kibitkoje, ėmė dainuoti:
«A-a, a-a, pupa!..».

Kūdikis greitai užmigo.

Kartu su juo lopšyje užmigo ir Geriušas.

ГЕРЮШ

Йомак

Тиде водыж гер-кибиткыште кенета кончыш. Нигелан ўшаныдымыжлан кера ондак койдымо да йўкдыме ыле. Но содыки ньога-влаклан ўшана. Нуно поро улыт, тудым огыт кемле, огыт епке-лалт, койышышт денат ўлыке огыт шынде. Адакшым аза-шамыч мутланен моштдымыжлан кера кугые%-влаклан огыт шижтаре. Садлан степыште илыше водыжым ниге ок шеклане. Тыге тудо кибитке кергыште ик вер гыч весыш коштеда. Но тыгай куснылма-шат куштылгыжак огыл, вет кибиткым ужаш-влаклан пужат: кош-мам, пу решеткым, кок веке почылтшо омсам посна пышат, да ты оралтым йыр кылдыштме кандырам ик лукышко чумырат. Чыла-мат моло ўзгар-арвер дене тўе (верблюд) ўмбак, оравашкат нелтал оптат. Шыгырыште да йўк-йўан дене кужун каят. У верыште, чыла-мат волтымеке, перье%-шамыч кибиткым уэш чо%оен шындат. Лач тунам гына степыште илыше водыж, кужу корно деч вара путырак ноен пытыше, шондык ўмбаке каналташ кўзен шинчеш.

Ты гана степыште илыше водыж ньоган магырыме йўкешыже помыжалте. Чыланат малат. Икшывын аважат омо тўняште улеш. Садлан водыж, ишкыште кечыше пу шепка деке куржын миен, аза воктеке кўзен шинче. Икшыве кенеташте лыпланыш да толшо чо-наным возакын пычырик волгыдыштыжо ончаш пиже.

— Мый тыйым ужам, — мане ньога.

— Туге-туге. Мыят шкемым ончыкташ тыршышым.

— А тый ке улат? — шортмыжым монден, чылам палаш течыше ньога йодо.

— Герюш, — шепкаште шинчылтше уна вашештыш. — Ки-биткын водыжшо улам.

— Мом ыштет?

— Кибиткым оролем, мыйым Герюш маныт.

— Мыйымат оролет мо? — ньога палынеже.

— Кибиткыште улшо-влакым чылаштым оролем, — Герюш умылтарыш.

— А кузе? — кидше гыч малыме деч ончыч кучыктен пуымо койшорык коям ердыжке пыштен, ньога йодо.

— Кибиткым да чыла е%-влакым тўрле ойго, азап деч эскерем. Тек чыланат илыше-таза лийышт манын шонем. Тек ныл тўрле вольыкышт тўжа%оеш, вакшыште ўдыр-влак юарлышт, эрге-влак леведыш йымалне ешаралтышт. Омсалондем пуракат сай уна-шамыч ўмбак ынже шич манын тыршем.

— Тыйын пашат шуко-о, — ньога пагален пелештыш. — Шкеже изи улат. Мыняр ийым теменат?

— Ом пале. Но мыят эше аза веле улам.

— Шкетын улат мо? Ача-ават, иза-шольыч, ака-шўжарет уке улыт мо?

— Очыни, шкетын улам, — водыж ерын пелештыш.

— Шкетлан сай огыл, — келгын шўлалтыш ньога. — Теве мыйын кибиткыште да ердыжатат мыняр родо-тукымем уло. Но кызыт, воктекем толын, ниге лыпландарыше уке. Малтыммурым муралте, ала угыч нералтен колтем.

Герюш, кибиткыште колыштмо малтыммурым шарналтен, моштымыж семын шуйдарыш: «Лай-лай! Лай-лай...».

Ньога вашке лыпланыш.

Тудын дене пырля шепкаште Герюшымат омо сандалык авалтыш.

2 апрель 2020 ий.

ГЭРИЙН ОНГОН

Үлгэр

Тэр хаанаас ч юм бүү мэд гэрт гараад л ирсэн. Эхэндээ харагддаггүй, сонсогддоггүй байсны гол учир нь итгэсэн нэгэндээ л харагддаг байсных. Харин тэр бяцхан хүүхдүүдэд л итгэдэг аж: хүүхдүүд сайхан сэтгэлтэй, тэгээд ч түүнийг гомдоодоггүй, тэд ярьдаггүй болохоор түүний тухай хэлж чаддаггүй байв. Тиймээс л талын оршин суугчийг анзаардаггүй байсан бөгөөд энэ л гэрийнхэнтэй нэг газраас нөгөөд нүүдэллэдэг байлаа. Нэгээс нөгөөд нүүдэллэх нь түүнд тийм ч амар байсангүй — гэрийг буулгаж, хэсэг хэсэг болгоно: бүрээс, модон хана, хоёр хавтастай хаалга, бүслүүрийг тус тусад нь салган авна. Энэ бүхнийг гэрийн эд зүйлтэй хамтад нь тэмээнд, тэргэн дээр ачиж хөдлөхөд, дуу шуугиантай, битүү чихээс дунд л тэр урт удаан замыг туулдаг. Шинэ газарт ирээд эрчүүд бүхнийг буулган, буцаан барьж урьдынхаа төрхөнд ордог. Тэр л үед ядарсан, нүүдлээс болоод бүр сульдсан гэрийн онгон маань амрахын тулд авдар чингэлэг тавьсан хойморын хөндий рүү орсон. Тэгээд хүүхдийн уйлах дуунаар сэрлээ. Бүгд унтаж байсан бөгөөд ээж нь тэр дороо сэрсэнгүй. Тэгэхээр нь өнөөх маань өлгөөтэй байгаа модон ор руу авиран, хүүхэд рүү очлоо. Бяцхан хүү галын бүдэгхэн гэрэлд түүнийг сайн харахыг хичээн, гэнэт балмагдан дуугүй болжээ.

— Би чамайг харж байна, — хүүг хэлэхэд.

— Мэдээж, яагаад гэвэл би өөрөө хүссэн.

— Чи хэн бэ? — гэж сониуч хүү уйлахаа больж асуув.

— Гэрийн онгон, гэрийн сахиус, — гэж хүүхдийн орон дотор сууж байсан зочин хариулсан.

— Чи юу хийдэг вэ?

— Гэрийг хамгаалдаг, тэгээд л намайг гэрийн онгон гэдэг юм.

— Намайг ч гэсэн хамгаалах уу? — гэж хүү сониучирхан асуухад.

— Энэ гэрт байгаа бүх хүнийг, — гэж гэрийн онгон тайлбарлав.

— Тэгээд яаж? — гэж бяцхан хүү улам шалгааж, унтахаасаа

өмнө хөхөж байсан сүүлээ гаргаж ирлээ.

— Гэрээ, түүн дотор амьдарч буй бүх хүнийг эрүүл саруул байгаасай, таван хошуу мал сүрэг маань өсөж үржээсэй, үр хүүхдээр өнөр өтгөн байгаасай, гэрийн босго маань ирэх зочдын хөлөнд дарагдан элэгдээсэй гэсэндээ гай зовлон элдэв муу бүхнээс хамгаалдаг юм.

— Чиний ажил ч их юмаа. Тэгсэн хэрнээ ийм жижигхэн. Чи хэдтэй вэ? — гэж бяцхан хүү хүндэтгэлтэйгээр асуув.

— Мэдэхгүй. Гэхдээ би ч гэсэн хүүхэд шүү дээ.

— Тэгээд өөрөө л өөрийгөө болгоод явдаг юмуу? Эс бөгөөс чамд аав ээж, ах эгч бий юу?

— Магадгүй, би өөрөө өөрийгөө л болгодог байх.

— Ганцаараа байх чинь муу шүү. Надад энэ гэрт төдийгүй гэрээс гадна ч зөндөө хамаатан садан байгааг харж байгаа биз дээ. Тэгсэн хэрнээ намайг тайтгаруулахаар хэн ч ирэхгүй л байна. Намайг унтуулахаар бүүвэйн дуу аялаад өгөөч, — гэж хүү санаа алдан гуйлаа.

Гэрт дуулдаг бүүвэйн дууг санасан гэрийн онгон чадлаараа л «Бүүвэй! Бүүвэй!...» гэж аялж эхэллээ.

Удалгүй бяцхан хүү ч унтаж, түүнтэй хамт орон дотор нь гэрийн онгон маань ч унтсан ажээ.

2020 оны 4 сарын 2.

КОЪРГИСИ

Эртеги

Онынъ терменге киргенин сезбей де каладылар. Бас дегенде коьринмейтаган эди. Неге десе ол тек керек дегенде сенимин этеди. А ол тек кишкей балаларга сеним этетаган болды: олар болса, аьдил эм оны эш бир аьйипке де калдырмайдылар. Онынъ акында айтып та болмайдылар-неге десе соьйлеп те билмейдилер. Соннан себеп сосы шоьл аьдемдин сезбей эдилер. Эм ол сосы термен бир ерден баска ерге коьшип турмага туьседи: кийгизлерин бир баска, оларды байлайтаган йиплерди бир баска, ортасындагы тиклев агашын бир баска, эсигин де бир баска... Сонъ олардынъ баьрисин йыядылар, бир ерге уьедилер. Оннан сонъ я оьгизге, я туьеге саладылар эм керек ерине дейим алып кетедилер. Юруув, аьдетинше, узак болады дер эдик. Кайбир заманда каранъа кешелерде де юрге туьседи. Янъы ерге келгенде баьри болган затларды ерге саладылар. Сонъ эр кисилер оларды тагы да йыйыстырып баслайдылар: бас деп ер аьзирлейдилер, сонъ болса, термединъ аьр бир кесегин аявлап ерлестиредилер. Терме де оьзининъ алдынгы аьлине келгенше, куллык этпеге керек! Аь Коьргиси болса, карап турады-кайзаман бу термен йыйып алынар экен деп. Эм битсе окына, онынъ ишине кирип, бир муьйисине тыгылып та турады. Арыган болса, Коьргиси аьруув кепте ятып та уйклайды эм ийги туьс те коьреди... Ол коьбисинше тобанлар арасына кирмеге эм ятпага суьеди-ол шоьл яшавшыдынъ суьер муьлки. Сосы йолай ол баладынъ йылавыннан уянып калмаспа! Карайды — баьриси де уйклайдылар. Бала анасы да уянып турганы йок эди. Баягы Коьргиси агаш бесикке ювырып барды да, ога минип калды. Бесик болса аьруув кепте йиплер мен йогарыга илинген эди. Ога шоьл яшавлары ел бесик деп те айтадылар. Неге десе илинип турады. Соьлеги бала келгенге карап калды — каранъа болса да, коьзи оны коьретаган эди.

— Мен сени ийги кепте коьремен, — дейди ога бесиктеги бала да.

— Оьзек те. Мен де соны суьетаган эдим.

— Аь сен ким боласынъ? — дейди ога бесиктеги бала, йыламага да ойлана берип.

— Коьргиси мен, — дейди конак та бесикте ятканга карай берип. — Терме иеси мен...

— Аьши не зат этесинъ?

— Термеди саклайман. Меним атым да Коьргиси.

— Аь сен мени саклайсынъма? — деп, кызыксынады яткан бала да.

— Сосы термеде яшайтаган баьрисин де мен саклайман, — деп анълатады ога Коьргиси.

— Аьши ол кайтип болады? — деп тынышсызланады бесиктеги бала да. Эм колындагы кесек куйрык майын туьсире берип. Аьли ол оны бир аьруьв кепте сорып туры эди.

— Мен терменди эм онынъ баьри де яшавшыларын болган корлыктан эм баьри авырлыктан саклайман. Баьриси де мундагы сав болсын, татым эм дос болсын деп. Мундагы баьри маллар бир якка кетпесинлер, термеде аьр йыл сайын кеделер эм кызлар санлары коьп бола берсин деп. Терме босагасында кум олтырмасын эм онынъ иши таза турсын деп куллык этемен...

— Аьши сенинъ куллыгынъ коьппе? — дейди тагы да бесиктеги бала. — Аь сен оьзинъ де бир кишкей затсынъ. Сага неше ясы болады айтшы?

— Билмеймен. Тек мен де бир баламан.

— Аь сен оьзинъме яде болса сенинъ атанъ, ананъ эм аданас — кардашынъ да барма?

— Мен оьзим болсам ярайды...

— Ялгыз болув кыйын, — дейди сол заман бесиктеги бала, бираз кыйнала берип. — Аь сен коьресинъше, меним термеде эм онынъ тысында не шаклы ювыкларым барлар? Тек не пайда, аьли мага биреви де янасып келип эм мени тыныш этип болмайды... Мага бириси де бесик йырын йырламайды, йырласалар, мен тагы да уйклап кетер эдимтагы...

Аьне сол заман Коьргиси, бесик йыры эсине туьсе берип (ол оны термеде коьп кере эситкен), оьзи билген кепте йырлап басла-

ды: «Баю-бай! Баю-бай! Уйкла, яным, кыс козьинь!..».

Аһне сол вакыт бесиктеги бала козьин юмып баслады. Оны ман бирге косылып термедеги бесикте соьлеги Коьргиси де ятып уйклайды...

Эндигиси термединь иши тагы да тып-тынък болып калды. Баьри де уйкыда... Биревлери туьс те коьредилер эди...

GIERIUSZ

Baśń

Pojawił się w gier-kibitce nie wiadomo skąd. Na początku był niewidzialny i bezdźwięczny, ponieważ pokazywał się tylko temu, do kogo miał zaufanie. A ufał tylko maleństwom: one są dobre i krzywdy od nich nie zaznał, a opowiedzieć o nim nie mogły, bo rozmawiać jeszcze nie umiały. Właśnie dlatego nikt nie zauważał stepowego mieszkańca, wędrował więc z tą kibitką z jednego miejsca na drugie. Niełatwo dawało się mu koczowanie — kibitkę rozbierali na części: koszmę oddzielnie, drewniane kraty oddzielnie, dwuskrzydłowe drzwi oddzielnie, wirówki, opasujące całość mieszkalną, też oddzielnie. Wszystko to z całym dobytkiem ładowali na wielbłądy, na wozy, a jechali długo w ciasnocie i szumie. Na nowym miejscu mężczyźni wszystko wyładowywali i ustawiali, dopóki kibitka nie przybierała poprzedniego wyglądu. A wtedy on, zmęczony i pougniatany po takim koczowaniu, wybierał miejsce między tobołkami, gdzie by mógł odpocząć. Tym razem obudził się od płaczu maleństwa. Wszyscy spali. Matka też nie od razu się obudziła. Dlatego podbiegł do drewnianej kołyski, wiszącej na haku i też się w niej umieścił. Maleństwo zamilkło zdziwione niespodzianką, wpatrując się w przybysza przy bladym świetle ogniska.

— Widzę cię, — powiedziało dzieciątko.

— Oczywiście. A to dlatego, że ja tego zechciałem.

— Kim jesteś? — Zapytało ciekawskie maleństwo, odkładając swoje płkanie.

— Gieriusz, — odpowiedział gość w kołysce. — Duch kibitki.

— I co robisz?

— Ochraniam gier. Dlatego nazywają mnie Gieriusz.

— I mnie też ochraniasz? — Zaciekawilo się maleństwo.

— Wszystkich mieszkańców tej kibitki, — dodał Gieriusz.

— A jak to robisz? — Dociekało maleństwo, wypuściwszy z rącek kawałeczek kurdiucznego sadelka, który ssało przed snem.

— Ochraniam kibitkę i jej mieszkańców od wszystkich bied

i napaści, aby wszyscy byli żywi i zdrowi, aby nie zmarniały cztery rodzaje bydła, aby w łóżku pod kołdrą przybywało dziewczynek i chłopaków, aby na progu, przekraczanym przez dobrych gości, nie osiadał kurz.

— Masz sporo pracy, — z szacunkiem zauważyło dzieciątko. — Sam jesteś maleńki. Ile masz lat?

— Nie wiem. Ale też jestem dzieckiem.

— Jesteś sam? Czy są u ciebie tato i mama, bracia i siostry?

— Chyba jestem sam.

— Źle samemu, — westchnęło maleństwo. — Zobacz, ile mam rodzeństwa w kibitce i poza nią. A teraz nie ma nikogo, kto by mógł podejść i mnie uspokoić. Zaśpiewaj mi kołysankę, abym znowu mógł zasnąć.

Gieriusz wspomniał kołysankę, usłyszaną w kibitce i jak mógł, zaczął śpiewać: „Baju-baj! Baju-baj!”.

Dzieciątko wkrótce usnęło.

W kołysce z nim usnął i Gieriusz.

ГЭРЮШ

Казка

Вин появэуса ву гер-кибитки видки нэ возмыса. Поначалу його ныхто нэ бачиу и нэ вэдиув, бо вин показувауса лышь тому, до кого маув довирия. А маув вин довирия лышь до малэньких: бо воны добри и нэ забижалэ його, а росказатэ за нэго нэ моглэ, бо ще нэ вумилэ вогорэтэ. Тай того стэпового насэлныка нэ замичалэ, а вин пэрэходыув с цэю кибиткою з миста на мисто. Кожна кочёука даваласа йиму дужэ нэлэгко — бо кибитку розбэралэ на части: кошму вотдельно, дэрэвянни рэшотки вотдельно, двэри двойни вотдельно, воловодэ, котриса пэрэвьязувалэ кругом халабутэ, вотдельно. Вусэ цэ з добром клалэ на вэрблюдюив, на пидводэ, йихалэ доуго, ву тэсноти и ву шумовэ. На новим мисци всё згружалэ и збэралэ докупэ лэшь чоулоувики, пока кибитка нэ ставала така як раньше. Йи тодэ вин, заморэннэй та замнятэй апосля того пэрэхода, залазэу туда, дэ булэ сундуке, шобэ витдэхнутэ. Прообудэуса вин на цэй раз бо плакала дэтэна. Вуси спалэ. Мама тожэ нэ зразу пробудэласа. Тай того вин пидбиг до дэрэвянної колэски, котраса вэсила на кручковэ, зализ у ню. Дэтэна зразу замувчала, бо задэвласа на нэго, бо мало було свитла вид плиты.

— А я тэбэ бачу, — сказала дэтэна.

— Да. Бо я цэго захтиув.

— А тэ хто? — спэтала любопэтна дэтэна, котра пэрэдумала плакатэ.

— Герюш, — видповиув той гость ву колэски. — Дух кибитки.

— И шо тэ робэш?

— Пазю гер. Тай того мэни кажут Гэрюш.

— И мэнэ тожэ пазэш? — спэтала дэтэна?

— Вусих, хто жые в ци кибитки, — ростолковаув Гэрюш.

— А як? — нэ спэняласа дэтэна, тай скапала з ручок кусок курдючного сала, котрэй сосала пэрэд сном.

— Пазю кибитку и тэх, хто ву ни жыйе вид бидэ йи вусих напастиув, шобэ вуси булэ жыви тай здорови, шобэ штэрэ вэда скота нэ

пэрэводэлэса, шобэ ву пид водялом дитэ прэбувалэ, шобэ порохе ву порога нэ сидалэ вид хорошэх гостэй.

— Багато ву тэбэ роботэ, — пидмитэла дэтэна. — Та тэ и сам малэнький. Туби стико год?

— Нэ знаю. Бо я тожэ дэтэна.

— А тэ самэнький? Чи маешь тата и маму, братиув и сэстриув?

— Я сам по соби, навэрно.

— Плохо самому, — вздэхнула дэтэна. — Ву мэнэ бачишь стико родни ву кибитки и круго нэи. А зарэ дажэ и нэма кому пидийтэ до мэнэ та заспокоитэ. Заспивай мэни вэчирню писню, шобэ я знова заснув.

Гэрюш, вуспомнэув вэчирню писню, котруса слухаув ву кибитки, стау спиватэ, як миг: «Баю-бай! Баю-бай!..».

Дэтэна скоро заснула.

З нэм ву люльки заснув и Гэрюш.

2 апрэля 2020 г.

GHERIUȘ

O poveste

El apăru de nicăieri în gher-chibitcă. La început era invizibil și inaudibil, deoarece se arăta doar celor în care avea încredere. Și avea încredere în copii: sunt amabili și nu îl jigneau, totodată nu puteau să spună nimănui despre el, pentru că nu știau să vorbească. Prin urmare, locuitorul stepei nu era observat, și el umbla cu aceasta chibitcă din loc în loc, ducând o viață nomadă. Nu îi era ușor să călătorească — chibitca era dezamblată: pâsla era pusă într-o parte, barele de lemn într-o altă, ușile duble într-o altă, frânghiile care înconjoară locuința într-o altă. Toate acestea cu bunuri erau încărcate pe cămile, pe căruțe, se duceau multă vreme, în mare înghesuială și zgomot. Într-un loc nou, totul se descărca și era instalat de bărbați, până când chibitca căpăta aspectul anterior. Și apoi el, obosit și mototolit după călători, se urca acolo unde erau cuferele ca să se odihnească. De data aceasta se trezi din cauza plânsului unui copil. Toată lumea dormea. Nici mama nu se trezi imediat. Așa că alergă la un leagăn de lemn atârnat de un cârlig și se urcă în el. Copilul tăcu uimit, privindu-l pe străin în lumina slabă a vetrei.

— Te văd, — spuse copilul.

— De sigur. Pentru că am dorit asta.

— Dar cine ești? — întrebă bebelușul curios, răzgândindu-și să plângă.

— Gheriuș, — răspunse musafirul din leagăn. — Spiritul chibitcei.

— Si ce faci?

— Protejez chibitca (gher). De aceea mă cheamă Gheriuș.

— Mă protejezi și pe mine? — întrebă copilul.

— Pe toți cei care locuiesc în această chibitcă, — explică Gheriuș.

— Dar cum? — bebelușul nu se potoli, lăsând să cadă o bucată de curdiuc pe care o ținuse în mâinile lui mici și pe care supsesse înainte de a merge la culcare.

— Protejez chibitca și locuitorii săi de toate necazurile și nenorocirile, ca toți să fie sănătoși și voinici, ca patru feluri de vite să nu

dispară, ca numărul fetelor în pat și băieților în pătură să se mărească, ca praful de pe prag să nu se așeze de la oaspeții buni.

— Ai mult de lucru, — remarcă copilul cu respect. — Iar ești micuț. Câți ani ai?

— Nu știu. Dar și eu-s copil.

— Ești singur? Sau ai tată și mamă, frați și surori?

— Sunt singur, mi se pare.

— E rău să fii singur”, — oftă copilul. — Vezi câte rude am în chibitcă și în afara chibitcei. Iar acum chiar nu mai vine nimeni să mă liniștească. Cântă-mi un cântec de leagăn ca iarăși să adorm.

Gheriuș, amintindu-și cântecul de leagăn auzit în chibitcă, începu să cânte cât a putut de bine: „Nani, nani!”

Copilul adormi curând.

Și Gheriuș adormi cu el în leagăn.

2 aprilie 2020.

ТИРМӘШ

Әкият

Тирмәгә ул әллә кайдан илеп төште. Башта ул рух күзгә күренмәс һәм колакка ишетелмәс хәлаттә иде, чөнки үзе ышанганнарга гына күренә торган сыйфаты бар иде. Ә анда ышаныч уята торган адәм затлары — сабыйлар, нарасыйлар гына иде: алар керсезләр һәм аны рәнжетә алмыйлар, һәм дә аның турында беркемгә дә сөйли алмыйлар ич, чөнки телләре ачылмаган бит әле. Шул сәбәптән, далада яшәүче бу зат кеше күзенә күренмәгән, һәм ул тирмә белән бергә бер урыннан икенче урынга күчеп йөри алган. Ул күчеп йөрүләр аның өчен бик тә жайсыз булганнар, чөнки кешеләр күчкәндә тирмәне төрле өлешләргә сүткәннәр: дөяләргә һәм олауларга киезен аерым, агач рәшәткәләрне аерым, ике якка ачылмалы ишекне аерым, бауларны аерым төяп, ерак араларны шау-шулы, кысан шартлада узганнар. Шуңа күрә, андый күченүдән соң тирмәш берәр ялгызрак урынга, мәсәлән, сандыклар арасына кереп ятып, ял иткән...

Бу төнне ул кинәт сабый елаганлыктан уяна. Барысы да инде йокыда. Нарасыйның әнисе дә бала тавышына уянмаган. Шуңа да ул, ыргакта эленеп торган агач бишек янына йөгереп килеп, сабый янына ук сикереп менә. Тегесе көтмәгәндә пәйда булган чит затны күрәп, шып тынды да, тирмәшне тонык учак утында күзлә башлады.

— Мин сине күрәм бит, — диде нарасый.

— Әйе шул, чөнки мин үзем шулай теләдем.

— Кем соң син? — диеп сорады кызыксынучан сабый, елауы турында бөтенләй онытып.

— Тирмәш, — диеп жаваплады бишектәге кунак. — Мин — тирмә рухы.

— Ә монда нишлисең?

— Тирмәне саклайм. Шуңа да мине Тирмәш диеп атыйлар.

— Мине дә саклайсың мени? — диеп сәерсенде сабый.

— Әлбәттә, тирмәдә яшәүче барлык кешеләрне дә, — диде Тирмәш.

— Ө ничек итеп? — һаман да төпченде нарасый, йокларга ятыр алдыннан суырырга диеп кулына тоткан курдюк маен идәнгә төшереп жибәреп.

— Тирмәдә яшәүчеләрне барлык бәла-каза һәм хәвеф-хәтәрләрдән саклыйм, барысы да исән-сау булсын, дүрт төрле мал-туар гел уңып торсын, әниләр итәгендә балалар арта барсын, ә тупсаларда яхшы кешеләрнең тузаны өзелмәсен дип.

— Алайса эшең бик күп икән, — диеп гажәпсенде нарасый. — Ө үзең кечкенә бит әле син. Ничә яшь соң сиңа?

— Белмим. Мин дә сабый гына әле.

— Ө син үз-үзең генә яшисең мени? Әллә эти-әниң, абый-апаларың бармы?

— Мин үз-үзем генә яшимдер, мөгаен, — диеп көрсенде Тирмәш.

— Бер үзең генә яшәү авыр шул, — диеп ризалашты сабый. — Ө минем туган-тумачам бик күп: бу тирмәдә дә тирмә, башка тимәләрдә дә. Тик хәзер менә, мине тынычландырыр өчен беркем дә яныма килергә уйламый... Син миңа бишек жырын жырла әле, бәлки йоклап та китермен.

— Тирмәш элегрәк көннәрне тирмәдә сабыйның әнисеннән ишеткән бишек жырын үзенчә көйләп жибәрде:

— Әлли-бәлли, бәлли-бәү!.. Әлли-бәлли, бәлли-бәү!..

Озакламый сабый йокыга китә.

Аның белән бергә Тирмәш тә шул ук бишектә тәмле төшләр күрә башлый.

2 апрель 2020 ел.

ГЕРЮШ

Калмык выжыкыл

Со маке олокытысь-марысь потүз ведь... Герын-уробоын. Бен, калмыккёс ынэн шобыртэм уробоез «гер» шуо. Уг шедь отчы зор но, лымы но, төллэсь но ватэг. Со макеез нырысьсэ адзыны но кылыны но уг луы вал: со адскылүз солы гинэ – кинэ аслазэн карылүз. Кинлы? Валамон ини – пичи нылпиослы: соос лякытэсь но каньылэсь, скулэмбёссы небытэсь. Нош со сярсы кинлы ке ивортыны уз быгатэ на... Түни озыы ик улүз со кырлуд улонзэ – интыысь интые, калыкеныз ёш кочылүз. Кочон, валамон ни, капчи ой вал – уго, вань улон котырез-кыламез нырысь сэрттоно вал, сэре сое мукет интыын нош ик огинэ люкано. Вань люкам – лыдъянтэм... Кибиткаез, уробо вылын коркаез, чылкак ёзьёслы, ява, люкылүзы. Ынъёсты – нимаз, кечатлы пу пучёсты – нимаз, кыкна усьяськись ёсьёсты, уно пумо гозыосты – соосты но нимаз. Ваньзэ со арбериез калыкез бадзым дуэс вылэ интыяллызы – жикыт думылүзы, яке пичигес уробоосы – озыы сюрес вылэ потылүзы. Кема мынылүзы – ёскыт, лунгыр-лангыр но ёуштыр-паштыр карыса... Дуэ – со, валамон ини, верблюд шуоно пудо-живот. Бадзым со, сёсь сямо, лусьтро гоно, вылаз – кык тыбыр лёгез, ымныр тусыз нош – ой! Со гажано, кужмо муртьёслэсь гинэ кылзүйске – ваменэс!

Выль интыын вань кылам арбериосты воргоронъёс жоктылүзы но люказы соосты – кибитка нош ик азьло кадь луылүз! Чебер но йёно, шуныт но жикыт. Дась кибиткае ваньзы шутэтскыны пыризы, интыяськисы – дыр вуиз. Кытчы ке сандыккёс сёры со олокин макемы но нырулскиз. Жадемын, посйськемын, мегдомемын мискинъ....

Таязэ сомы шуак сайкано луиз – артэ нылпи бёрдэ! Пёсьтэм ук бёрдонзэ куанерлэн.... Гурен бёрдэ. Нош адымиос котырын супыр-сапыр изё на, сайкась ойлась. Анаез но, эсьма, өз кыл на сое. Со макемы пулэсь кёкы пала ыбышкиз ук – кёкы ошемын лэйкатон курик борды, дораз вуиз но шуак нылпи вёзы зымалтүз! Соиз, шуак луыса, бёрдэмысь ик дугдүз – мар та тамаша? Чалмиз. Мыр-мыр учке ни паймоно маке шоры – кин та таче?

— Мон тонэ адзисько, — шуиз бёрдонзэ уретэм пичи мурт.
— Одно ик адзод! Мон тыныд возьматски бере...
— Нош кин тон? — ваньзэ тодыны вырись пичи мурт юаз,
бёрдэмез чик но уг пот ни.
— Герюш мон. Мон та кибитка-гермылэн утись лулиз!
— Мар тон кариськод? Мар быгатиськод?
— Кибиткамес утисько, пöй, чакласа возисько сое. Соин монэ
Герюш но шуо — «гер» кыллэсь, ло.
— Тон монэ но утиськод-а? — юаське нуны, синъёссэ Герюш
вылэ чар-чар карыса.
— Тонэ но! Ваньзэсты, кин та кибиткаын улэ но, кöчылэ но....
— Нош кызьы? — валаны тырше пичи мурт. Киысьтыз курдюк
көез ик усиз – сысконэз, сьупсёнэз. Мар ке но кароно ук – тэк кыл-
лёнлэсь...
— Мон утисько кибиткамес вань уродэзлэсь – лек адзонлэсь
но акар сьöсьёслэсь, висёнлэсь, курытлэсь, куректонлэсь, ёрмон-
лэсь. Ваньзы шудо мед луозы кибиткаын – таза но дэлето! Пудо-
мы но весь мед пушъёз – лыдын но, мугорын но. Кöен-сйлен но,
йöлын-вöйын но... Валес выльёсамы мед лыдтэм вордскылозы
ныльёс но пиос – выжымы кужмоялоз! Ноку но öс янак выламы
тузон медаз пуксьылы – ялан мед ветлозы куноос!
— Трос тынад, ява, ужед, — пичи мурт туж гажаса пусйиз, —
нош ачид малы мон кадь ик пичи? Тыныд көня арес?
— Öйтод. Нылпи ик на.
— Атаед-анаед-а, агаед-выныд-а, апаед-сузэред-а вань-а тынад?
— Мон – ас кожам.
— Огенлы – секыт, — пичи мурт жöжен лулскиз, — тани та
мында милям ас калыкмы, нош бёрдйсь нуны доры лыктись öвöл...
Тон кырза-ай мыным бабон кырзан – мон нош ик изьысал...
Герюш, веттан гурез тодэ вайыса, каллен гинэ сое нёжьяны
кутскиз: «Бай-бай- бай.... Изь-изь-изь...».
Пичи нуны жöген, зэмзэ но, мур умме усиз.
Соин ёош ик Герюш но – вöзаз ик.

2020 ар.

ГЕРЮШ-МИТТИ УЙ ПАРИСИ

У бирданига утовда пайдо булиб колди. Аввалига уни ҳеч ким курмас ва эшитмас эди.

Ха, куринарди факат узи ишонганларга.

Айникса ёш болаларни ёктирарди. Улар меҳрибон ва ҳеч қачон хафа қилишмас эди, чунки узлари гапиришни қилишмас эди-да.

Шунинг учун бу тиниб-тинчимасни билишмасди. У доим қучиб юрар эди.

Қучишлар унга осон қучмасди, утовни булақларга булиб, икки табақали эшикни, қигизни алоҳида, иплар, ҳар-хил лаш-лушлар ҳам ташиш керак эди.

Бу бари туяларга юкланиб, тор ва шовкинда узок юришар эди. Эркақлар янги жойда утовни қайта тиккалашарди.

Шундан сунг эзгиланган, хориб сандиқлар терилган жойга дам олгани келар эди.

Бу сафар гудак йигисидан уйғониб кетди. Хамма ухлар эди. Хатто онаси тезда уйғонмади.

Шунинг учун у югуриб келиб, егоч-осма беланчакка чиқиб олди.

Болақай бу тсодифтан анграйиб колди. Хира-шира еруг эди.

— Мен сени қураяман, — деди гудак.

— Албатта, чунки мен шуни хохладим.

— А, сен қимсан? — суради қизиқувчан болақай, йигиси эсидан ҳам чиқиб кетди.

— Герюш, — деди беланчакдаги меҳмон-утов парисиман.

— Сен нима иш қиласан?

— Утовни ҳар-хил емонликлардан ҳимоя қиламан. Шунинг учун исмим Герюш.

— Мени ҳамми? — қизиқиб суради бола.

— Ҳаммани, қимки шу утовда яшаса.

— Қандай? — қизиқиб, хатто қулидаги суриш учун ушлаб турган карт думба егини қулидан тушириб юборди.

— Утовни куриклайман, хаммани, бало офатлардан, турт хил хайвон бир-бирига аралашиб кетмасин, кизлар каравотда, болалар устлари очилиб колмасин, яхши мехмонларсиз остона чангламасин дейман.

— Ишинг куп экан-хурмат билан унга каради гудак-узинг миттигинасанку. Ешинг нечада?

— Билмайман, биров мен хам гудакман.

— Сен бир узингмисан? Ёки ота-онанг, ака-уканг, сингилларингборми?

— Ха, мен елгиз булсам керак.

— Ёлгизлик ёмон-хурсинди болакай-кара канча мени якинларим, ичкарида хам ташкарида хам.

Бирортаси мени юпатиш учун келмади хам.

Алла айтсан ухлаб колар эдим.

Герош аллани эслади, качондир эшитган эдида. У куйлай бошлади: «Аллаё-алла!».

Гудак тезда ухлаб колди.

Беланчакда Герюш хам бирга ухлаб колди.

ГЕРЮШ

Туйра

Мичара вели ца хууш, гер — бун чохь гучувелира хIара. Йуьхьанца-м, гуш йа хезаш, хаалуш а вацара хIара, шена тешаме хетачунний бен гучу ца волуш. Берех тешара хIара, уьш догцIена ма дуй: кхунна халахетар а ца дора цара, кхунах лаьцна дийца а ца дуьйцура цхьаьнгта а, шайна мотг ца хуу дела. Цундела хIара, гуш а воцуш, бун йоьд-йоьдучу кхелхаш, лелара. И кхерстарш хала а ловра кхуо, хIоразза бун дасайаккха йезаш хуьлу дела, хIора хIума ша-ша йоккхуш: бIегIгаш, истангаш — шаьш, дечкан чалтарш — шаьш, шала неIарш — шаьш, буьнан гуо кьовлу тIергаш — шаьш. И боллу пал йийбарца цхьаьна эмкалшний, ворданашний тIе а буттий, кхалха новкъа довлура. Новкъахь дукъа а, гIовгIане а хуьлура. Некъ беха а хуьлура. Керлачу меттехь сал-пал охьабоккхура. ТIаккха божарша, ша хьалха ма-хиллара лоIий, бун хьалахIоттайора. ТIаккха хIара, новкъахь гIелвелла а, хьашавелла а волу хIара, тIорказашна йукъа вулура — садаIа.

Доьлхучу беран гIовгIа хезна, самаваьллера хIара хIинца. Берриш а набарш кхетта Иоькхура. Нана а самайала ца кхиинера. Цундела, ведда вахана, мIерах кхозучу гангали чу хьалавелира хIара. Бер, цецдаьлла, доьлхучуьра саца а сецна, кхерчан гIийлачу серлонгахь леррина кхуьнга хьежа хIоьттира.

— Суна гуш ву хьуна хьо, — элира бери.

— Хаьа суна. Суна лаьа суо гойла, цундела го хьуна.

— Хьо мила ву тIаккха? — аьлла, белхар сацош, хьаьттира бери.

— Герюш ву-кха, — жоп делира гаьнгали чуьрчу хьешо. — Буьнан са ду со.

— Кхузахь хIун деш ву хьо?

— Бун ларйеш ву-кха? Цундела ма аьлла сох Герюш.

— Со а ларво ахь? — хьаьттира жимачу кIанта.

— ХIокху буьн чохь Iаш волу шаверг а-м ларво, — элира Герюша.

— Мухий? — цецвелира кIант, дIавуьжуш ша цIуббеш хилла дума буйнара дIа а хоьцуш.

— ХІара бун а, кху чуьранаш а унах, балех ларбо-кха ас, уьш массо а могош-дийна хилийта, даьхни дебийта, кІентий а, йоІарий а алссам кхиййта, неІар тІе йогІу дикачу хьешийн лар ца хадийта.

— Дуккха а болх бу ахь бийриг-м, оццул жима воллушехь, — хастийра и кІанта. — Маса шо ду хьан?

— Ца хаьа. Амма со а жима бер-м ду.

— Хьуо ву хьо? Да а, нана а долуш вуй хьо? Вежарий а, йижарий а?

— Со суо волчух тера ду.

— Ша цхьаь хилар вуон ду, — олуш, доккха са даьккхира кІанта. — Гой хьуна, сан мел дукха гергарнаш бу кху чохь а, араь а. Амма, хьаьстина, тизван суна тІевогІуш цхьа а вац. Аганан йиш лакхахьа суна, йуха а наб кхетийта. Буьн чохь шена хезна аганан йиш дага а йеьна, шена ма-хуьу мукьам бан хІоьйтира Герюш: «Оли-лой! Боли-лой!...»

Сихха набаро Іехийра бер.

Цуьнца цхьаьна гаьнгали чохь Герюшна а наб кхийтира.

ГЕРЮШ

Остуоруйа

Кини эмискэ көс дьиэбэ баар буола түспүтэ. Бастаан көстүбэт да, иһиллибэт да этэ, тоҕо диэтэххэ итэбэйэр эрэ дьонугар бэйэтин биллэрэрэ. Итэбэйэр дьоно диэн — арай кыракый оҕолор: кинилэр сымнаҕас майгылаахтар уонна кинини атаҕастаабаттар, кини туһунан кэпсиир да кыахтара суох, сатаан сангарбаттар. Ол иһин киэн сыһыны ыалдьыта баарын улахан дьонтон ким да билбэккэ көс дьиэбэ олорсон сиртэн сиргэ көсүһэн испитэ. Айан олоҕо киниэхэ ыарахан этэ — көс дьиэтин сороҕор хомуйан ылан суулаан кэбиһэллэрэ: боолдьобун туспа, мас эрэһиэнкэлэрин туспа, икки хаппахтаах ааны туспа, дьиэни эргиччи баайар быалары эмиэ туспа. Итинни барытын атын маллары кытта тэбиэннэргэ ындылыыллара, эбэтэр сыарҕаҕа кыстыыллара уонна ханна эрэ ырыых-ыраах, өр да өр тыаһаан-ууһаан, симиччи тиэллэн аҕай айанныыллара. Саҥа сиргэ кэлэн барытын сүөкээн баран эр дьон санаттан дьиэни туруораллара, оччоҕо көс дьиэ эмиэ уруккутун курдук буолан хаалара. Дьэ ол кэннэ кини суолтан дэлби сылайан-элэйэн мал-сал, холбука-хаппар быһыгар киирэн сынньанара. Бу сырыыга кыһыл оҕо ытырыттан уһукубута. Бары утуйа сыталлар этэ. Оҕо ийэтэ эмиэ тута уһуктубатаҕа. Ол иһин кини көхөбө ыйанан турар мас биһикки ойон тийээн иһигэр киирэн хаалбыта. Оҕо соһуйан ытаан бүтэн хаалбыта, кимий-кимий диэн борунуй сырдыкка ыалдьытын одуулуу сыппыта.

— Мин эйигин көрөбүн, — диэбитэ оҕо.

— Биллэн турар. Мин бэйэм көстүөхпүн баҕарбытым.

— Эн кимнииний? — диэн оҕо кэрэхсээн ыйыппыт уонна ытыан олох да баҕарбат буолан хаалбыт.

— Герюш, — диэбит биһик ыалдьыта. — Көс дьиэ иччитэбин.

— Ол аата тугу гынаҕыный?

— Дьиэни араҥаччылыыбыт.

— Оччоҕо миигин эмиэ көмүскүүгүн дуо? — диэн ыйыппыт оҕо.

— Бу дьиэ олохтоохторун барытын, — диэн Герюш быһааран биэрбит.

— Ол хайдах? — дийн оџо утуйуон иннинэ эмэ сышпыг хонхо-
чох сыатын илиититтэн ыһыктан кэбихээт чопчуласпыт.

— Көс дьэтигэр уонна кини олохтоохторугар туох да алдьар-
хай сыстыбатын дийн көрөбүн, бары тыыннаах, чэгийэн-чэбдик
буолалларын ситиһэбин, түөрт көрүг сүөһү куруук баар буоллун,
тэллэххэ кыргыттар, суорџанна уолаттар эбиллэн истиннэр уонна
үтүө ыалдыт дьэиџэ киирэрэттэн аан модьџотугар быыл мусту-
батын дийн көрөбүн.

— Үлэн элбэх эбит, — дийн оџо ыалдытын ытыктыы санаа-
быт. — Оттон бэйэн кып-кыраџын дии. Хас саастааххыный?

— Билбэппин ээ. Ол гынан баран, мин эмиэ оџобун. Куруук
оџобун.

— Эн кимин да суох дуо? Ийэн, аџан, эдьийдэринг-убайда-
рын суохтар дуо?

— Соџотохпун быһылаах.

— Соџотох булар куһаџан, — дийн оџо өрө тыыммыт. —
Көрөбүн дуо, мин дьэи иһэ толору аймахтардаахпын, дьэи таһыгар
да бааллар. Оттон билигин биир да киһи ытаабышпар чугаһаабата,
саараптата. Миэхэ биһик ырыатын ыллаан кулу эрэ, утуйуом этэ.

Герюш, көс дьэи иһигэр элбэхтэ иһиппит биһик ырыатын өй-
дөөн кэлэн, хайдах сатыырынан ыллаан барбыт: «Баайу-баай! Ба-
айу-баай!..».

Сотору кэминэн оџо утуйбут.

Кинини кытта биир биһиккэ Герюш эмиэ утуйан хаалбыт.

Муус устар 2 күнэ, 2020 с.

АХР ТОЛЬ — КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

- Аак — *дербет*. обращение к матери
багш — учитель
бурхн — божество
буурлдан багла — пучок полыни
бүслүр — блокада
даальң — переметная сумка
делв — лепестки
делгц — монитор
денвэ — коврик
дээчлт — мобилизация
дөөглх — насмехаться, дразнить
дурнав — бинокль
жамб цецг — одуванчик
жиңнүр — телефон
исэлэ — маленький, малыш
кем — градус
медүлт бичг — донесение
нүрздг — *разг.* зеркало
һадр киилг — гимнастерка
һакур — цемент
өвлгч — наследник
сурһаль — учение
сүлжән — интернет
тарвж — орёл
товчлур — клавиатура
тооцлур — компьютер
бийин тамр — физкультура
хагдур — фонтан
хара бээх — бездельничать
харнда — карандаш
холвачн — связист
хотон — поселение из нескольких кибиток
хувнцр — пластмасса

хулһн — компьютерная мышка
цаклһани — электрический
цаклһач — электрик
чачр — 1) зонт; 2) шатер
чивүлх — утопить
чигян — кумыс
шолврха — царапина
шорлһ — шашлык
шулмусы — черти
эгдүтх — негодовать, возмущаться
элслтин цегжң — призывной пункт
әнжүр — нежный, ласковый
ээж — 1) мать; 2) бабушка.

ПРИМЕЧАНИЯ

На русском языке

- Ханинова Р.* Взлететь над мира суетой: эссе // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар». 1994. С. 89.
- Ханинова Р.* Наедине с собою: эссе // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар». 1994. С. 51–59.
- Ханинова Р.* Прости меня за все, что не случилось: фрагменты эссе // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар». 1994. С. 60–67.
- Хонинова Р.* Сургаль: [рассказ] // Комсомолец Калмыкии. 1972. 13 июня. С. 3.
- Хонинова Р.* Братья сели в чудесное седло сургали: [рассказ] // Советская Калмыкия. 1972. 12 августа. С. 4.
- Ханинова Р.* Одуванчик: сказка // Байр (Радость). 2002. № 12. (Без указания страниц); Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 216–218.
- Ханинова Р.* Как был наказан медведь: [сказка] // Байр. 2010. № 6. С. 10. (Старая сказка на новый лад); Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 224.
- Ханинова Р.* Материнский хлеб: [быль] // Байр. 2015. № 4. С. 84; Теегин герл. 2015. № 2. С. 40; Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 226–227; Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. Х. 124–125.
- Ханинова Р.* Сургаль: Из рассказов отца // Теегин герл. 2015. № 2. С. 40–42; Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов

- мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 212–214.
- Ханинова Р.* Братья сели в чудесное седло сургали: Из рассказов отца // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 214–216.
- Ханинова Р.* Запах полыни (По мотивам чеченского предания) // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 225; Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. Х. 123.
- Ханинова Р.* Пуля: быть // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 127–130.
- Ханинова Р.* Сан Саных: быть // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 133–135.
- Ханинова Р.* Из цикла «Военная быть»: Сан Саных; Партизанская мадонна; Пуля; Материнский хлеб; Собака; Печник: [рассказы] // Теегин герл. 2016. № 2. С. 21–40.
- Ханинова Р.* Из цикла «Сибирская быть». Мамины рассказы о сибирском детстве: 1. Как нас в Сибирь выслали, 2. Как нас суслики спасли, 3. Как нас картошка спасла, 4. Папа; Заяц на счастье. Народному поэту Калмыкии Владимиру Нурову; Бутылка: [рассказы] // Теегин герл. 2016. № 6. С. 42–55.
- Ханинова Р.* Из цикла «Сибирская быть»: Второй исход; «Прощай, родная степь!»: [рассказы] // Теегин герл. 2018. № 6. С. 39–52.
- Ханинова Р.* Из цикла «Военные были»: Это было в Сенино; Знамя: [рассказы] // Теегин герл. 2019. № 3. С. 3–17.
- Ханинова Р.* Безымянный: сказка // Хальмг үнн. 2020. 17 сентября (№ 146–147). С. 9.
- Ханинова Р.* Альбинос; Кто главнее?; Перекати-поле; Укротитель песков; Одинокое дерево; Суслик; Первый тюльпан; Черноголовый журавль: сказки // Теегин герл. 2021. № 1. С. 114–126.
- Ханинова Р.* Герюш; Безымянный; Боевая ничья; Баранья лопатка;

- Мудрый Ёж; Черный котенок; Верблюжья колючка: сказки // Теегин герл. 2021. № 4. С. 114–126.
- Ханинова Р. Вещий сон; Не оглядывайся; Осколок из Беслана [рассказы]; Герюш [сказка]; Черепаха и стена [притча] // Дар духовный: альманах на калм. и рус. яз. Элиста, 2021. С. 152–156.
- Ханинова Р. Золотой всадник, конь и орел; Дозорная ворона; Сорока; Мальчик и Дракон; Травка зеленеет...; Шлагбаум; Хромая старуха; Эхо; Зайчиха; Лужа: сказки // Теегин герл. 2022. № 6. С. 89–108.
- Ханинова Р. Знамя: рассказ // Литературная газета. 2023. 29 марта (№ 12). С. 18.
- Ханинова Р. Меч для героя; стакан проса; Осколок из Беслана: рассказы // Теегин герл. 2024. № 3. С. 48–55.

На калмыцком языке

- Хоньна Р. Жамб цецг: тууль / орчулснь Налхан Б. // Байрта. 2009. 30 апреля (№ 16). X. 7.
- Ханина Р. Буурлдан үнр: чечен домгин авцар / орчулснь Канкан Эрднь // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 226.
- Ханина Р. Шарлжна үнр: чечен домгин авцар / орчулснь Канкан Эрднь // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 124.
- Ханина Р. Жамб цецг: тууль / орчулснь Налхан Б. // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 219–221.
- Ханина Р. Аакан бэрүлсн өдмг: үнн учр / орчулснь Канкин Эрднь // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 125–126; Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках на-

- родов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 227–228.
- Ханина Р.* Сан Саныч: үнн учр / орчулснь Канкин Эрднь // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 136–138.
- Ханина Р.* Сумн: үнн учр / орчулснь Шугран Вера // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. X. 130–133.
- Ханина Р.* Һанц модн: тууль / Орчулснь Канкин Э. // Байр. 2020. № 4–5. X. 8.
- Ханина Р.* Нерн уга: тууль / Орчулснь Канкин Эрднь // Хальмг үнн. 2020. 17 сентября (№ 146–147). X. 9.
- Ханина Р.* Альбинос; Һоллгчнь кемб?; Хамхул; Элсдин хөрүлэч; Һанц модн; Зурмн; Түрүн бамб цецг; Хар келин тоһрун: туульс / орчулснь Канкин Э. // Теегин герл. 2021. № 1. С. 114–126.
- Ханина Р.* Герүш; Хэм: туульс / орчулснь Канкин Э. // Теегин герл. 2021. № 4. X. 114–118.
- Ханина Р.* Нерн уга; Хөөнэ дал; Цецн Зара: туульс / орчулснь Эльдшэ Э. // Теегин герл. 2021. № 4. X. 116–122.
- Ханина Р.* Миисин хар кичг; Темэнэ хатхнчг: туульс / орчулснь Шугран В. // Теегин герл. 2021. № 4. X. 114–126.
- Ханина Р.* Алтн мөрч, күлг болн һәрд; Харулч керэ; Шаазһа шовун; Көвүн болн Лу; Нохан көкржәнэ...; Шлагбаум; Доһлң эмгн; Дүүрән; Туула; Цандг: туульс / орчулснь Эльдшэ Э., Нуура В., Шугран В., Канкин Э., Хатуһа Н. // Теегин герл. 2022. № 6. X. 89–108.
- Ханинэ Р.* Хөв заядг туула: Хальмг улсин шүлгч Нуура Владимирт нерэдгдв; Шил: келврмүд / Орчулснь Эльдшэ Э. // Теегин герл. 2023. № 5. X. 52–59.

*На других языках
Рассказы*

Белорусский перевод. Ханинава Р. Сан Саныч: аповяданне / Пераклад Алеся Карлюкевіча // Ханинова Р. М. Материнский хлеб:

хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества.
Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 139–141.

Азербайджанский перевод. Хананова Р. Beslan qəlrəsi: hekayə /
Çevirdi: K. Nəzirli. Публикуется впервые.

Из цикла «Сказки»

Хатуч меклә (Ойротск тууль) // Ленинэ ачнр. 1938. Июлин 5. X. 4.
Ханинова Р. Жадная лягушка (По мотивам ойратской сказки). Пу-
бликуется впервые.

Английский перевод. Khaninova R. How the bear was punished: [A
Fairy Tale] / Translated by Elza Khaninova // Байр. 2010. № 6. С.
10; Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хре-
стоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира.
Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 224.

Черногорский перевод. Haninova R. Како је кажњен мећед. Стара
прича у новом руху / Са руского на црногорски језик превео и
препјевао Душан Ђуришић // Prosvietni rad. 2013. 15–16 maj-
jun. S. 3.

Черногорский перевод. Haninova R. Maslačak / превео Д. Ђуришић
// Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хресто-
матия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Эли-
ста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 221–223.

Антология сказки «Герюш»

Абазинский перевод. Ханинова Р. Герюш: ЛокI / Абаза бызшвала
ЧкIала Георгий йатайкIтI (Перевод Георгия Чекалова). Публи-
куется впервые.

Азербайджанский перевод. Хананова Р. Geryuş: Nağil / Çevirdi:
K. Nəzirli (Перевод Камрана Назирли) // Edebiyyat qazeti (Лите-
ратурная газета). 2021. 17 ноября [электронный ресурс] URL:
<https://edebiyatqazeti.az/news/tranlations/8130-kalmik-yazicisi-rimma-xanivanin-geryus-nagili>

Английский перевод. Khaninova R. Gheryoosh: A Fairy Tale /

- Translated by Carleton Copeland (Перевод Карла Коупланда). Публикуется впервые.
- Башкирский перевод.* Ханинова Р. Герюш: Экиэт / Зэки Әлибаев тәржемәһе (Перевод Заки Алибаева). Публикуется впервые.
- Белорусский перевод.* Ханинова Р. Геруш: Казка / пераклад з рускай мовы Алены Стэльмах (Перевод Елены Стельмах) // Вясёлка (Радуга). 2023. № 10. С. 18–19. (Творы народаў свету).
- Бурятский перевод.* Ханинова Р. Герюш: Онтохон / Даша-Дондоб Очировой оршуулга. (Перевод Д-Д.Э. Очирова). Публикуется впервые.
- Ингушский перевод.* Ханинова Р. Герюш: Файлг / Перевод Хаваша Накостоева. Публикуется впервые.
- Казахский перевод.* Ханинова Р. Герюш: Ертегі / Перевод Маржаны Шагимолдиной. Публикуется впервые.
- Калмыцкий перевод.* Герюш: Тууль / Орчулснь Эльдшә Эрднь (Перевод Эрдни Эльдышева). Публикуется впервые.
- Литовский перевод.* Khaninova R. Geriušas: Pasaka / Vertė Laima Debesiūnienė (Перевод Лаймы Дебесюнене). Публикуется впервые.
- Марийский перевод.* Ханинова Р. Герюш: Йомак / Светлана Григорьева-Сото марла%оден (Перевод Светланы Григорьевой-Сото) // Ямде лий. 2021. 29 октября (№ 44). С. 6.
- Монгольский перевод.* Ханинова Р. Гэрийн онгон: Үлгэр / Орчуулсан Ванчинсүрэнгийн Цогмаа (Перевод Ванчинсүрэн Цогмаа). Публикуется впервые.
- Ногайский перевод.* Ханинова Р. Кьоргиси: Эртеги / Кьширген А. Култаев (Перевод Анварбека Култаева) // Лашын (Соколенок). 2022. № 4. С. 11–13.
- Польский перевод.* Khaninova R. Gieriusz: Baśń / przelożył Aleksander Śnieżko (Перевод Александра Снежко). Публикуется впервые.
- Русинский перевод.* Ханинова Р. Гэрюш: Казка / Перевод Юрия Иванова. Публикуется впервые.
- Румынский перевод.* Khaninova R. Gheriuş: O poveste / Перевод Александра Ковалевского. Публикуется впервые.
- Татарский перевод.* Ханинова Р. Тирмәш: Экият / Татарчага Ман-

сур Сафин тәржемәсе (Перевод Мансура Сафина). Публикуется впервые.

Удмуртский перевод. Ханинова Р. Герюш: Калмык выжыкыл / Удмурт кылэ Вячеслав Ар-Серги берыктöz (Перевод Вячеслава Ар-Серги) // Кизили (Звезда). 2022. № 3. С. 6–7.

Узбекский перевод. Ханинова Р. Герюш-митти уй париси / Таржимон: Абиджан Алимжанов (Перевод Абиджана Алимжанова). Публикуется впервые.

Чеченский перевод. Ханинова Р. Герюш: Туьйра / Гочдинарг — Ахматукаев Адам (Перевод Адама Ахматукаева). Публикуется впервые.

Якутский перевод. Ханинова Р. Герюш: Остуоруйа / Саха тылыгар тылбаастаата Ираида Попова (Перевод Ираиды Поповой) // Чуораанчык (Колокольчик+). 2021. № 4. С. 8–9.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. МЕЧ ДЛЯ ГЕРОЯ	8
ЭССЕ	9
Взлететь над мира суетой.	9
РАССКАЗЫ	15
ИЗ РАССКАЗОВ МОЕГО ОТЦА	15
Сургаль.	15
Братья сели в чудесное седло сургали.	18
ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»	21
Это было в Сенино.	21
Меч для героя	35
ИЗ ЦИКЛА «СИБИРСКАЯ БЫЛЬ»	41
Второй исход	41
«Прощай, родная степь!»	51
Три звездочки.	61
Мамины рассказы о сибирском детстве.	66
ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»	78
Сан Саныч.	78
Собака.	84
Печник.	87
Знамя.	97
ИЗ ЦИКЛА «КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ»	105
Осколок из Беслана	105
Стакан проса	107
Вещий сон.	109
Не оглядывайся.	111
2+2=4.	113

ИЗ ЦИКЛА «ПРИТЧИ»	115
Змея и стена.	115
Стакан воды.	117
Черепаша и стена.	119

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ СТЕПНОГО ВЕТРА»	121
Чертополох.	121
Смартфон.	123
Каракули.	125
Слезамы облился.	127
Умная глупость.	129
Подсвечник.	131
Снеговик и ёлка.	133

II. ЗАПАХ ПОЛЫНИ 135

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ»	136
Запах полыни (<i>По мотивам чеченского предания</i>).	136
Буурлдан үнр. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	138

ИЗ ЦИКЛА «СИБИРСКАЯ БЫЛЬ»	139
Заяц на счастье.	139
Хөв заядг туула. <i>Орчулснь Эльдшэ Эрднь</i>	144

ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»	149
Материнский хлеб.	149
Аакин бэрүлсн өдмг. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	151
Сан Саныч.	153
Сан Саныч. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	157
Картина.	161
Зург. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	167
Пуля.	173

Сумн. <i>Орчулснь Шугран Вера</i>	178
ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ СТЕПНОГО ВЕТРА»	182
Одуванчик.	182
Жамб цецг. <i>Орчулснь Налхан Байрта</i>	187
Одинокое дерево.	190
Ганц модн. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	191
Кто главнее?	192
Голлгчнь кемб? <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	193
Безымянный.	194
Нерн уга. <i>Орчулснь Эльдиэ Эрднь</i>	195
Перекасти-поле.	196
Хамхул. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	197
Альбинос.	198
Альбинос. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	199
Суслик.	200
Зурмн. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	201
Первый тюльпан.	204
Түрүн бамб цецг. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	205
Боевая ничья.	208
Хэм. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	209
Черноголовый журавль.	212
Хар келн тоһрун. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	213
Герюш.	216
Герүш. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	217
Укротитель песков.	220
Элсдин хөрүлөч. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	221
Хромая старуха.	224
Доһлц эмгн. <i>Орчулснь Шугран Вера</i>	225
Черный котенок.	230
Миисин хар кичг. <i>Орчулснь Шугран Вера</i>	231
Верблюжья колючка	234
Темэнэ хатханчг. <i>Орчулснь Шугран Вера</i>	235
Лужа.	238
Цандг. <i>Орчулснь Хатуһа Николай</i>	239
Мальчик и дракон.	242

Көвүн болн Лу. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	243
Эхо.	246
Дүүрэн. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	247
Золотой всадник, конь и орел.	250
Алтн мөрч, күлг болн һәрд. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	251
Травка зеленеет.	254
Нохан көкржәнә. <i>Орчулснь Нуура Владимир</i>	255
Зайчиха.	258
Туула. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	259
Три ягненка.	262
Гурвн хурһн. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	263
Мудрый Ёж.	266
Цецн Зара. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	267
Сорока.	270
Шаазһа шовун. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	271
Шлагбаум.	274
Шлагбаум. <i>Орчулснь Нуура Владимир</i>	275
Баранья лопатка.	278
Хөөнә дал. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	279
Дозорная ворона.	282
Харулч керә. <i>Орчулснь Эльдишэ Эрднь</i>	283
Две мышки.	286
Хойр хулһн. <i>Орчулснь Канкин Эрднь</i>	287

III. ГЕРЮШ 290

РАССКАЗЫ 291

Сан Саныч. Апаваданне.	291
<i>Пераклаў з рускай мовы Алесь Карлюкевич</i>	
Beslan qәlpәsi: hekaуә. <i>Çevirdi: K. Nәzirli</i>	295

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ» 297

Хатуч меклә (<i>Ойротск тууль</i>).	297
Жадная лягушка (<i>по мотивам ойратской сказки</i>)	298

Как был наказан медведь (<i>Тофаларская сказка на новый лад</i>)	301
How the bear was punished (A Fairy Tale). <i>Translated by Elza Khaninova.</i>	301
Kako je kažnjen međed. Tofalarska priča. <i>Sa ruskog na crnogorski jezik preveo Dušan Đurišić.</i>	302
Maslačak. <i>Sa ruskog na crnogorski jezik preveo Dušan Đurišić.</i>	303
Антология сказки «Герюш»	307
<i>Абазинский перевод. Герюш: ЛокI. Абаза бызшвала ЧкIала Георгий йатайкIмI (Перевод Георгия Чекалова) . .</i>	307
<i>Азербайджанский перевод. Герюш: НагIл. Çevirdi: K. Nəzirli (Перевод Камрана Назирли) . . . . .</i>	309
<i>Английский перевод. Gheryoosh: A Fairy Tale. Translated by Carleton Copeland (Перевод Карла Коупланда) . . . . .</i>	311
<i>Башкирский перевод. Герюш: Экият. Зәки Әлибаев тәржемәһе (Перевод Заки Алибаева) . . . . .</i>	313
<i>Белорусский перевод. Герюш: Казка. Пераклад з рускай мовы Алены Стэльмах (Перевод Елены Стельмах) . . . . .</i>	315
<i>Бурятский перевод. Герюш: Онтохон. Даша-Дондоб Очировой оршуулга (Перевод Д-Д.Э. Очирова) . . . . .</i>	317
<i>Ингушский перевод. Герюш: Фаьлг. Перевод Хаваша Накостоева. . . . .</i>	319
<i>Казахский перевод. Герюш: Ертегі. Перевод Маржаны Шагимолдиной. . . . .</i>	321
<i>Калмыцкий перевод. Герюш: тууль. Орчулснь Эльдшә Эрднь (Перевод Эрдни Эльдышева) . . .</i>	323
<i>Литовский перевод. Geriušas: Pasaka. Vertė Laima Debesiūnienė (Перевод Лаймы Дебесюнене) .</i>	325
<i>Марийский перевод. Герюш: Йомак. Светлана Григорьева-Сото марла%оден (Перевод Светланы Григорьевой-Сото)</i>	327
<i>Монгольский перевод. Гэрийн онгон: Үлгэр. Орчуулсан Ванчинсүрэнгийн Цогмаа (Перевод Ванчинсүрэн Цогмаа) . . . . .</i>	329

<i>Ногайский перевод. Коьргиси: Эртеги.</i>	
<i>Коьширген А. Култаев (Перевод Анварбека Култаева) . . .</i>	331
<i>Польский перевод. Gieriusz: Waśń. Przełożył Aleksander Śnieżko (Перевод Александра Снежко). . . . .</i>	334
<i>Русинский перевод. Гэрюш: Казка.</i>	
<i>Перевод Юрия Иванова. . . . .</i>	336
<i>Румынский перевод. Gheriuş: O poveste.</i>	
<i>Перевод Александра Ковалевского. . . . .</i>	338
<i>Татарский перевод. Тирмәш: Әкият.</i>	
<i>Татарчага Мансур Сафин тәржемәсе</i> <i>(Перевод Мансура Сафина). . . . .</i>	340
<i>Удмуртский перевод. Герюш: Калмык выжыкыл. Удмурт</i> <i>кылэ Вячеслав Ар-Серги берыктӧз</i> <i>(Перевод Вячеслава Ар-Серги). . . . .</i>	342
<i>Узбекский перевод. Герюш-митти уй париси. Таржимон:</i> <i>Абиджан Алимжанов (Перевод Абиджана Алимжанова) .</i>	344
<i>Чеченский перевод. Герюш: Туьйра. Гочдинарг —</i> <i>Ахматукаев Адам (Перевод Адама Ахматукаева) . . . . .</i>	346
<i>Якутский перевод. Герюш: Остуоруйа. Саха тылыгар</i> <i>тылбаастаата Ираида Попова</i> <i>(Перевод Ираиды Поповой). . . . .</i>	348
<i>Ахр толь — краткий словарь. . . . .</i>	350
<i>Примечания. . . . .</i>	352

Литературно-художественное издание

Ханинова Римма Михайловна

**ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО:
ИЗБРАННАЯ ПРОЗА**

На обложке: «Дождь в Элисте», 23.08.2017 г. Фото автора;
Р. Ханинова. Фото Н. Бошева

Подписано в печать 26.08.2024
Формат 60x84/16 ½. Печать офсетная
Усл. печ. л. 171.12. Тираж 100 экз. Заказ 07-24

Отпечатано в КалмНЦ РАН
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста,
ул. И. К. Илишкина, д. 8

Римма Михайловна Ханинова — калмыцкий русскоязычный поэт, прозаик, драматург, переводчик, журналист, литературовед. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, член Союза журналистов России. Автор и соавтор книг «Зимний дождь», «Взлететь над мира суетой», «День влюбленных», «Час речи», «На перекрестках Софии и Веры», «Стану красным тюльпаном», «Ландшафт истории», «Материнский хлеб».